

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ярошенко Полина Владимировна

**Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами
(на материале параллельного мультязычного корпуса)**

Специальность 5.9.8 — Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Разлогова Елена Эмильевна

Москва – 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕНСОРНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ	14
1.1. Периодизация истории исследования перцепции	15
1.2. Античность: базовые представления о перцепции	17
1.3. Средневековье и Ренессанс: спад интереса	22
1.4. Новое время: философский, медицинский и эстетический аспекты в исследовании восприятия	24
1.5. Современный этап: узкая специализация наук и тенденция к полидисциплинарности	32
1.6. Выводы	36
ГЛАВА 2. СИНЕСТЕЗИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ	38
2.1. Основы лингвистической концепции синестезии	38
2.2. Сенсорные ассоциации с языковыми единицами различного порядка	40
2.3. Синестезия как тип семантического перехода	44
2.4. Синестезия в теории фигур	46
2.5. Выводы	53
ГЛАВА 3. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СЕНСОРНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	55
3.1. Слова с сенсорным семантическим компонентом	55
3.1.1. Сенсорная модальность как основание классификации	56
3.1.2. Сенсорный компонент в семантике слова	58
3.1.3. Сенсорная лексика: к проблеме семантического описания	60
3.1.4. Сенсорная лексика: определение и объём понятия	63
3.1.5. Монокомпонентные и поликомпонентные слова	71
3.1.6. Сенсорная полисемия	73
3.1.7. Выводы	75

3.2. Словосочетание с сенсорными семантическими компонентами: определение и объём понятия	77
3.2.1. Синестетическая метафора и синестезия: проблема несоответствия	77
3.2.2. Словосочетание versus метафора	80
3.2.3. Типы словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами	89
3.2.4. Модели перевода слов с сенсорным семантическим компонентом, входящих в состав синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний	98
3.2.5. Выводы	100

ГЛАВА 4. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СЕНСОРНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В КОРПУСАХ	103
4.1. Вводные замечания	103
4.2. Описание материала исследования	106
4.3. Корпус R	113
4.3.1. Сенсорные семантические компоненты в корпусе R	113
4.3.2. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами в корпусе R	118
4.3.3. Синестетические словосочетания в корпусе R	121
4.3.4. Моностетические словосочетания в корпусе R	124
4.3.5. Идеастетические словосочетания в корпусе R	127
4.3.6. Семантические классы слов, входящих во взаимодействие с сенсорной лексикой, в идеастетических словосочетаниях корпуса R	129
4.3.7. Модели перевода слов с сенсорными компонентами в словосочетаниях корпуса R	131
4.3.8. Выводы	135
4.4. Корпус N	138
4.4.1. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами в корпусе N	139
4.4.2. Синестетические словосочетания в корпусе N	141

4.4.3. Моностетические словосочетания в корпусе N	143
4.4.4. Идестетические словосочетания в корпусе N	144
4.4.5. Семантические классы слов, входящих во взаимодействие с сенсорной лексикой, в идестетических словосочетаниях корпуса N	146
4.4.6. Выводы	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	164

ВВЕДЕНИЕ

Сенсорная лингвистика (*sensory linguistics*) — область языкознания, где в центре внимания находится отображение сенсорного восприятия в языке. В отечественном языкознании это направление может обозначаться также терминами «лингвосенсорика»¹ или «перцептивная лингвистика».

Это направление исследований активно развивается в настоящее время, однако работы, посвящённые непосредственно проблемам сенсорной лингвистики, немногочисленны. Среди них отметим исследование Б. Винтера [Winter 2019], где наиболее системно рассматриваются вопросы теории и методологии сенсорной лингвистики (классификация сенсорной лексики; иерархия каналов восприятия и их представленность в языке; метафора на базе сенсорной лексики и др.).

При этом необходимо отметить, что существуют исследования в иных направлениях, затрагивающие проблематику отображения восприятия в языке. В области лингвистической семантики можно выделить работы, где лексика, связанная с восприятием, рассматривалась наряду с другими тематическими классами², а также исследования, где внимание было сосредоточено на более узкой категории в рамках сенсорной лексики (например, перцептивные глаголы³ или цветообозначения⁴).

Другое направление с близкой проблематикой — исследования языковых проявлений синестезии⁵. При этом под языковой синестезией (*linguistic synaesthesia*) может пониматься широкий спектр явлений, относящихся к

¹ Термин предложен [Харченко 2012], употребляется также [Нагорная 2017]. В настоящем исследовании будет использоваться термин «сенсорная лингвистика», поскольку он кажется более прозрачным (как и его английский эквивалент «*sensory linguistics*»).

² [Апресян 1995], [Рябцева 2005], [Зализняк 2006] и др.

³ [Падучева 2004], [Кобозева 2013], [Viberg 1983; 2015; 2019] и др.

⁴ [Rosch 1975], [Wierzbicka 1990], [Норманская 2005], [Kay, Regier 2006] и др.

⁵ Синестезия — физиологически обусловленная особенность восприятия, когда при стимуле одного органа чувств возникает дополнительное ощущение, относящееся к другому органу чувств (например, цветной слух). В лингвистике исследуется не собственно физиологический феномен, а его отображение на языковом материале.

различным аспектам языковой системы: сенсорные ассоциации, возникающие у человека в ответ на стимул в виде той или иной единицы языка⁶; разновидность семантического перехода⁷; тип метафоры⁸ и др.

Актуальность работы, таким образом, определяется с одной стороны неуклонно растущим интересом к направлению сенсорной лингвистики, а с другой — относительно малой степенью научной разработанности ряда вопросов в рамках этой дисциплины, в том числе и на уровне семантики.

Объект исследования — словосочетания с сенсорными семантическими компонентами. Под словосочетанием с сенсорными семантическими компонентами в работе понимается особый класс словосочетаний, где как минимум одно из слов содержит сенсорный компонент, при этом сенсорное слово не служит для обозначения объективно присущих свойств (то есть такие сочетания, как *чёрное платье*, — исключаются из рассмотрения, а такие, как *чёрная мелодия* или *чёрная печаль* — рассматриваются).

Предмет исследования — семантическая структура словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами.

Материал исследования — два авторских корпуса параллельных текстов.

В первый корпус вошли оригинальный текст стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» на французском языке и 15 его переводов на русский язык: переводы В. Эльснера (1909), С. Боброва (1910), В. Набокова (1928), Д. Бродского (1929), Б. Лившица (1935), П. Антокольского (после 1945), Л. Мартынова (1974), М. Кудинова (1982), Д. Самойлова (1984), Е. Витковского (1986), А. Голембы (1988), Е. Головина (дата неизвестна), М. Анищенко (2003–2004), А. Кроткова (2005), А. Чернова (2011). Общий объём корпуса составил 9 685 словоупотреблений.

Во второй корпус вошли оригинальный текст романа «Лолита»

⁶ См., напр.: [Cuskley et al. 2019]; [Rouw et al. 2014]; [Asano, Yokosawa 2012].

⁷ См., напр.: [Day 1996]; [Shinohara, Nakayama 2011]; [Yu 2015].

⁸ См., напр.: [Williams 1976].

В. Набокова на английском языке (1955), русский автоперевод (1967) и два французских перевода — Эрик Каан (1959) и Морис Кутюрье (2001). Общий объём корпуса составил 475 732 словоупотребления.

Выбор материала обусловлен 1) тем, что параллельные тексты дают возможность описать слова и словосочетания с сенсорными семантическими компонентами с учётом переводных соответствий (translation correspondences), которые могут служить дополнительным источником информации о их семантике⁹; 2) тем, что мультязычный корпус позволяет протестировать предлагаемый в работе подход к описанию и анализу слов и словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами на материале нескольких языков — русского, французского и английского; 3) спецификой объекта исследования: при подборе материала мы исходим из гипотезы, что тот или иной текст содержит достаточное количество интересующих нас словосочетаний¹⁰. В данном случае гипотеза мотивирована значительным количеством работ, посвящённых языковой синестезии в текстах В. Набокова и А. Рембо (Ж.-Р. Винь, Л. Ву, И. Малпас, Р. Траусдэйл; Б. М. Галеев, Ю. С. Степанов, и др.).

Цель исследования — дать системное семантическое описание класса словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами, используя данные корпусов.

Задачи, решение которых необходимо для достижения цели исследования:

- 1) проанализировать работы, посвящённые изучению сенсорной перцепции и синестезии в рамках различных научных дисциплин; рассмотреть представленные в лингвистике подходы к исследованию языковой синестезии;
- 2) проанализировать работы, посвящённые изучению сенсорной лексики;

⁹ Анализ переводных соответствий используется как инструмент для изучения семантики. См., напр.: [Добровольский, Зализняк 2020]; [Добровольский, Шмелев 2018], [Johansson 2007]; [Noël 2003].

¹⁰ Схожую проблему с подбором материала отмечают в статье: [Zawisławska et al. 2018].

определить, какие лексические единицы будут включены в категорию сенсорной лексики в рамках исследования; описать классы сенсорной лексики;

- 3) проанализировать работы, посвящённые изучению синестетической метафоры, в том числе на корпусном материале; выявить основные методологические проблемы;
- 4) на основе опыта предыдущих исследований сформулировать определение словосочетания с сенсорными семантическими компонентами;
- 5) определить теоретически возможные словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами в зависимости от количества и сенсорной модальности включённых компонентов;
- 6) произвести в исследуемом материале поиск лексических единиц с сенсорными семантическими компонентами и провести их количественный и качественный анализ;
- 7) при необходимости дать более детальное описание классов сенсорной лексики с учётом результатов анализа корпусных данных;
- 8) произвести в исследуемом материале поиск словосочетаний, определённых в пункте 5; провести количественный и качественный анализ словосочетаний;
- 9) выявить в обнаруженных словосочетаниях основные закономерности перевода сенсорной лексики; на основании полученных данных описать модели перевода сенсорной лексики;
- 10) при необходимости дать более детальное описание типов словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами с учётом результатов анализа корпусных данных.

Методы исследования — методы корпусной лингвистики; описательный метод; сопоставительный метод; метод компонентного семантического анализа; метод лингвостилистического анализа с использованием аппарата стилистических фигур; метод классификации; метод визуализации данных; элементы статистического анализа.

Научная новизна исследования определяется тем, что 1) в работе в качестве объекта исследования вводится класс словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами; 2) словосочетания с сенсорными семантическими компонентами исследуются на материале параллельных мультязычных корпусов (русский, французский и английский языки).

Теоретической базой исследования послужили:

- работы, посвящённые вопросам сенсорной лингвистики (Б. Винтер);
- работы, посвящённые вопросам лингвистической семантики (О. Виберг, А.-Ж. Греймас, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Д. Шмелев, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Е. В. Падучева, Анна А. Зализняк, Д. О. Добровольский, И. М. Кобозева и др.);
- работы, посвящённые вопросам корпусной лингвистики (В. П. Захаров, Анна А. Зализняк, Д. О. Добровольский, С. Юханссон, Д. Варга, Д. Ноэл, И. Дан Меламед и др.);
- работы по теории перевода и корпусной традуктологии (М. Бэйкер, Р. Лок, А. Берман, Е. Э. Разлогова и др.);
- работы по теории фигур (М. Пранди, Ж. Женетт, М. Бономм, Дж. Лакофф, Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ф. Мэнге, Ф. Пир, Ж.-М. Клинкаенберг, А. Тринон и др.);
- работы, посвящённые синестезии как нейрофизиологическому феномену (М. Диксон, Р. Сайтовик, Э. Хаббард, С. Барон-Коэн и др.); как психологическому феномену (Дж. Симнер, Дж. Уорд, Р. Роу и др.); как лингвистическому феномену (С. Ульманн, Дж. Уильямс, Ф. Стрик Лиеверс, Дж. Манкин, К. Барнетт и др.);
- работы, посвящённые вопросам теории и истории исследования перцепции (Б. Г. Ананьев, А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевский, Г. Фехнер, Дж. Тонер, А. Батлер, К. Рудольф).

Положения, выносимые на защиту:

1. Словосочетания с сенсорными компонентами в зависимости от

количества и сенсорной модальности включённых компонентов целесообразно распределить по трём типам: синестетическое словосочетание (*сладкая песня* — оба слова содержат сенсорный компонент, при этом компоненты относятся к различным модальностям восприятия); моностетическое словосочетание (*сладкая горечь* — оба слова содержат сенсорный компонент, при этом компоненты относятся к одной модальности восприятия); идеастетическое словосочетание (*сладкая влюблённость* — одно из слов содержит сенсорный компонент, а второе не имеет непосредственного отношения к перцепции).

2. Система понятий, предлагаемая в работе, позволяет более полно и непротиворечиво описать исследуемое явление. Синестетические, моностетические и идеастетические словосочетания традиционно объединяются под термином «синестетическая метафора», что представляется не вполне корректным. Во-первых, понятие синестезии, в том числе языковой, подразумевает смешение ощущений различных модальностей, этому критерию соответствует лишь один тип словосочетаний — синестетические (в нашей классификации); во-вторых, в основе словосочетаний с сенсорными компонентами может лежать не только метафора, но и другие фигуры: сравнение, метонимия, нарративный эллипсис, гипаллага, оксюморон.
3. Семантическая сочетаемость сенсорной лексики в составе исследуемых словосочетаний шире, чем было принято предполагать. Ранее, в работах, посвящённых изучению синестетических метафор, речь шла о сочетании сенсорных слов с аффективной и абстрактной лексикой. В рамках настоящего исследования перечень категорий был расширен и уточнён.
4. Перевод слов с сенсорными семантическими компонентами в составе исследуемых словосочетаний осуществляется по четырём моделям: модель 1 — сенсорный компонент в оригинале и переводе относится к одной и той же модальности и характеризуется максимальной семантической близостью (*red — красный*); модель 2 — сенсорный

компонент в оригинале и переводе относится к одной и той же модальности, однако семантика слова претерпевает изменения (*red* — *чёрный*); модель 3 — сенсорный компонент в оригинале и переводе относится к различным сенсорным модальностям, что закономерно влечёт за собой серьёзные изменения семантики (*red* — *сладкий*); модель 4 — сенсорный компонент присутствует в оригинале и отсутствует в переводе (*red* — \emptyset).

Теоретическая значимость исследования. В работе предложен теоретический аппарат для лингвистического описания словосочетаний с сенсорными компонентами с точки зрения их семантической структуры.

Практическая ценность исследования. Предложенный метод анализа лексических единиц и словосочетаний, содержащих сенсорный семантический компонент, может быть использован в других исследованиях семантики сенсорной лексики. Возможно использование выявленных лексических единиц, содержащих сенсорные компоненты, при формировании тезауруса сенсорной лексики. Модели перевода лексических единиц потенциально полезны для исследований в области машинного перевода. Полученные в работе выводы могут использоваться в рамках дисциплин, связанных с семантикой, а также при создании курсов, посвящённых сенсорной лингвистике или языковым проявлениям синестезии. Возможно использование созданных автором корпусов для дальнейшего изучения в работах по корпусной традуктологии, сопоставительной семантике.

Достоверность результатов обеспечивается теоретико-методологической базой исследования; комплексностью предлагаемого подхода; объёмом проанализированного материала; опытом практического применения предлагаемого подхода на материале двух параллельных корпусов.

Апробация полученных результатов. По теме исследования было выполнено 11 публикаций, из которых 6 — в журналах, рекомендованных ВАК, а также индексируемых в Russian Science Citation Index, 2 — в журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science Core Collection.

Основные положения работы были изложены в 11 докладах на международных научных конференциях: международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2023. Секция филологических наук» (10 апреля 2023, г. Москва); LI Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой (14–21 марта 2023, г. Санкт-Петербург); IX-я международная научная конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых учёных», Институт языкознания РАН (28–29 апреля 2022, г. Москва); международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2022. Секция филологических наук», МГУ имени М. В. Ломоносова (18 апреля 2022, г. Москва); XI-я международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности», МГУ имени М. В. Ломоносова (25–27 ноября 2021, г. Москва); VIII-я международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур» (22–23 апреля 2021, г. Череповец); VIII-я международная научная конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых учёных», Институт языкознания РАН (25–27 марта 2021, г. Москва); международная научно-практическая конференция «Прометей–2020. Галеевские чтения» (2–4 октября 2020, г. Казань); X-я международная научная конференция «Романские языки и культуры: от античности до современности», МГУ имени М. В. Ломоносова (28–30 ноября 2019, г. Москва); International Scientific Symposium «Synaesthesia: Cross-Sensory Aspects of Cognitive Activity across Science and Art» (16–20 октября 2019, г. Москва); международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов–2019», МГУ имени М. В. Ломоносова (11 апреля 2019, г. Москва).

Структура работы: работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы.

Во **Введении** дана общая характеристика работы: определены актуальность, новизна, цель и задачи, объект и предмет исследования, материал исследования, теоретическая база и методы исследования, теоретическая и практическая значимость исследования.

В **Главе 1** представлен аналитический обзор, где рассматриваются основные этапы формирования теории ощущений, а также возникновение и эволюция понятия синестезии в истории науки.

В **Главе 2** дан аналитический обзор работ, посвящённых изучению языковых проявлений синестезии. Рассматриваются основы лингвистической концепции синестезии и наиболее значимые направления изучения языковых аспектов феномена.

В **Главе 3** представлено изложение подхода к анализу предмета исследования. Приводится описание и классификация сенсорной лексики, которая является основой для формирования исследуемых типов словосочетаний; обоснование системы терминов; описание выделенных типов словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами и моделей перевода сенсорной лексики.

В **Главе 4** описан опыт практического применения предлагаемого подхода, дана интерпретация полученных из корпусов количественных данных.

В **Заключении** представлены общие выводы по содержанию работы, итоги и перспективы дальнейшего развития исследования.

Список литературы включает 192 наименования.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕНСОРНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ

Сенсорная перцепция имеет достаточно богатую историю изучения в рамках различных дисциплин. Проблема устройства и принципов функционирования человеческого восприятия представляет интерес в том числе и для решения фундаментальных теоретических и прикладных задач лингвистики (семантика, когнитивная лингвистика и др.). Вопрос о том, каким образом человеческое восприятие находит отражение на различных уровнях языка остаётся актуальным и сегодня. Появляется больше работ, которые можно было бы отнести к сенсорной лингвистике (*sensory linguistics*).

Исследований, посвящённых изучению истории развития теории ощущений, не очень много. При этом исследователи отмечают, что зачастую работы, посвящённые изучению истории перцепции, фокусируются прежде всего на зрении, в то время как остальные ощущения являются как бы сопровождающими или фоновыми [Butler, Nooter 2019: 15]. Одним из наиболее фундаментальных трудов по изучению эволюции теории восприятия в философии является сборник «The Oxford Handbook of Philosophy of Perception» (2015).

Особого внимания заслуживает серия, посвящённая периоду Античности и раннего Средневековья, — «The Senses of Antiquity» (под редакцией M. Bradley и S. Butler). Каждому типу сенсорного восприятия посвящена отдельная книга. В серии вышли тома «Smell and the Ancient Senses» (ред. M. Bradley, 2015), «Sight and the Ancient Senses» (ред. M. Squire, 2016), «Touch and the Ancient Senses» (ред. A. Purves, 2018), «Taste and the Ancient Senses» (ред. K. C. Rudolph, 2018), «Sound and the Ancient Senses» (ред. S. Butler, S. Nooter, 2019). Зрение, слух, вкус, осязание и обоняние рассматриваются с позиций истории, культурологии и антропологии, в контексте эволюции научной парадигмы от греко-римской Античности к Средневековью. В ходе обзора мы не раз обратимся к перечисленным выше изданиям.

Особый интерес для нашего исследования представляет история изучения синестезии, поскольку предлагаемый в работе подход к анализу словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами разрабатывался с опорой на понятие языковой синестезии¹¹. Языковые проявления синестезии в современных исследованиях изучаются прежде всего в психолингвистическом аспекте (см., например, [Прокофьева 2007], [Root et al. 2018], [Mankin 2019] и др.). Кроме того, синестезия исследуется в рамках диахронической лексикологии [Williams 1974], теории метафоры [Day 1995], теории фигур [Bonhomme 1998], [Bretones-Callejas 2005] и др. К истории вопроса, как правило, обращаются большинство исследователей, однако обзорных работ с последовательным изложением истории изучения феномена не так уж и много. Краткие разделы, посвящённые историческому обзору, есть в работах [Прокофьева 2007], [Day 2011], [Cytowic 2018]; отметим также [Заиченко, Картавенко 2011], [Сидоров-Дорсо 2013].

Целью данного обзора является более подробное и систематизированное изложение истории исследования сенсорной перцепции и синестезии в призме эволюции научной парадигмы от Античности до настоящего времени. **Задачей** — выделение этапов истории исследования, особенностей методологии, ключевой проблематики и вопросов терминологии для каждого периода.

1.1. Периодизация истории исследования перцепции

В исследовании сенсорного восприятия условно можно выделить четыре периода.

I период. Античность (примерно с IV в. до н.э. по V в. н.э.). Были заданы основы для формирования научного подхода к изучению сенсорного

¹¹ Несмотря на то, что в работе анализируются не только языковая синестезия, но и смежные явления, синестетические словосочетания остаются центральным, ключевым понятием работы. Выделение моностетических и идеастетических словосочетаний произошло именно для того, чтобы разделить эти типы и разъяснить с методологической точки зрения, что именно можно считать проявлением синестезии в языке, а что — нет. При этом идеастезия и моностезия тесно связаны с синестезией, хотя и не аналогичны ей.

восприятия в рамках античной философии — однако важно учитывать, что речь идёт лишь о базовом представлении о различных способах восприятия и их характеристиках. Также можно говорить о некоторых предпосылках для понимания того, что между сенсорными каналами может существовать связь.

II период. Средневековье и Ренессанс (V–XVI вв.) — в целом характеризуется спадом интереса к вопросам чувственного восприятия. На этом этапе тема восприятия и его особенностей не была особенно популярна в среде философов и учёных, встречаются лишь единичные работы, чаще всего, размышления художников эпохи Возрождения на близкие сюжеты.

III период. Новое время (XVII — первая половина XX вв.). Наблюдается новая волна интереса к области перцепции и к синестезии, как особому способу восприятия действительности. Можно выделить *философский, медицинский* и *эстетический* аспекты исследования. Важно, что на этом этапе появляются первые экспериментальные данные, в основном полученные методом самонаблюдения и фиксации индивидуальных проявлений синестетических ощущений.

IV период. Современный этап (вторая половина XX — настоящее время). Перцепция рассматривается в рамках различных областей науки (психология, нейрофизиология, неврология, лингвистика и др.). Подход к феномену синестезии и методика исследования зависят от конкретной научной дисциплины или ряда дисциплин.

Отметим, что сам факт существования синестезии признаётся большинством учёных только примерно с середины XX в. Именно в это время более пристальному изучению подвергаются причины и механизмы возникновения этого феномена. Многие вопросы и по сей день не находят однозначного разрешения в научном сообществе.

Четвёртый этап маркируется также появлением новых методов исследования, следовательно, и возможностью проводить эксперименты на принципиально новом уровне (электроэнцефалография, компьютерная томография и др.).

На этом этапе появляются работы, посвящённые лингвистическому исследованию сенсорного восприятия (с точки зрения семантики и теории метафоры прежде всего). Синестезия также начинает рассматриваться и в рамках лингвистической науки: предметом исследования выступают языковые единицы различного уровня, а также разнообразные тексты (художественные, рекламные, публицистические, научные).

Так, был очерчен примерный маршрут эволюции данной концепции в истории науки. Далее рассмотрим подробнее перечисленные этапы формирования представлений о сенсорной системе человека и о синестезии, особом способе восприятия.

1.2. Античность: базовые представления о перцепции

Сенсорные ощущения играют важную роль в культуре греко-римской Античности. В работе [Rudolph 2018: 6] говорится о важности вкусовой модальности, при этом ощущение вкуса зачастую было неразрывно связано и с обонянием, восприятием ароматов. Отмечается также полисенсорный характер процесса приёма пищи: важен был не только вкус еды, но и визуальная составляющая, текстура продукта, его запах. По мнению [Butler, Nooter 2019: 15] роль слуховых ощущений в античной культуре также была значительна (прежде всего, речь о восприятии музыки). Звук часто использовался для сопровождения различных зрелищ. Исследователь Jerry Toner [Bradley 2015: 233–234] отмечает связь визуальных образов и с ольфакторным восприятием: в частности в античных театральные представлениях могли использоваться различные благовония для усиления впечатления (например, аромат шафрана). При этом, исследователь характеризует античный лексикон для описания запахов скорее как ограниченный, бедный.

Вопросы системы органов восприятия в философии Античности по большей части связаны с гносеологической проблематикой: ощущения рассматривались античными философами как один из способов получить знания об окружающей действительности (зачастую, не самый надёжный).

Теории досократиков достаточно сложны для понимания, зачастую имеющиеся в распоряжении исследователей тексты характеризуются фрагментарностью. Тем не менее, по мнению К. Rudolf [Squire 2016: 36], именно в досократической философии предпринимается первая попытка отказаться от мифов и объяснить устройство сенсорного восприятия.

Эмпедокл развивает теорию восприятия цвета через понятие соотношения света и тьмы. По его мнению, цвет представлял собой математическое соотношение основных элементов — огня, воды, воздуха и земли [Squire 2016: 44–49]. Идея синкретизма в ощущениях не была характерна для античной философии, особенно на ранних этапах её становления. Эмпедокл утверждает, что ощущения образуются путём приспособления каждого из органов чувств к ощущаемому, следовательно, органы ощущений не могут заменять друг друга [Асмус 1976: 58].

Схожие мысли высказывал и **Анаксагор** (эти суждения известны в пересказе Теофраста): для каждого из видов ощущения характерны свои особые условия [Маковельский 1919: 104–161]. Анаксагор и Эмпедокл подвергают сомнению эффективность познания через ощущения, главным, в понимании философов, является ум.

Аристипп, представитель Киренской школы, напротив, полагал, что ощущения — главное орудие познания [Асмус 1976: 130].

Достаточно сложные и внешне противоречивые суждения об ощущениях высказывал философ-атомист **Демокрит**: он подчёркивает субъективную природу чувственного восприятия, утверждая, что вкус, звук или цвет существуют лишь при воздействии ощущения на органы чувств (ощущения — *страдательны*). Демокрит выделяет два типа познания — «тёмное» и истинное. Под «тёмным» познанием Демокрит подразумевает восприятие через сенсорные каналы: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. Истинное же познание заключено в мышлении. Однако Демокрит не ставит эти виды познания в оппозицию, скорее, он говорит об их комплементарности [Лурье 1970: 308–314], [Асмус 1976: 143–145].

Ещё одной важной вехой можно считать учение **пифагорейцев**. Так, врач **Алкмеон**, предположительно являющийся учеником Пифагора, полагал, что органы чувств соединяются с мозгом посредством особых путей, и у каждого органа есть отдельный соответствующий канал (что, по нашему мнению, также можно считать аргументом в пользу того, что в античные времена мыслители не предполагали потенциальной возможности для смешения ощущений от разных каналов восприятия). Алкмеон полагал, что зверям свойственны лишь ощущения, в то время как людям наряду с ощущениями дарована способность мышления.

Интересна также и мистическая сторона учения пифагорейцев. Движение звёзд и планет они ассоциировали с музыкальным интервалом, причем высота звучания небесного объекта была, по их мнению, пропорциональна скорости движения. Эта концепция получила название «музыка сфер», «гармония мира» (можно также вспомнить диалог Платона «Тимей», посвящённый этой же тематике). Хотя, с научной точки зрения, эта часть пифагорейского учения не приближает нас к пониманию синкретизма в ощущениях, тем не менее, сама сущность ассоциации между скоростью движения и высотой звука, между планетой и числом в некоторой степени напоминает то, что в современной терминологии принято называть синестетической ассоциацией.

Говоря об античной философии, невозможно обойти вниманием **Платона**. Однако он, будучи апологетом идеалистической доктрины, не считал, что следует доверять ощущениям, поскольку чувственные вещи изменчивы и неустойчивы, никогда не тождественны сами себе (см., напр., издание [Асмус 1965], диалог «Федон»). По мнению многих исследователей, Платон стремился к восприятию, наименее «загрязнённым» ощущениями (*contaminated by sensory interference*) [Porter 2010]. Теория восприятия Платона вписывается в контекст его дуалистической концепции, поскольку видеть по-настоящему можно лишь «оком ума», а то, что мы воспринимаем через органы чувств, не является подлинным знанием [Squire 2016: 66].

Исследователь Ralph M. Rosen в статье «*Plato, Beauty and “Philosophical Synaesthesia”*» (см. издание под ред. [Butler, Purves 2014]) рассуждает о синестетической природе концепции красоты в платоновском наследии (в основном на примере диалога «Пир»). Однако эти размышления имеют отношение в большей степени к области эстетики, нежели к научному подходу в исследовании синестезии.

Значительный вклад в теорию ощущений внёс **Аристотель**. Его труды важны и для становления теоретических основ синестезии, несмотря на то, что взгляды этого философа некоторые западные исследователи характеризуют как анти-синестетические (*anti-synaesthetic through*) [Butler, Purves 2014].

Интересно, что в отечественной традиции Аристотелю приписывают противоположную точку зрения. В ряде работ говорится о том, что Аристотель вводит термин «общее чувствилище», некий особый орган, где ощущения якобы могут смешиваться между собой. Примечательно, что при изучении разделов аристотелевского труда «О душе», на которые ссылаются исследователи, подобного термина не обнаруживается (речь идёт об издании [Аристотель 1976]). Таким образом, не вполне понятно, на каких основаниях античному философу приписывают изобретение несуществующего в рамках его наследия термина (по крайней мере, никакого упоминания об этом не встречается в четырёхтомном собрании его сочинений).

Аристотель [Аристотель 1976: 405–421] последовательно описывает все сенсорные каналы и органы вкуса, осязания, обоняния и зрения. Философ, как и его предшественники, утверждает, что каждый сенсорный канал приспособлен под ощущения соответствующего типа. Крайне интересна мысль Аристотеля о том, что предметом ощущения является не только сам стимул, но и его отсутствие: например, для слуха предметом ощущения является как слышимое, так и неслышимое.

Аристотель не отрицает возможности синкретизма в ощущениях: несмотря на то, что каждый орган предназначен для одного конкретного типа восприятия, ясно, что предметы окружающей действительности могут сочетать

в себе целые комплексы признаков. Например, человек может воспринимать визуально то, что он пробует на вкус. Таким образом формируется его сенсорный опыт, который может явиться причиной ошибок восприятия: например, увидев жидкость, цветом напоминающую желчь, человек ошибочно предполагает, что она горькая.

Кроме того, Аристотель действительно упоминает и о неких «общих чувствах», однако отрицает существование какого-то особого органа для их восприятия [Аристотель 1976: 424–425]. Под общими чувствами Аристотель подразумевает такие характеристики, как *движение, покой, фигура, величина, число, единство*. Это более сложный, комплексный уровень восприятия, для осуществления которого в человеке есть особое «чувство», позволяющее различным сенсорным каналам взаимодействовать при перцепции сложных объектов действительности.

Аристотелевские «общие чувства» было бы уместно сравнить не с синестетическим ощущениям, а скорее с априорными формами чувственности Канта [Кант 1994], куда философ включал, например, такие категории, как пространство и время. Однако в отличие от Канта, утверждающего, что эти формы априорно присущи человеческому восприятию, Аристотель, напротив, подчёркивает их «привходящность».

Об ощущениях писал и древнеримский врач **Гален**. В частности в своём трактате «*De symptomatum causis*» (по версии [Kühn 1821–33, vol. 7: 115]) он говорит о том, что все органы чувств могут служить проводниками боли и удовольствия. Однако в меньшей степени для этого может послужить зрение, а в большей — осязание и вкус.

Таким образом, проблемы, обсуждаемые философами, касаются устройства органов чувств, механизмов человеческого восприятия, гносеологической роли сенсориума в жизни человека. Античные исследования характеризуются отсутствием устоявшейся терминологической системы. Ключевой проблематикой античного периода является прежде всего

соотношение между восприятием и познанием, между сенсорными ощущениями и объективной действительностью.

1.3. Средневековье и Ренессанс: спад интереса

В работах о перцепции и синестезии зачастую сразу за Античностью идёт рассмотрение гораздо более позднего периода научной и философской мысли — XVII–XVIII вв. В данном разделе факты будут представлены сообразно исторической хронологии, без опущения столь значительного временного промежутка, несмотря на то, что он характеризуется спадом интереса к проблематике сенсорной перцепции (в особенности в период раннего Средневековья).

Нельзя сказать, что тема физиологии человека и человеческого восприятия в частности находилась в полном забвении. Например, согласно [Le Goff, Truong 2003: 6–7], такие важные понятия, как *рай* и *ад* описывались в том числе и через сенсорные характеристики. С помощью зрения человек сможет познать небесный свет и узреть Божью благодать; через обоняние почувствует аромат райских цветов, благодаря слуху сможет слушать ангельское пение; почувствует вкус райских лакомств; благодаря осязанию сможет ощутить воздух, преисполненный небесной благодати. Аналогично через сенсорные модальности описываются и адские муки.

В работе [Le Goff, Truong 2003: 66] говорят об исключительной значимости зрительной модальности для эпохи Средневековья. Серьёзному пересмотру в сравнении с античной традицией при этом подвергается понимание вкуса. Согласно [Rudolf 2018: 228–243], причиной тому было влияние христианского аскетизма. Вкусовые ощущения стали ассоциироваться с опасностью и соблазнами, ведь насыщаться необходимо было прежде всего духовной пищей (*spiritual food*). В [Bradlay 2015: 158–159] отмечается, что противоположная тенденция отмечается в области, связанной с запахами. В этом плане ранние христиане наследовали культуре римлян, где благовония и различные ароматические масла играли важную роль в языческих ритуалах.

Присутствие божественного было связано с определёнными запахами. Тем не менее, более поздние христианские мыслители осуждали идеи своих предшественников: привязанность к благовониям слишком роднила христианские обычаи с порицаемыми практиками язычников.

Достаточно серьёзно обсуждалась проблематика, связанная с сенсорным восприятием, в арабоязычной науке Средневековья. Так, арабские натуралисты и математики (XI век: Ибн-Сина, Ибн-аль-Хайсам; XII век: Ибн-Рошд) изучали устройство человеческого глаза. Особо примечателен вклад Ибн-аль-Хайсама, который исследовал бинокулярное зрение, понятие цвета, контрастности, связь между зрительным восприятием и мышлением [Ярошевский 1996].

По мнению многих исследователей, в эпоху Ренессанса артистическое, философское и научное направления мысли, уже в меньшей степени сосредоточенные на вопросах теологии, постепенно склоняются к антропоцентризму.

Так, Джанотто Манетти (1396–1459) утверждает, что каналы сенсорного восприятия (как и интеллект) — это способности, позволяющие человеку наслаждаться окружающим миром. Особую роль Манетти отводит вкусовой модальности, по его мнению, именно этот сенсорный канал дарит наибольшее количество приятных ощущений [Lee 2015]. Таким образом, мы наблюдаем своеобразную реабилитацию вкусовых ощущений после аскетизма раннего Средневековья.

В середине XVI в. математик Джероламо Кардано создаёт таблицу соответствий между цветом, вкусом и планетой. Примеры соответствий: белый цвет — сладкий вкус — планета Венера; чёрный цвет — горький вкус — планета Сатурн. Позже Кардано дополнил свою таблицу соответствий и музыкальными интервалами [Day 2011]. Такой подход отсылает нас к учению пифагорейцев о музыке сфер, описанному нами ранее, где соответствие выстраивалось по принципу: планета — число — звук.

Итальянский живописец Джузеппе Арчимбольдо (XVI в.) создаёт специальную таблицу для музыкантов, где интенсивность цвета передаёт

интенсивность звучания. Соответствия между музыкой и цветом эксплуатировались многими учёными и деятелями искусства в XVI–XVIII вв., в числе которых немецкий учёный Афанасий Кирхер, французский врач Марэн Кюро де ла Шамбр и др. [Day 2011].

Таким образом, наименее плодотворным периодом можно считать раннее Средневековье, поскольку мыслители того времени в основном обращались к теологической проблематике. Сенсорные ощущения, в особенности зрение, тем не менее, играют важную роль в мировосприятии. В период Возрождения ключевой дисциплиной становится эстетика. Одним из главных вопросов периода являются **межсенсорные соответствия**, которые служат, в том числе, и для решения прикладных задач музыкантов и художников. Представления о перцепции на этом этапе ещё не были сформированы, единые терминологические и методологические принципы не выработаны.

1.4. Новое время: философский, медицинский и эстетический аспекты в исследовании восприятия

В эпоху Нового времени теория ощущений продолжает своё развитие теперь уже не только в контексте философских воззрений, но и в рамках физики (прежде всего, получают развитие оптика и акустика). XVII век — важнейший этап, знаменующий переход от античной парадигмы к механистическим теориям нового времени, которые в дальнейшем сыграют серьёзную роль в становлении современной науки.

По мере развития научного подхода к феномену перцепции становится всё сложнее охватить все аспекты. Далее будут рассмотрены некоторые актуальные вопросы, связанные с теорией ощущений и синестезии, в области философии, эстетики и медицины.

Философия. Заметный всплеск интереса к феномену синестезии наблюдается в философских трудах XVII–XVIII вв. (Р. Декарт, Дж. Локк, Г. Лейбниц, Д. Дидро, И. Гердер и др.).

Отметим значимость философии сенсуализма, помещающей чувственное познание в центр своей гносеологической концепции. Так, Джон Локк в своём труде «Опыт о человеческом разумении» [Локк 1985] вводит понятие *чувственного качества* — идеи, получаемой через сенсорные каналы (например, идеи жёлтого, горячего, мягкого, сладкого и проч.). Ощущение определяется Локком как идея, входящая в разум посредством чувств.

Кроме того, философ отмечает, что в одном предмете действительности может быть заключено сразу несколько отделённых друг от друга идей: например, в куске льда есть идеи холода и твёрдости — это совершенно различные, отдельные в человеческом восприятии качества.

Локк выделяет также другой тип идей, более сложных, воспринимаемых посредством более, чем одного чувства: например, *пространство, протяжённость, форма, покой, движение* воздействуют одновременно и на зрение, и на осязание. Это суждение напоминает описанную выше концепцию Аристотеля [Аристотель 1976] о существовании «общих чувств».

Э. Б. де Кондильяк в труде «Essai sur l'origine des connaissances humaines» [Condillac 1746] указывает на устойчивость ассоциативных связей между ощущениями и предметами окружающей действительности. Абстрактные идеи восприятия сохраняются в памяти после полученного чувственного опыта, либо формируются непосредственно в человеческом воображении. Кроме того, существуют предметы действительности, которые возможно познать с помощью различных каналов восприятия, формируя при этом одни и те же идеи. В пример приводится ситуация: человек, слепой от рождения, может составить представление о предметах и их форме через осязание. Так, идеи прямой или кривой линии, округлой формы и проч. зрячий человек, как правило, постигает через зрительную модальность, в то время как в сознании человека, лишённого зрения, компенсаторную роль берёт на себя осязание.

Весьма схожие рассуждения излагает в «Письме о слепых в назидание зрячим» (1749) философ Дени Дидро. Способ восприятия окружающей действительности у человека, который слеп от рождения, будет происходить

иначе, чем у зрячего: «*формой для всех образуемых им понятий являются ощущения осязания*» [Дидро 1951]. Так, Дидро и Кондильяк характеризуют модальности зрения и осязания как потенциально взаимозаменяемые.

Кондильяк [Condillac 1746] полагал, что ключевым, базовым каналом чувственного восприятия является именно осязание. Он объясняет это тем, что мы можем не чувствовать запахов, вкусов, не видеть цветов, но при этом мы всегда ощущаем своё собственное тело, его вес.

В современной науке ощущение собственного тела и положения его частей в пространстве относительно друг друга называется проприоцепцией или кинестезией. Считается, что проприоцепция — отдельное ощущение, не входящее в осязательную модальность как таковую. В норме человек не замечает это ощущение, поскольку оно присутствует постоянно. Однако в случае наличия той или иной патологии восприятия, контроль положения тела в пространстве ослабевает. Подобные нарушения механизмов проприоцепции больным приходится компенсировать через зрительный канал, но движения человека выглядят при этом неестественно¹².

Джон Локк [Локк 1985], как и Э. Б. де Кондильяк, также отводит осязанию значительную роль, но наравне с этим выделяет зрение, утверждая, что это — «самые деятельные наши чувства».

Главенствующую роль осязанию отводил также Иммануил Кант, поскольку именно через осязание человек получает наибольшее количество сведений об окружающем мире: «*Это чувство — единственное чувство непосредственного внешнего восприятия, именно поэтому оно и самое важное, и сведения его самые достоверные*» [Кант 1966].

Кроме того, в работах Канта содержатся важные для нашей проблематики суждения о синкретизме ощущений. Философ сближает вкус и обоняние, утверждая, что «*обоняние есть как бы вкус на расстоянии*». Для иллюстрации этой идеи Кант приводит следующий пример: грязь вызывает отвращение,

¹² Клиническая картина отклонений такого рода описана, напр., в: [Сакс 2006].

когда мы видим её не столько потому, что она противна «для глаз и языка», сколько по причине того, что, глядя на неё, мы предвосхищаем появление неприятного запаха [Кант 1966]. То есть, визуальный образ связан в нашем сознании с обонянием посредством устойчивой ассоциации (мысль, созвучная с идеями Э. Б. де Кондильяка, описанными выше).

Медицина. В области медицины ощущения рассматривались прежде всего с точки зрения анатомии и физиологии.

Так, одной из ключевых фигур для развития теории ощущений нового времени является Иоганн Кеплер. Он закладывает основы оптики, в частности описывает механизм зрения, верно определяя роль хрусталика [Squire 2016: 261].

Важнейший вклад в теорию ощущений вносит также Герман Гельмгольц. В частности, он развивает оптику и акустику, изучая устройство и принципы функционирования глаза и уха как органов восприятия (объяснение функций глазных мышц, теория цветного зрения, резонансная теория слуха и др.). Гельмгольц закладывает основы офтальмологии. Ощущения в теории Гельмгольца — это прежде всего физиологические процессы [Ананьев 1961: 3–4].

Ещё одной важной вехой стало создание науки психофизики в середине XIX в. Труд Густава Фехнера «Elemente der Psychophysik» (1861) стал основой развития экспериментальной психологии [Fehner 1860]. В рамках учения Фехнера был сформулирован закон Вебера-Фехнера, согласно которому интенсивность ощущения находится в прямой зависимости от интенсивности раздражителя-стимула.

Особое внимание далее уделяется синестезии, поскольку история изучения феномена в смысле, приближенном к современному пониманию, начинается именно с XIX в.

В период с XIX в. и до начала XX в. изучение синестезии чаще всего происходило методом самонаблюдения. В диссертации (1812 г., на лат. языке) Георга Тобиаса Людвиг Сакса был описан первый зарегистрированный

клинический случай синестезии. Будучи синестетом, он анализировал собственные ощущения: соотношения цветов и букв алфавита, музыкальных тонов, дней недели [Cytowic 2018]. Сакс рассматривал свою синестезию как патологию восприятия, нарушение, болезнь. Такой подход типичен для медицинской среды того времени.

Ближе к концу XIX в. интерес к синестезии сильно возрос. Наиболее употребимым был термин «цветной слух», который изначально появился в немецком языке (*farbenhören*). В 1881 г. швейцарские исследователи-медики Eugen Bleuler и Karl Lehmann публикуют труд «*Lichtempfindungen*» (световые ощущения). По их мнению, именно свет, а не цвет следовало обозначать стимулом для синестетического ощущения, поскольку это понятие охватывает более широкий спектр явлений. Самым частотным типом синестезии они считали соответствие «свет — звук» [Bleuler, Lehmann 1881].

Затем статьи, посвящённые синестезии, начали печатать в американских и английских изданиях (*London Medical Review, The Cincinnati Lancet and Clinic, a Weekly Journal of Medicine & Surgery* и др.). Так термин входит в англоязычный научный дискурс как *colo(u)r hearing*. Во французский язык термин переходит благодаря Луи-Мари-Алексису Педрону, ассистенту при офтальмологической клинике, который публикует статью «*De l'audition colorée*» (1882). Позже данной проблемой занимается также французский врач-офтальмолог Фердинанд Сюарез де Мендоза: «*L'audition colorée*» (1891) [Jewanski et al. 2020].

Целесообразно более подробно остановиться на терминологической проблематике¹³, поскольку аппарат для описания синестезии формировался в период конца XIX — начала XX вв. Многие исследователи отмечают, что термин *цветной слух* был в то время настолько употребимым, что им обозначался не только один конкретный тип синестезии (слух — зрение), но весь феномен в целом в современном его понимании. На парижском

¹³ Терминологическая проблема существует до сих пор, в том числе и в лингвистическом контексте (см. главу 3).

международном конгрессе по психологии и физиологии (Congrès international de psychologie et physiologie, 1889) было утверждено решение использовать этот термин для любого вида синестезии [Jewanski et al. 2020].

Несмотря на решения парижского конгресса, XIX в. можно охарактеризовать отсутствием терминологического единообразия. Так, Ф. Сюарез де Мендоза определяет синестезию как «ложную вторичную ассоциацию» и вводит целую группу терминов (в итоге не прижившихся): *pseudophotesthésie* (ложные визуальные ощущения), *la pseudo-acouesthésie* (ложные аудиальные ощущения), *pseudosphrèsthésie* (ложные ольфакторные ощущения), *pseudogousesthésie* (ложные вкусовые ощущения), *pseudoapsiesthésie* (ложные осязательные ощущения) [Suarez de Mendoza 1890: 8].

Отметим два принципиально важных момента: во-первых, тот факт, что Мендоза использует приставку *pseudo-* для обозначения разных типов синестезии, подчёркивает, что синестетическое ощущение воспринимается как патология; во-вторых, с методологической точки зрения Мендоза разделяет стимул и реакцию, первичное и вторичное ощущения. Ложным считается ощущение, которое как бы сопутствует «нормальному» восприятию: к зрительному образу могут добавляться ощущения других модальностей, то есть ложные, неправильные.

Терминология Мендозы подвергалась жёсткой критике. Врач Жюль Милле характеризует терминологию Мендозы как «варварскую» и предлагает использовать более простое и органичное общее обозначение: *синестезия* [Millet 1892].

Термин *синестезия* для общего обозначения феномена использует в своих работах швейцарский физиолог Теодор Флурнуа. Флурнуа описывал звуко-цветовые ассоциации (обозначая этот тип синестезии как *синопсия*) [Jewanski et al. 2020]. Следует отметить также, что труды Флурнуа были крайне значимы, поскольку он, наряду с другими исследователями (Г. Фехнер, Е. Клапаред, Э. Титченер, Т. Рибо, И. Д. Ермаков и др.), поднимал вопрос об

ассоциативной природе синестезии, оперируя при этом терминами психоанализа [Прокофьева 2007].

Мэри Уитон Калкинс в своей рецензии на книгу Т. Флурнуа выносит в заглавие статьи термин *синестезия* («*Synæsthesia*», 1895). Хотя термин на тот момент уже существует в английском языке (как синоним к описательным выражениям *associated sensations, secondary sensations*), вынесение в заголовок способствует большему его распространению, поскольку и рецензент, и рецензируемый были авторитетными фигурами в сфере психологии. На немецком термин *Synästhesia* впервые встречается у психолога Рихарда Хеннинга (1896). Терминологическая проблема разрешилась окончательно только к 1920-м гг. [Jewanski et al. 2020]¹⁴.

Эстетика. Художники, писатели и поэты (Р. Вагнер, А. Рембо, В. Хлебников, А. Белый, К. Бальмонт, В. Кандинский, М. Врубель и др.) обращаются к теме восприятия и смешения ощущений; актуальна идея синтеза искусств, появляются новые направления (символизм, футуризм, сюрреализм и пр.) [Прокофьева 2007]. В этот период отмечается развитие концепции периода Возрождения, межсенсорных соответствий, в различных областях искусства.

Следует отметить идеи французского математика Луи-Бертрана Кастеля (1688–1757). Л.-Б. Кастель предложил проект цветного клавесина (*clavecin de couleurs*), где звукам соответствовали определённые цвета. Кастель, руководствуясь более ранними теориями о звуко-цветовых соответствиях (в частности А. Кирхера, хотя, как нам известно, подобные параллели возникали и в античную эпоху), намеревался создать инструмент, способный живописать звуки (*l'art de peindre les sons*) [Bouissou, Goubault, Bosseur 2005].

¹⁴ В этой статье можно также найти подробную таблицу, где последовательно излагается история понятия «синестезия» в период с 1772 по 1896.

В 1810 г. выходит книга И. В. Гёте «Zur Farbenlehre» («К теории цвета»). Гёте, во многом опираясь на работы Исаака Ньютона¹⁵, описывает различные термины оптики (преломление, светотень), но книга посвящена скорее вопросам восприятия цвета, нежели описанию конкретных физических свойств.

Примечательна глава «Чувственно-нравственное действие цвета», где Гёте утверждает, что цвет «через чувство зрения» оказывает влияние на душу. Благоприятно на душу воздействуют жёлтый, жёлто-красный (сурик, киноварь), красно-жёлтый (апельсин) — по мнению Гёте, эти цвета приводят человека в бодрое и активное расположение духа. Если же «всцело окружить себя одним цветом», то он настроит «ум и глаз в унисон» [Гёте 2011].

Отметим также стихотворения, явившиеся манифестом синестетического восприятия: «Гласные» А. Рембо (ассоциации единиц языка с различными цветами) и «Соответствия» (о межсенсорных соответствиях: «*Les parfums, les couleurs et les sons se répondent*»¹⁶) — Ш. Бодлера.

Деятелей искусства вопросы, связанные с теорией ощущений, интересовали с эстетической точки зрения, как шаг к синтезу искусств.

Таким образом, в **философии** фокус внимания сосредоточен на проблеме иерархии сенсорных каналов и их потенциальной взаимозаменяемости: многие философы отмечают исключительную важность осязания. В **медицине** развивается новый, анатомо-физиологический подход к изучению восприятия и закладываются основы экспериментальной психологии. Исследуются некоторые патологические особенности восприятия, в число которых входит и синестезия. Появляется множество терминов для описания различных типов синестезии: *синопсия, псевдофотостезия, цветной слух* и др. В качестве общего названия для межсенсорных ощущений разных видов закрепляется термин *синестезия*. В **эстетике** становится популярной идея синтеза искусств,

¹⁵ Работы Исаака Ньютона сильно повлияли на научную парадигму в целом. В «Оптике» Ньютон описывает, как при помощи специальной призмы раскладывает белый солнечный свет на цветовой спектр. Цветовой круг Ньютона включал семь секторов [Льюцци 1970].

¹⁶ ‘Запахи, цвета и звуки соответствуют друг другу’.

это привлекает дополнительное внимание к вопросам человеческого восприятия в целом и к феномену синестезии в частности.

1.5. Современный этап: узкая специализация наук и тенденция к полидисциплинарности

Современный этап развития подхода к исследованию ощущений характеризуется двумя тенденциями, которые могут показаться несколько противоречивыми. С одной стороны, речь идёт о специализации и дифференциации наук, где даже в рамках одной научной дисциплины может выделяться множество более узких областей со своим предметом и методами исследования. С другой стороны, прослеживается стремление современной науки к полидисциплинарности. В случае с исследованием ощущений, восприятия и его особенностей такая полидисциплинарность представляется неизбежной, человеческое восприятие непосредственно связано с физиологией, психологией, оно может находить отражение в языке и в таком случае становится предметом интереса лингвистов. Охватить все существующие направления современных исследований представляется затруднительным в рамках обзора, поэтому рассмотрим лишь некоторые актуальные вопросы, связанные прежде всего с синестезией, поскольку данная проблематика наиболее тесно связана с темой нашей работы.

В настоящее время различные аспекты синестезии изучаются во многих дисциплинах: нейрофизиология, неврология, психология, искусствоведение, лингвистика, литературоведение, философия и др.¹⁷.

Нами были выделены три основных проблемы, которые представляют интерес для современных исследователей. Во-первых, это физиология синестезии и причины её возникновения у человека и генетическая обусловленность. Во-вторых, синестетические ощущения у не-синестетов (то есть у людей, не обладающих этой особенностью физиологии восприятия). В-

¹⁷ Обзор современных исследований синестезии естественного развития представлен в [Сидоров-Дорсо 2013].

третьих, проявления синестезии в языке, которые относятся скорее к области языка и мышления, нежели к физиологии.

Одна из ключевых проблем, актуальных в настоящий момент, — это вопрос **физиологического обоснования механизмов синестезии**. Большинство исследователей убеждены, что явление имеет физиологическую природу, однако дают различные объяснения. Так, в [Baron-Cohen et al. 1997] предполагается, что склонность к синестезии появляется уже в раннем детстве из-за нарушения процесса запрограммированной гибели нервных клеток: группы клеток остаются недифференцированными, это даёт эффект нерасчлнённых ощущений, синестезия, следовательно, является результатом патологии. Кроме того, по утверждению Барон-Козна, синестезия может быть генетически обусловленной, часто в семье синестета был ещё какой-то человек, обладающий этой особенностью.

О физиологической обусловленности синестезии высказывался [Sacks 2007]: он полагал, что на это влияет высокая степень кросс-активизации между областями коры головного мозга, которые у большинства людей функционально независимы, что может быть, в свою очередь, обусловлено наличием дополнительных нейронных связей. Методом функциональной томографии головного мозга выявили также, что у людей, обладающих синестезией, при слуховом стимуле активизируются зрительные области [Sacks 2007: 165–168], [Hubbard 2010].

Несмотря на большое количество проведённых исследований, невролог Ричард Сайтовик полагает, что выводы, сделанные о работе синестетических механизмов, носят предварительный характер. Необходимо детальное рассмотрение ДНК синестетов, изучение нескольких поколений ради возможности выявить особую комбинацию генов (если таковая имеется) [Cytowic 2018].

Мысль о том, что полимодальностью восприятия могут обладать не только синестеты, но что это свойственно человеческому восприятию в целом, начинает разрабатываться примерно со второй половины XX в. Этой

проблематикой активно занимался А. Р. Лурия [Величковский, Зинченко, Лурия 1973: 55–59]. По его мнению, существует два способа взаимодействия органов перцепции: влияние или одновременная совместная работа. Первый способ взаимодействия, в целом, нормален и характерен для любого человека: результатом взаимодействия может быть как стимуляция, так и торможение. Например, было выявлено, что звуковой раздражитель может обострять работу зрения. Интермодальные ощущения являются обыкновенной составляющей нашего повседневного опыта. В качестве базового примера приводится вибрация. Кожно-мышечное восприятие улавливает колебания воздуха, недоступные для восприятия на слух. Упоминается и так называемое «шестое чувство» у людей, лишенных зрения, которое позволяет им обходить препятствия. Большинство исследователей полагает, что «чувство преграды связано не с кожей, а со слуховой чувствительностью» (вспомним суждения Д. Дидро и Э. Б. де Кондильяка, утверждающих, что компенсация происходит благодаря осязанию).

Совместная работа различных сенсорных каналов — это явления синестетического толка, свойственные не всем. По мнению [Лурия 2006], люди, склонные к синестезии, характеризуются истерическим типом личности и «повышенной возбудимостью подкорковых образований».

Западные исследователи в настоящее время активно рассматривают соотношение предрасположенности к синестезии с различными нейropsychологическими характеристиками (свойства памяти, уровень сенсорной чувствительности) и психическими расстройствами (шизофрения, аутизм)¹⁸ и др.

Методологическое разделение синестезии как особенности восприятия и полисенсорных впечатлений у людей, не обладающих этой особенностью, активно обсуждается исследователями. Встаёт задача определения границ феномена: что является синестезией, а что нормальным свойством

¹⁸ Подробнее по этой теме см., напр.: [Tilot et al. 2019].

человеческого восприятия. Синестетические ощущения рассматриваются как спектр: от высокого уровня (например, цветной слух, вкус фонем и др.) до более распространённых вещей (метафоры, деление цветов на тёплые и холодные и др.) [Cytowic 2018]. Границы для разделения «нормальных» и «ненормальных» синтетических проявлений до сих пор не определены, хотя эту проблематику обсуждали еще с середины XX в.

Так, С. В. Кравков даёт описание различных типов синестезии (Кравков даёт каждому типу особое название, например, *фотизм*, *фонизм*, *хроматизм* — подробнее см. в его работе «Взаимодействие чувств»). Синестезия как особенность восприятия отделяется от «повседневных» синестетических явлений. В качестве одного из примеров Кравков берёт словосочетания, смысл которых понятен всем, вне зависимости от наличия физиологической синестезии: «*кричащие цвета*», «*острые вкусы*», «*сладкие звуки*», «*тяжелые краски*», «*пышная музыка*», «*блестящая игра на скрипке*», «*плоский звук*», «*кислый запах*» [Кравков 1948].

Наиболее активно синестезия исследуется в нейробиологии, психологии и лингвистике. Многие вопросы, касающиеся синестезии на современном этапе её исследования, остаются нерешёнными. Важная методологическая проблема при изучении синестезии в настоящее время — её сущностно-полидисциплинарный характер. При проведении исследования необходимо принимать во внимание общий контекст научной парадигмы, поскольку, руководствуясь призмой одной конкретной дисциплины, мы рискуем не учесть накопленный исследовательский опыт. С другой стороны, исследуя отдельно взятые проявления синестезии, приходится в некоторой степени абстрагироваться от смежных областей науки и воздерживаться от заимствования научно-терминологического аппарата.

1.6. Выводы

В рамках настоящего обзора были рассмотрены четыре обозначенных периода развития представлений о сенсорном восприятии и синестезии как особой форме восприятия в истории науки.

В **Античности** внимание сосредоточено на природе ощущений, устройстве человеческого восприятия, роли органов восприятия в познании действительности. Можно говорить исключительно о базовых представлениях о перцепции. Теория ощущений, как правило, была встроена в парадигму того или иного философского направления (по этой причине ощущения у Платона рассматриваются в рамках философии дуализма, у Демокрита в контексте его атомистических воззрений и пр.). В античных трактатах встречаются некоторые упоминания «общих чувств» (в частности, у Аристотеля), однако суждения о синестезии или подобных явлениях в античной философии не фигурируют. Идея о синтезе чувств не была характерна для античной мысли, однако многие философы говорили о том, что чувства могут быть взаимозаменяемы (т.е. один сенсорный канал может выполнять некоторые компенсаторные функции, в случае неисправности другого). Тем не менее, многие исследователи подчёркивают, что «синестетичность» является одной из основных черт античной эстетики: в пример приводятся тексты античных поэтов, философское комплексное понимание красоты и т.д. [Ulmann 1957], [Butler, Purves 2014].

Далее рассматривался **период с V по XVI вв.**, который зачастую опускается в обзорах истории изучения перцепции. Интерес к сфере сенсорного восприятия действительно снижается, однако сам факт спада интереса также необходимо зафиксировать в рамках истории вопроса, иначе между Античностью и XVII веком возникает значительный пробел. В раннем Средневековье свидетельств об изучении природы ощущений почти не обнаруживается, все теории так или иначе связаны с теологией и темой божественного. В эпоху Возрождения один из центральных вопросов —

межсенсорные соответствия, рассматриваемые прежде всего с точки зрения эстетики, творчества и решения некоторых прикладных задач.

Временной промежуток с XVII в. до первой половины XX в. можно назвать ключевым, поскольку именно в этот период формируется научный подход к объяснению устройства и функциональных особенностей каналов восприятия. Развиваются учения об оптике и акустике (Кеплер, Гельмгольц и др.), закладываются основы медицинского подхода к органам чувств, появляется наука об ощущениях — психофизиология (Фехнер).

Встречаются первые упоминания синестезии, формируется относительно устойчивый терминологический аппарат для её описания. Синестезия изучается в рамках различных дисциплин: наибольшее количество исследований на тот момент приходится на область медицины, однако феноменом интересуются также философы и деятели искусства. В медицине синестезия считается патологией восприятия, а в поэзии смешение различных ощущений становится тенденцией, поскольку такая идея удачно вписывается в достаточно популярную на тот момент концепцию синтеза искусств.

Современный период характеризуется высокой степенью специализации и дифференциации научных дисциплин. В то же время наука тяготеет к полидисциплинарности и сотрудничеству между представителями различных областей. Перцепция изучается в рамках множества дисциплин, в том числе и в лингвистике, где внимание сосредоточено на отображении сенсорного восприятия на различных уровнях языковой системы. Синестезия также представляет интерес для многих наук, ведётся поиск новых способов исследования феномена, в том числе и в лингвистике. Более подробно о лингвистическом подходе к изучению сенсорного восприятия и синестезии на языковом материале можно прочитать в главе 2.

ГЛАВА 2. СИНЕСТЕЗИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

В предыдущей главе была изложена история исследования перцепции в общенаучном контексте. В данном разделе фокус внимания будет сосредоточен на лингвистической науке. Исследования, посвящённые отражению человеческого восприятия в языке, достаточно актуальны в рамках современной лингвистики. Проблематика обсуждалась как в зарубежных [Winter 2019], так и в отечественных исследованиях [Апресян 1995: 355–361], [Рябцева 2000], [Падучева 2004]¹⁹.

Однако следует пояснить, что в данном разделе речь пойдёт прежде всего о формировании лингвистической концепции синестезии и наиболее актуальных вопросах в исследовании этого феномена на языковом материале. Работы по этой тематике послужили теоретической базой и отправной точкой для предлагаемого в настоящей работе²⁰ подхода к классификации и анализу словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами.

2.1. Основы лингвистической концепции синестезии

Синестетические проявления в языке начинают активно исследоваться со второй половины XX в. Одной из важнейших фигур в истории исследования синестезии в лингвистике является С. Ульманн. [Ullmann 1957] говорит о полидисциплинарном характере синестезии и полагает необходимым исследовать феномен с точки зрения семантики и литературоведческого анализа текста. Синестезия рассматривается как разновидность метафоры²¹, которая возникает на основе семантического перехода. Синестетическая метафора определяется как межсенсорный перенос (*intersensorial transfer*). По мнению исследователя, синестезия исконно свойственна человеческому

¹⁹ Подробнее об этой проблематике см. главу 3.

²⁰ Подробнее о словосочетаниях с сенсорными семантическими компонентами в рамках нашего подхода см. главу 3.

²¹ Подробнее о термине синестетическая метафора и его соотношении с предлагаемой нами терминологией см. главу 3.

мышлению: в качестве доказательства приводятся многочисленные цитаты из античных классиков, затем из средневековой литературы, следуя далее по хронологии. Некоторые примеры: *clamore incendunt caelum*²² (Вергилий); *verborum fulmina*²³ (Цицерон), *I see a voice*²⁴ (Шекспир).

С. Ульманн [Ullmann 1957] также выводит определённые паттерны семантического перехода между сенсорными каналами: синестетический переход происходит от менее дифференцированного чувства (обоняние, вкус) к более дифференцированному (зрение, слух). Достаточно подробно синестетические переходы прилагательных рассмотрены в работе [Williams 1976]. Этот вопрос можно отнести уже не к анализу текста, но к области диахронической лексикологии, он будет подробнее рассмотрен далее в данном разделе.

Большинство дальнейших работ, касающихся проблематики синестетических проявлений в языке, как правило, содержат ссылку на исследования а, которые сыграли важную роль для включения этого понятия в лингвистический контекст.

Спектр проблем и направлений, связанных с синестезией или смежными явлениями, в современной лингвистике довольно широк²⁵. Например, изучение синестетических метафор (S. Day, R. Nordquist, Б. М. Галеев и др.) в том числе и на корпусном материале (F. Strik Lievers), звукосимволизм и в частности графемная синестезия (J. Simner, А. Б. Михалёв, Л. П. Прокофьева и др.), устойчивость синестетических конструкций в переводе (Н. А. Фененко, В. Я. Задорнова) и др.

Примечательно, что синестетическая метафора с недавних пор рассматривается в контексте сенсорной лингвистики, достаточно актуального сегодня направления исследования. Термин сенсорная лингвистика (*sensory*

²² Криком поджигают небо (пер. автора – П.Я.).

²³ Пылающие слова (пер. автора – П.Я.).

²⁴ Я вижу голос (пер. автора – П.Я.).

²⁵ Подробнее об этом см. [Прокофьева 2010], [Lievers 2017], [Mankin 2019].

linguistics) используется в англоязычном научном дискурсе. В фокусе внимания сенсорной лингвистики — человеческое восприятие и его отражение в языке [Winter 2019: 67–97]²⁶.

Далее будут рассмотрены наиболее актуальные направления исследования синестезии и связанных с ней явлений в контексте лингвистической науки.

2.2. Сенсорные ассоциации с языковыми единицами различного порядка

Существует значительное количество исследований, посвящённых сенсорным ассоциациям, стимулом для которых выступают языковые единицы различного уровня (фонемы, графемы или же целые слова²⁷). Как правило, такие ассоциации называются синестетическими.

Исследования в данной области строятся на основе экспериментов с участием синестетов (иногда также и с участием людей, не обладающих этой особенностью, с целью контрастивного исследования, см., например, работы R. Rouw). Эксперименты производятся путём анализа реакции на букву или набор букв, звук или набор звуков: в результате воздействия стимула возникает сенсорная ассоциация. Наиболее изученной как в западной, так и в отечественной традициях, является т.н. *grapheme-colour synaesthesia* (графемно-цветовая синестезия). Именно это тип ассоциативной связи считается наиболее распространённым [Mankin 2019], [Carmichael et al. 2015], [Simner et al. 2006].

Помимо графемно-цветовой синестезии, в настоящее время изучаются также ассоциации, связанные со вкусом, в англоязычной терминологии — *lexical-gustatory synaesthesia*, однако в этом направлении работ существенно меньше. Согласно [Simner, Ward 2006], сенсорная ассоциация *слово — вкус* формируется через семантический уровень по схеме *word — meaning — taste*

²⁶ Вопросы сенсорной лингвистики рассматриваются в главе 3 в контексте предлагаемого нами подхода.

²⁷ Отметим, что это могут быть как слова, сгенерированные искусственно, так и слова естественных языков, о чём далее будет сказано подробнее.

(слово — значение — вкус). Ключевым фактором, таким образом, является именно значение слова, однако нельзя отрицать и влияние фонологии. В [Simner, Ward 2003] выделяются особые фонемы-«триггеры» для вкусовых ассоциаций, но, как правило, речь идёт о словах так или иначе созвучных с названиями продуктов питания или блюд. Например, со вкусом мяты (*mint*) в основном ассоциировались слова с фонемами *t*, *r*, *u* как, например, *truth*, *control*. Для вкуса моркови (*carrots*) ключевыми оказались фонемы *æ*, *r*, *s*, *p*, *aj*: *Harry*, *microscope*.

По мнению исследователей, тип ассоциации *слово — вкус* может возникать у любого человека, однако особенно активно проявляется у синестетов. Таким образом, можно сделать вывод, что выраженная ассоциативная связь между словами и вкусовыми ощущениями — это более интенсивное проявление нормального когнитивного механизма, присущего не только синестетам, но и людям, не обладающим такой особенностью восприятия. Языковое мышление и чувственное восприятие тесно связаны.

Исследователи не пришли к единому мнению, что именно является основным стимулом для возникновения синестетического ощущения — звуковой или графической облик фонемы [Simner, Glower, Mowat 2006]. Кажется, что оба аспекта оказывают влияние, но определить, какой из них является доминантным, в настоящий момент — затруднительно.

К этому же уровню исследований мы склонны относить и многочисленные эксперименты, посвящённые ассоциативной корреляции между звуками речи и геометрической формой, *size and shape symbolism* [Sidhu, Rehman 2017], [Parise, Spence, 2012].

Ассоциативную корреляцию между звуками речи и геометрической формой впервые в ходе эксперимента обнаружил В. Кёлер [Köhler 1947] в 1929 г. Для эксперимента были сконструированы квазислова *takete* и *maluma*²⁸. Предлагалось соотнести эти названия с двумя фигурами, и подавляющее

²⁸ Схожий эксперимент проводил и Э. Сепир с квазисловами *mil—mal* [Sapir 1929].

большинство опрашиваемых определяли более округлую фигуру как *maluma*, а остроугольную как *takete* (рис. 1). Эксперимент проводился на острове Тенерифе, участники являлись носителями испанского языка.

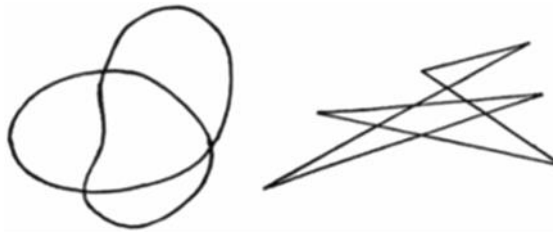

Рис. 1

Позже опыт повторили Э. Хаббард и В. Рамачандран [Ramachandran, Hubbard 2001; 2005]. В качестве опрашиваемых выступали носители тамильского, а затем английского языка. Исследователи предложили два названия для того, чтобы соотнести их с фигурами: *bouba* и *kiki*. В результате 98 % предпочли название *kiki* для остроугольной фигуры и *bouba* для округлой (рис. 2).

Рис. 2

Наибольшую известность приобрёл именно эксперимент [Ramachandran, Hubbard 2001; 2005], поэтому подобный тип ассоциаций, как правило, обозначают термином *эффект «буба — кики»*. Согласно [Simner, Cuskle, Kirby 2015], результаты подобных экспериментов можно трактовать по-разному. С одной стороны, есть основание предполагать, что соотнесение геометрической формы происходит напрямую через звук (*sound to shape*), с другой стороны возможна также связь с артикуляцией (*sound to shape via articulatory proprioception*).

К этой области можно отнести исследования, где в качестве стимула выступает не сконструированное, а естественное слово, как, например, в исследовании [Barnett et al. 2009] или [Simner, Ward 2006]. В данном случае

слово служит основой для формирования ассоциаций с его графикой или же его акустическим обликом [Sidhu, Rehman 2017]. Вопрос насколько велико в данном случае влияние семантики слова, остаётся открытым. Например, в [Mankin et al. 2016], где синестетам предлагалось выбрать цветовую ассоциацию для слов (можно было выбрать 0, 1 или 2 цвета), характеристика «семантической прозрачности» слова (*semantic transparency*) не оказывала значительного влияния на цветовые ассоциации.

Все вышеперечисленные исследования объединяет схожий метод: даются определённые стимулы, фиксируются сенсорные ассоциации, которые стали реакцией на стимул, затем проводится статистический анализ и на основании которого можно сделать определённые выводы.

Следует понимать, что эти исследования, ввиду особенностей методологии, лежат скорее в сфере психологии, нежели в ведении лингвистической науки. Некоторые исследователи (прежде всего, зарубежные) склонны относить эту область изучения именно к психолингвистике [Mankin 2019], поскольку основой для ассоциации служат языковые единицы (фонемы, графемы, слова). Однако нельзя отрицать, что аппарат анализа в таких работах скорее принадлежит к сфере психологии. Более того, примечательно, что наиболее известные исследователи в данной области, с точки зрения специализации являются психологами, а не лингвистами (J. Mankin, J. Simner, J. Ward, R. Rouw).

Лингвистический аспект исследования ограничивается в данном случае только типом стимула. Существует множество аналогичных с методологической точки зрения исследований, где в качестве стимула выступают не языковые единицы, а, например, визуальные и аудиальные стимулы, не имеющие отношения к языку, или тактильные раздражители.

Такие опыты позволяют понять, что язык, в целом, активно задействован в процессе формирования различных сенсорных ассоциаций, и это представляется вполне естественным, однако изучение этих проявлений при

помощи лингвистического инструментария, по нашему мнению, затруднительно.

2.3. Синестезия как тип семантического перехода

Прежде всего следует отметить, что семантические переходы активно изучаются как русскими, так и зарубежными исследователями на различном языковом материале ([Падучева 2004], [Зализняк 2007; 2013], [Blank 1999], [Vanhove 2008] и мн. др.).

В контексте исследования синестезии эта тема также не нова. Однако содержание понятия семантического перехода в работах по изучению синестезии отличается от лингвистического [Зализняк 2013] и представляется гораздо менее упорядоченным. Примечательно, что зарубежные исследователи синестезии предпочитают использовать термины «transfer» или «change» ([Ullmann 1957], [Williams 1976], [Zhao, Huang, Ahrens 2019] и др.). В работах Анны А. Зализняк и др. (подробнее об этом см.: [Зализняк 2007]) в качестве англоязычного эквивалента для понятия семантического перехода был выбран термин «semantic shift».

В лингвистических исследованиях синестезии понятие *семантический переход* с одной стороны трактуется как тип метафорического переноса, а с другой как тип полисемии в рамках набора значений одной лексемы. Рассмотрим более подробно, каким образом концепция семантического перехода применялась к языковым проявлениям синестезии.

Достаточно подробно синестетические переходы прилагательных (synaesthetic adjectives) рассмотрены в работе [Williams 1976]: языковая синестезия определяется как переход лексемы из одной сенсорной модальности в другую (например, *sour music*: taste > sound). В принципе, можно утверждать, что речь идёт о синхронной полисемии у слов, имеющих отношение к области сенсорного восприятия. В основном материал состоит из прилагательных английского языка, но для сравнения приведены также некоторые данные из латинского, греческого и японского языков. [Williams 1976] выдвигает

предположение, что синестезия является общим для всех языков принципом метафорического переноса, возводя тем самым синестетическую модель семантического перехода в ранг потенциальной языковой универсалии. Однако эта гипотеза не получила своего подтверждения в современных исследованиях на материале других языков (напр.: [Zhao, Huang, Ahrens 2019], китайский язык).

Новый виток популярности тема синестетического семантического перехода получает с развитием корпусной лингвистики. Как правило, исследователи предпочитают использовать корпуса общего назначения и избегают поэтических текстов, объясняя это тем, что в художественном тексте зачастую речь идёт о специфических авторских употреблениях синестетических фигур.

Примечательно, что [Ullmann 1957] рассматривал семантический переход между двумя модальностями как исключительно односторонний (*unidirectional transfer*): например, тактильные ощущения могут использоваться для характеристики вкусовых, но не наоборот. В современных исследованиях о направлениях синестетического перехода (*directionality of linguistic synesthesia*) наряду с односторонними переходами выделяются также двусторонние (*bidirectional transfer*) [Zhao, Huang, Ahrens 2019]. То есть в данных корпуса можно найти как примеры для модели *heat > sight (cold colour)* так и для *sight > heat» (coloured coldness)*. Однако примеров по модели первого типа, как правило, значительно больше, чем по модели второго [Strik Lievers 2015].

В работе [Viberg 1983] в типологической перспективе на материале 53 языков были описаны семантические переходы для глаголов сенсорного восприятия. Виберг формирует свой вариант иерархии перцептивных модальностей, основываясь на собранных им данных (визуализация на рис.3 из

[Viberg 2015]). Результаты исследования [Viberg 1983] совпадают с результатами [Ullmann 1957] и [Williams 1976] лишь частично²⁹.

Рис. 3

В целом, ранее исследователи были склонны полагать, что синестетические семантические переходы имеют строго фиксированные модели и являются универсальным механизмом переноса, однако в настоящее время речь идёт скорее о выявлении некоторых тенденций. Если на материале английского и итальянского языков [Strik Lievers 2015] паттерны переходов по большей части совпали со схемами более ранних работ ([Ullmann 1957], [Williams 1976]), то [Zhao, Huang, Ahrens 2019] утверждают, что для неиндоевропейских языков эти модели, несмотря на наличие ряда сходств, не релевантны.

2.4. Синестезия в теории фигур³⁰

Сделаем некоторые пояснения о самих фигурах, а затем рассмотрим, каким образом теория фигур (по крайней мере, частично) применялась для анализа синестезии или смежных явлений в языке ранее. Риторические фигуры имеют долгую историю изучения (начиная с античной эпохи), но единой теории в лингвистике не сложилось. Существует множество различных определений и вариантов классификации типов фигур. В отечественном

²⁹ По мнению [Viberg 1983], отчасти расхождения можно объяснить тем фактором, что в работе [Ullmann 1957] семантические переходы исследуются на материале художественных текстов, то есть внимание сосредоточено на метафорическом употреблении.

³⁰ При подготовке раздела использовались материалы статьи Е. Э. Разлоговой и П. В. Ярошенко «Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур» [Разлогова, Ярошенко 2022].

языкознании эта тема не была особенно востребована. Среди работ второй половины XX в. следует отметить работы М. Л. Гаспарова, который считал реконструкцию аппарата античной стилистики на основе современного языкознания приоритетной задачей в области филологических исследований [Гаспаров 2000: 458], а также работы Э. М. Береговской, ориентированные на современную французскую риторику. Кроме того, несмотря на отсутствие выраженного интереса к теории фигур в целом, исследования отдельных фигур, прежде всего метафоры, были и остаются актуальны в русскоязычном научном дискурсе.

В англосаксонской лингвистической традиции теории фигур в целом тоже уделялось не так много внимания, однако существует множество исследований, посвящённых метафоре. Работы американских лингвистов, в особенности, концептуальная теория метафоры [Lakoff, Johnson 1980], оказали серьёзное влияние на исследования средств языковой выразительности (*figurative language*). Американский терминологический аппарат часто заимствуется и европейскими лингвистами, рассматривающими метафору, в том числе синестетическую, основываясь на понятии концептуального конфликта (напр.: [Prandi 2017]). Актуальными являются также новейшие гибридные теории метафоры, разработанные на базе интеграции теории релевантности и концептуального подхода (см.: [Tendhal 2009]).

В рамках европейского и в особенности франкоязычного языкознания эта тема была востребована в разное время. О фигурах писали Б. Лами, С. Дюмарсе, П. Фонтанье, П. Гиро, Ж. Женетт и др. Особое место занимает «Общая риторика» Группы Мю (Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон). Теория фигур во франкоязычной лингвистической традиции в настоящий момент используется в качестве эффективного инструмента для стилистического и семантического анализа различных типов дискурса [Bonhomme 1998], [Gardes Tamine 2010], [Kerbrat-Orecchioni 1998].

Примечательно, что и синестезия, и фигуры речи сочетают в себе парадоксальные свойства. Так, фигура всегда подразумевает отклонение от обычного узуса, но, одновременно с этим, появление и использование фигур является естественным свойством языка [Genette 1966]. Аналогичным образом и синестезия, являясь аномалией восприятия, при этом расценивается многими исследователями, как было сказано ранее, как универсальный паттерн семантического сдвига [Ullmann 1957], [Williams 1976]. Фигуры, в том числе и синестетические, имеют свойство входить в обыденный дискурс: словосочетания *сладкий голос*, *зелёная тоска*, *кричащий цвет* не кажутся странными и вполне могут претендовать на роль «метафор, которыми мы живём».

Чаще всего языковая синестезия рассматривается как особый **тип метафоры**, в её формировании задействованы две или более сенсорные модальности ([Ullmann 1957], [Ricoeur 1975], [Day 1995], [Yu 2003], [Nordquist 2017], [Cytowic 2018] и др.). Синестетической метафоре было посвящено большое количество исследований, начиная со второй половины XX в., однако вопрос о лингвостилистическом статусе языковых проявлений синестезии и смежных явлений в дискурсе ставился крайне редко³¹.

М. Бономм [Bonhomme 1998] рассматривает синестезию как отдельный механизм языка, основанный на принципе аналогии между двумя или более сенсорными модальностями, отмечая, что синестезия не имеет особой формы выражения и часто реализуется в виде метафоры или сравнения.

Детальное рассмотрение проблемы соотношения синестезии с некоторыми другими тропами можно найти в [Strik Lievers 2017]: синестезия

³¹ В работах, которые будут упомянуты далее в этом разделе, для всех трёх типов словосочетаний употреблялся термин «синестезия» или «синестетическая метафора», поэтому мы также будем использовать именно его при обзоре, хотя это не совпадает с тем подходом, который предлагается в нашей работе (см. главу 3).

является метафорой, может накладываться на **метонимию** или **гипаллагу**³², образуя сложную комплексную фигуру, но при этом несовместима со сравнением. [Prandi 2019] также не склонен считать синестезию автономной фигурой, определяя её как особую разновидность метафоры, основанную на концептуальном конфликте. Кроме того, М. Prandi полагает, что между метонимией и синестезией существует определённая связь и даже тенденция к кумуляции двух этих различной по своей сути структур.

В некоторых исследованиях синестезия определяется как разновидность **катахрезы** [Якутина 2007]. Катахреза здесь понимается как сочетание противоречивых, но не взаимоисключающих элементов, и в случае с синестезией противоречие создаётся посредством сочетания слов, относящихся к разным модальностям восприятия. Примечательно, что это определение катахрезы предельно отличается от её толкования во франкоязычной традиции, где катахрезой называют крайнюю степень интеграции фигуры в нормативный дискурс (стёртую метафору) [Kerbrat-Orecchioni 1998: 108].

Примечательно, что в некоторых случаях **олицетворение** (*linguistic personification*) может рассматриваться как отдельный вид синестезии. В исследовании [Simner, Hohenstein 2007] в качестве стимула использовались буквы алфавита, цифры, названия месяцев, а ассоциативные реакции респондентов представляли собой полноценные олицетворения. Синестетические ассоциации включали гендерные, возрастные и прочие антропоморфные характеристики для предлагаемых в качестве стимула единиц. Так, месяц *июнь* описывается как девушка «beautiful, popular; best friends with July; slightly snobby» (красивая, популярная; лучшая подруга июля, слегка высокомерна); буква *m* — «old lady like n; they spend all their time together and gossip a lot» (пожилая дама, как и n; они проводят всё время вместе и много сплетничают) и др.

³² Этот же вопрос косвенно затрагивает Ж. Женетт [Genette 1972: 41], рассматривая соотношение понятий синестезия — метонимия — гипаллага и полагая, напротив, что присутствие гипаллагы исключает синестетическую составляющую фигуры.

Несколько более не однозначна позиция исследователей относительно синестезии и **сравнения**. Следует отметить, что термин *сравнение* имеет множество трактовок как в литературоведческой, так и в лингвистической традиции. Известно, что с логической точки зрения идеи тождества и подобия являются взаимоисключающими (ведь А может быть похожа на Б только при условии, что А не является Б), однако их совмещение в языковом значении возможно в рамках метафоры [Арутюнова 1981: 6]. Многие исследователи, в частности [Bonhomme 1998: 66], утверждали, что метафора и сравнение — очень близкие по своей сути фигуры³³. Сравнение, также как и метафора, имеет трёхчленную структуру: *то, что сравнивается + то, с чем сравнивается + основание для сравнения*. Кроме того, сравнение включает сравнительное слово, которое может выражаться различными частями речи (союзы, глаголы, краткие прилагательные и др.).

Отметим, что нас интересует именно образное сравнение (англ. *simile*, фр. *comparaison figurative*). Простое сравнение представляет собой изотопию (*он был умён, как и его отец*), образное сравнение же — это аллотопическая фигура³⁴, строящаяся на сближении двух различных семантических полей (*он был красный как рак*).

Многие полагают, что синестезия в тексте может принимать форму сравнения (M. Bonhomme, P. Paissa, E. R. Anderson), но существует и альтернативная точка зрения (F. Strik Lievers). Почему же синестетическое сравнение вызывает больше сомнений, нежели синестетическая метафора? Прототипическая синестетическая метафора зачастую представляет собой словосочетание, где связь слов с перцептивными компонентами различных

³³ Об этом говорил ещё Аристотель, полагая, что сравнение — это усовершенствованная, более лёгкая для понимания форма метафоры [Аристотель 2000: 119–120]

³⁴ Термин «изотопия» был введён А.-Ж. Греймасом в рамках работ по структурной семантике [Греймас 2004]. Разработку этого сюжета продолжили лингвисты из Группы Мю, введя термин «аллотопия» в пандан изотопии Греймаса. В данной статье под «изотопическими фигурами» подразумеваются фигуры, построенные на базе одного понятийного поля, а «аллотопическими», соответственно, те, где понятийных полей больше одного. Аналогичная оппозиция между «figures isotopiques» и «figures allotopiques» применяется в работе [Bonhomme 1998].

модальностей и нарушение сочетаемости наиболее очевидны. Сравнение же, по определению [Dupriez 2003], — фигура, где сравниваемые сущности синтаксически разделены маркером, выражающим отношение аналогии (например, рус. *как, словно*; англ. *like, kind of*; фр. *comme, une sorte de*; ит. *come* и др.) и где оба члена сравнения выступают в прямом значении, в отличие от метафоры, где прямое значение второго члена — того, с чем сравнивается, отступает на задний план и заменяется переносным. Так, [Strik Lievers 2017] полагает, что эксплицитный маркер сравнения в *light is like the scent* (свет как запах) полностью аннулирует синестетический конфликт метафоры *light is the scent* (свет — это запах).

Подводя итог, сравнение, в сущности, повторяет схему метафоры и строится на аналогии между двумя объектами, однако имеет специальное синтаксическое оформление, которое, по мнению ряда исследователей, ослабляет проявление синестезии.

Достаточно спорным остаётся вопрос соотношения синестезии и **метонимии**. Метонимия, содержащая лексику с сенсорными компонентами, становится очень похожа на синестезию с формальной точки зрения, но является ли она таковой в действительности — не вполне очевидно. Найти примеры, где синестезия принимает форму метонимии, достаточно сложно, однако достаточно детальные разборы подобных сочетаний есть в работе [Paissa 1995], затем те же самые примеры были повторно проанализированы [Strik Lievers 2017] и [Prandi 2017] (*un suono di bronzo* (Montale) ‘бронзовый звук’; *le silence noir* (Maupassant) ‘чёрное молчание’).

Гипаллага — это перенос элемента структуры из одной синтаксической группы в другую, смежную с ней. Чаще всего речь идёт о переносе прилагательного с одного существительного на второе, соседнее: *пьяный смех матросов* вместо *смех пьяных матросов* [Bonhomme 1998: 31].

Мнения исследователей относительно синестетического статуса гипаллаги разнятся: [Strik Lievers 2017] полагает, что синестезия может

выражаться в тексте в форме гипаллаги, а [Genette 1972: 41–42] достаточно категорично отрицает такую возможность.

Рассмотрим пример: *Le double tintement timide, ovale et doré de la clochette*³⁵ (М. Proust «Du côté de chez Swann»).

По мнению [Genette 1972], такие контексты не следует относить к синестезии. Тем не менее, можно выделить сочетание *tintement ovale et doré*, формально соответствующее синестетической схеме (слух + зрение). Однако синестетическое сочетание как бы нейтрализуется контекстом: ясно, что прилагательные зрительного восприятия характеризуют, в действительности, не звук, а сам колокольчик, его форму и цвет.

Следующей фигурой, которую ряд исследователей (напр.: [Bretones-Callejas 2005]) связывает с синестезией, является **оксюморон**.

Эта фигура является сочетанием слов, обладающих противоположным значением (*мирная война, правдивая ложь* и др.). Отметим, что некоторые исследователи, например [Дюбуа et al. 1986], относят оксюморон к разряду семантических, а не синтаксических фигур.

Когда составные части оксюморона содержат сенсорные компоненты, можно рассуждать о его соотношении с синестезией. Однако сенсорные компоненты в таких словосочетаниях обычно относятся к одной сенсорной модальности (*сладкая горечь, громкая тишина*). То есть критерий полимодальности, основополагающий для традиционного понимания синестезии, нарушается. В примерах такого типа нет противоречия в сочетании каналов восприятия, как в классических синестетических фигурах, эффект создаётся только за счёт соединения взаимоисключающих семантических компонентов двух понятий.

³⁵ ‘Двойной застенчивый, овальный и позолоченный звон колокольчика’.

2.5. Выводы

Феномен синестезии в лингвистике начинает изучаться примерно со второй половины XX в. Лингвистическое понимание синестезии тяготеет к отступлению от традиционного определения, базирующегося на физиологии. Центральным понятием в лингвистической концепции синестезии является *синестетическая метафора*. Одна из ключевых фигур в истории изучения синестезии на языковом материале — С. Ульманн. Именно его работы заложили основы нескольких направлений исследования феномена: синестезия как вид метафоры, а также синестезия как тип семантического перехода.

В современной лингвистике синестезия изучается в различных аспектах. Первый и наиболее обширный класс исследований — изучение сенсорных ассоциаций с языковыми единицами различного порядка. К этому классу относятся в частности работы, посвящённые графемно-цветовой синестезии, ассоциативной связи между геометрической формой и определёнными фонемами (эффект «буба-кики») и др. В данном случае лингвистическая составляющая направления ограничивается типом стимула, используются прежде всего методы психологии, а не лингвистики. Это направление остаётся актуальным как в работах зарубежных (Д. Симнер, Д. Манкин, Р. Роу и др.), так и отечественных исследователей (Л. П. Прокофьева и др.).

Языковая синестезия может рассматриваться как паттерн семантического перехода, в том случае, если слово, относящееся к одной сенсорной модальности, развивает новое значение, относящееся уже к другой модальности. Наиболее значимой для этой области исследований можно считать работу по изучению «синестетических прилагательных» Д. Уильямса на обширном материале из нескольких языков (однако отметим, что различные схемы межсенсорного перехода были предложены ещё в исследованиях [Ullmann 1957]). Исследования в этом направлении продолжаются на корпусном материале [Zhao, Huang, Ahrens 2019], [Strik Lievers 2015].

Многие исследователи рассматривают синестезию, прежде всего, как особый тип метафоры. Однако эта точка зрения достаточно спорная, поскольку

в данном случае под синестетической составляющей подразумевается использование слов, связанных с областью перцепции. С недавнего времени синестетическая метафора рассматривается также в контексте сенсорной лингвистики [Winter 2019].

Таким образом, в лингвистике не существует единого определения синестезии в языке, её проявления достаточно многообразны. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами и прежде всего синестетические метафоры активно изучаются лингвистами. В последнее десятилетие наиболее актуальными являются исследования, выполненные на корпусном материале³⁶.

³⁶ Более подробно о корпусных исследованиях в данной области см. главы 3 и 4.

ГЛАВА 3. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СЕНСОРНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

3.1. Слова с сенсорным семантическим компонентом

В рамках настоящей работы нас интересует особая группа словосочетаний. Основой для формирования таких словосочетаний является лексика, относящаяся к области восприятия (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние). Перед тем, как перейти к описанию различных типов словосочетаний с сенсорной лексикой, следует определить, какие именно слова мы включаем в данную категорию. Хотя вопрос о том, каким образом человеческое восприятие находит отражение в языке, является достаточно актуальным, исчерпывающего описания этой категории лексики с точки зрения семантики в существующих работах нам обнаружить не удалось.

В работах, посвящённых изучению языковой синестезии, вопрос о составлении тезауруса сенсорной лексики обсуждался только в том случае, если исследование проводилось на корпусном материале (F. Strik Lievers, Ch. Huong и др.). Однако речь шла исключительно о перечислении списков слов, без их семантического анализа или разбора на различные компоненты значения.

В рамках настоящего исследования основным вспомогательным понятием для дальнейшей работы будет **сенсорный семантический компонент** (далее **ССК**) — семантический элемент в составе слова, относящийся к сфере чувственного восприятия.

Таким образом, **сенсорная лексика** в работе определяется как лексические единицы, которые содержат один или несколько ССК. Далее основные характеристики сенсорной лексики будут рассмотрены более подробно.

3.1.1. Сенсорная модальность как основание классификации

Когда мы говорим о сенсорной лексике, наиболее логичным и очевидным может показаться разделение слов по категории модальности. Модель «пяти ощущений» (*five senses model*³⁷) действительно достаточно часто используется в западных работах (как в лингвистике, так и в психологии и других дисциплинах), по мнению ряда исследователей [Winter 2019: 25–28], эта модель является культурно обусловленной.

Тем не менее, использование модели пяти ощущений не является самоочевидным или единственно возможным выбором. Более того, для этой системы свойственна достаточно высокая степень упрощения, [Dennett 2013: 31] характеризует её как *oversimplification* (не отрицая однако её эффективности на текущем этапе развития данной области исследований).

Как отмечает [Winter 2019: 12–13], альтернативой для пяти чувств могло бы послужить разделение на основе типа потребляемой энергии (*energy-based criterion*): молекулярная (вкус и обоняние), механическая (осязание, слух) и световая (зрение). Можно делить ощущения в зависимости от того, какие рецепторы задействованы при восприятии того или иного стимула (*receptor-based criterion*). В таком случае следовало бы выделить из категории осязания восприятие температуры объектов, поскольку в процессах задействованы разные типы рецепторов. Однако эти способы кажутся ещё более сложными в контексте нашей работы, поскольку уведут в сторону от лингвистики в область иных дисциплин: физики или нейробиологии. Такой подход противоречит задачам нашего исследования, одним из приоритетов которого является описание сенсорной лексики прежде всего с лингвистических позиций.

Для модели пяти ощущений основополагающим критерием является задействованный в восприятии стимула орган чувств. Разумеется, и в этом аспекте могут присутствовать разночтения: например, что именно мы будем считать органом чувств, стоит ли включать в это понятие внутренние системы

³⁷ Здесь и далее вместо англоязычного термина *five senses model* будет использоваться перевод автора – П.Я. — модель пяти ощущений.

и др. Тем не менее, чаще всего исследователи (напр.: [Macpherson 2011], [Апресян 1995: 355]) ориентируются на следующий тип распределения: глаза — орган зрения, уши — орган слуха, кожа — орган осязания, язык — орган вкуса, нос — орган обоняния.

Модель пяти ощущений может использоваться наряду с некоторыми добавленными характеристиками или же упомянутые выше 5 модальностей дополнительно делятся на классы. Например, температурные характеристики, которые, как правило, включаются в модальность осязания, рассматриваются как отдельная категория в работах [Day 1995, 1996], [Cytowic 2018]. В зрение могут входить визуальные характеристики пространства или свойство удалённости/приближенности объектов [Yu 2015], однако [Day 1995] рассматривает пространство как отдельную категорию («space»). [Williams 1976] делил зрительную модальность на две категории: первая группа слов — это цвета, а для второй группы было введено определение «visually perceived dimension» («визуально воспринимаемые характеристики пространства»). В ходе исследования глаголов сенсорного восприятия в шведском языке [Viberg 2015] вводит категорию «нейтральной модальности», когда глагол восприятия может относиться сразу к нескольким перцептивным каналам (пример: *förnimma* 'perceive').

В работе [Апресян 1995: 355–361] при описании системы восприятия используется классический вариант модели пяти ощущений, каналы восприятия в данном случае называются подсистемами (выделяются подсистемы зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания). В семантической разметке НКРЯ введён отдельный тег «восприятие», а также выделены категории «звук», «цвет», «свет», «вкус», «запах», «температура».

Даже если ограничить перцепцию пятью типами ощущений, не вводя дополнительных опций, возникает множество проблем классификации³⁸.

³⁸ Примечательно, что [Апресян 1995: 355–365] при описании основных систем человека отмечает, что восприятие обладает относительно простой структурой. Наиболее сложной же является система речи. Простота системы определена исходя из самой сути процесса

Человеческое восприятие — комплексный процесс. Достаточно сложно однозначно разделить, например, слова, относящиеся к обонянию и вкусу. Близость вкуса и обоняния подтверждается и на уровне фиксации смежных значений в словарях. Например, для слова *сладкий* в русском (Малый академический словарь, [Ожегов, Шведова 1994] и др.) или *sweet* в английском ([Oxford Learner's Dictionary], [Cambridge Dictionary] и др.) закреплены значения характеристики запаха, наряду с категорией вкуса.

Несмотря на сопутствующие сложности, модель пяти ощущений кажется наиболее подходящей. Упрощение является неотъемлемой частью любой классификации. Таким образом, наш выбор в пользу разделения сенсорной лексики на **пять групп (лексические единицы, содержащие сенсорные семантические компоненты зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния)** сделан сознательно. Нельзя отрицать, что модели присущи некоторые недостатки, тем не менее, такое решение кажется уместным в рамках исследования, которое в дальнейшем позволит изучить более тонкие нюансы в области семантики этих лексических единиц. [Winter 2019] характеризует эту модель как «useful fiction», и мы склонны согласиться с этим определением.

3.1.2. Сенсорный компонент в семантике слова

В этом разделе рассмотрим, каким образом может быть реализовано присутствие сенсорного семантического компонента (ССК) в семантике слова.

Прежде всего следует отметить, что «объём» ССК в значении лексической единицы может быть различен. Выделяются лексемы, где ССК является основной, ядерной семой и занимает определяющую позицию в значении слова: *серый*, *видеть*, *звук*. В данном случае сенсорная характеристика выражена непосредственно в слове. Однако чаще встречаются примеры, где сенсорный компонент является одной из множества других сем. Речь идёт об аналоговой лексике, то есть о тех случаях, когда сенсорная

восприятия (к примеру, даже растения могут воспринимать свет), а также из количества лексем, обслуживающих данную область, и некоторых других факторов.

характеристика даётся не прямо, а через аналогию с тем или иным свойством какого-либо объекта. Такой класс сенсорной лексики в [Croijmans, Majid 2016], [Majid et al. 2018] определяется термином «source-based», авторы исследуют слова, связанные с обонянием, и подчёркивают, что аналоговая лексика очень часто используется для характеристики запахов. [Cacciari 2008: 426] считает, что такое явление следует относить к метонимии, поскольку вместо целого понятия берётся лишь один из его признаков.

Рассмотрим примеры аналоговых цветообозначений из наших корпусов: *flots nacreux* (Rimbaud), *oiseaux d'or* (Rimbaud), *изумрудные дожди*, *перламутровый полдень* (Антокольский), *emerald resurrection* (Nabokov). В этих словосочетаниях выделенные определения выступают в качестве цветовых характеристик, по этой причине они отнесены к категории ССК зрения. Цветовые характеристики для существительных (*flots; oiseaux; дожди; полдень; resurrection*) даются по аналогии с цветом референта (насе, ог; изумруд; перламутр). Если же попробовать изменить контекст и рассмотреть в качестве примера словосочетание *изумрудное кольцо*, то на первый план выходит значение «сделанный с использованием изумруда». Присутствие ССК в этом контексте скорее имплицитно: известно, что изумруд обладает определённым цветом, однако цветовая характеристика не является здесь наиболее значимой.

В семантике слова конкретная сенсорная характеристика может выделяться достаточно явно и, как правило, в таких случаях это значение закрепляется в словаре. Например, для прилагательного *изумрудный* фиксируется значение цветовой характеристики (Малый академический словарь, [Ожегов, Шведова 1994], [Ушаков 2008] и др.).

Конечно, само деление ССК по критерию ядерности/периферийности позиции несколько условно. Тем не менее, нельзя отрицать, что в словах *изумрудный* и *зелёный* ССК занимает различные позиции. Для слова *зелёный* — сенсорная характеристика является определяющей, а для слова *изумрудный* — лишь одним из компонентов значения, который актуализируется в контексте.

Этот вопрос требует дальнейших исследований и выделения критериев, которые могли бы служить для определения ядерной или периферийной позиции сенсорного компонента. Для решения проблемы требуется более серьёзное изучение этого вопроса с привлечением инструментов семантики и лексикологии.

В рамках нашей работы мы рассматриваем сенсорную лексику безотносительно того, занимает ССК в семантике слова ядерную или периферийную позицию.

3.1.3. Сенсорная лексика: к проблеме семантического описания

После того, как был определён критерий, взятый за основу семантического разделения сенсорной лексики, необходимо рассмотреть составляющую каждой из пяти модальностей восприятия, то есть какие именно слова войдут в категории зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния.

Как было сказано выше, комплексность, присущая перцепции, делает затруднительной любую попытку классификации связанных с ней единиц. Это отмечает и [Падучева 2004] в контексте исследования лексической семантики: восприятие лежит в основе деятельности человека, поэтому семантическая характеристика сенсорной лексики — сложная задача.

Сенсорной лексике свойственна как внутренняя (field-internal), так и внешняя (field-external) полисемия³⁹. Так, слово *сладкий* с одной стороны может характеризовать как вкус, так и запах (полисемия внутри поля), а с другой это прилагательное используется в переносном смысле для описания чего-то приятного, доставляющего удовольствие (*сладкий сон*). При классификации сенсорной лексики проблему представляет, прежде всего, полисемия внутри поля, поскольку зачастую одно слово может относиться к нескольким каналам восприятия.

³⁹ Внешняя (field-external) и внутренняя (field-internal) полисемия описаны в работе: [Viberg 2020].

Наиболее системно описанной кажется лексика, связанная со зрительной модальностью. Целый ряд работ посвящён семантическому полю цвета⁴⁰. Достаточно активно визуальные ассоциации в ответ на различные типы стимулов изучаются и в области исследования синестезии⁴¹. Многие лингвисты (напр.: [Рябцева 2000], [Апресян 1995: 363–364]) характеризуют зрение как доминантный канал восприятия, оказывающий максимальное влияние на язык. Гипотетически любое слово, отсылающее к визуально воспринимаемому образу, объекту, который может быть увиденным, потенциально может включаться в категорию зрения (*дерево, стакан* и пр.)⁴². Зрительная модальность занимает в языке достаточно обширное место, поэтому ограничить содержание этого сенсорного канала — проблематично, но необходимо, особенно если речь идёт о корпусном исследовании.

Присутствует множество других дискуссионных моментов, связанных с категорией зрения. В частности вопрос о статусе небазовых способов цветообозначения. Например, слова *тёмный, светлый, крапчатый* — характеризуют не сам цвет, но его свойства; *аметистовый, изумрудный* — являются аналоговыми прилагательными, изначально относительными, а не качественными [Масевич, Захаров 2019]. Отметим, что при этом все небазовые способы цветообозначения в семантической разметке НКРЯ имеют тег «цвет».

Несмотря на высокую степень изученности вопроса, проблема семантического описания слов, относящихся к категории зрения, остаётся актуальной.

⁴⁰ См., напр.: [Rosch 1975], [Wierzbicka 1990], [Норманская 2005], [Kay, Regier 2006], [Molinier 2006], [Бочкарев 2017].

⁴¹ См., напр.: [Baron-Cohen et al 1993], [Dixon et al. 2006], [Eagleman, Melvyn 2009], [Barnett et al. 2009], [Asano, Yokosawa 2012], [Rouw et al. 2014], [Cuskley et al. 2019].

⁴² Возможно, это замечание кажется несколько неуместным, но ниже будут представлены примеры из зарубежных корпусных исследований синестетических метафор, где в категорию зрения включались разные лексические единицы, которые, в сущности, достаточно далеки от эксплицитного выражения ССК зрения в семантике слова.

Лексика, относящаяся к другим модальностям восприятия, описана менее подробно⁴³. Одна из наиболее детальных классификаций глаголов восприятия принадлежит Оке Вибергу. В работах [Viberg 1983; 2015; 2019] глаголы восприятия рассматривались сначала в более широкой типологической перспективе, а затем на материале параллельных текстов (шведский-английский). Согласно классификации Виберга, глаголы делятся на две больших категории «experiencer-based» (в центре внимания субъект восприятия, наблюдатель) и «phenomenon-based» (в центре внимания стимул, источник из внешней среды; в ранних работах исследователя для этой категории использовался термин «source-based»). Категория «experiencer-based» включает два класса глаголов: «activity» (контролируемое субъектом намеренное действие) и «experience» (неконтролируемое субъектом действие). Категория «phenomenon-based» включает три класса: «sensory copulas» (глагол восприятия используется как некая связка), «perceptibility verbs» (способность объекта быть воспринятым), «sensory verbs» (глаголы несут информацию о неких качествах стимула, при этом зачастую не относятся непосредственно к семантическому полю восприятия и не выражают эксплицитного присутствия наблюдателя). На рис. 4 представлена таблица из [Viberg 2019] с примерами на английском языке.

⁴³ См. [Rogers 1971], [Dik, Hengeveld 1991]. Также см.: [Падучева 2004] про семантическое описание глаголов восприятия; [Kashkin et al. 2013] про глаголы, описывающие звуки неодушевленных объектов.

Table 1. The verbs of perception in English. A simple grid

Sense modality	Experiencer-based		Phenomenon-based		
	Activity	Experience	Sensory copulas	Perceptibility verbs	Sensory verbs
NEUTRAL	examine	perceive, notice	seem	“be noticeable”	
SIGHT	look at	see	look	“be visible”	shine, shimmer, glimmer, gleam, glitter, glint, glisten, flash...
HEARING	listen to	hear	sound	“be audible”	crack, creak, rattle, crash, sough, surge, buzz...
TOUCH	feel, touch	feel	feel		tickle, abrade, tingle, sting, burn, smart...
TASTE	taste	taste	taste		
SMELL	smell (at), sniff	smell	smell		stink, reek

Рис. 4

3.1.4. Сенсорная лексика: определение и объём понятия

Определение границ для каждой сенсорной модальности критически значимо для работы с корпусом, особенно в том случае, если планируется частичная или полная автоматизация процесса извлечения данных. Глубокий анализ отдельных групп лексики важен также в контексте развития направления лексико-семантической типологии⁴⁴.

⁴⁴ Подробнее об этом направлении см., например, [Рахилина, Резникова 2013], [Рахилина, Плунгян 2007].

Этот вопрос поднимался в работах зарубежных исследователей синестезии. Необходимо задать рамки сенсорной лексики, чтобы получить возможность поиска синестетических фигур в корпусе.

[Strik Lievers, Huang 2016] предприняли попытку создать тезаурус сенсорной лексики на материале английского и итальянского языков (*lexicon of perception*) для автоматизации извлечения синестетических метафор из корпуса. Тезаурус включает прилагательные, существительные и глаголы, относящиеся к сенсорному восприятию. Такой подход вызывает некоторые вопросы.

Во-первых, не были учтены наречия. В нашем корпусе были обнаружены контексты, где словосочетания с сенсорными компонентами строились с участием наречий: например, *come darkly near* (Nabokov), *сумрачно льнула* (рус. пер.).

Во-вторых, вероятно стоит ориентироваться не на отдельные лексические единицы, а на целые словообразовательные гнезда (учесть онтологические синонимы [Loukachevitch, Dobrov, 2015: 242]), это позволит избежать непоследовательности в отборе лексем. Примеры: в тезаурусе [Strik Lievers, Huang 2016] в категорию зрения вошло прил. *dark*, а сущ. *darkness* при этом отсутствует. В список с компонентом осязания включены как прил. *hot*, так и сущ. *hotness*.

В-третьих, решение о включении в тезаурус некоторых слов кажется не вполне обоснованным. Так, в группу слов с компонентом аудиального восприятия вошли названия некоторых музыкальных инструментов (*xylophone, banjo, guitar, violin*), название музыкального стиля (*jazz*). С помощью музыкальных инструментов можно создавать определённые звуки, однако включён ли компонент слуха в само понятие скрипки, гитары и пр. — спорный вопрос. Можно предположить, что эти слова были вписаны в категорию слуха, поскольку название музыкального инструмента может употребляться метонимически, в таком случае оно будет отсылать к звуку (например, *я услышал гитару* — очевидно, что имеются в виду звуки гитары). Однако, вероятно, стоило каким-то образом прояснить этот вопрос. В категорию зрения

включено слово *photo*. Как было сказано выше, с границами семантического поля для зрительной модальности есть много сложностей. Фотоснимок — это изображение, полученное с помощью определённой технологии. Руководствуясь этой логикой, можно было бы включить в модальность зрения слова *пейзаж* (изображение природы на фотографии или картине), *портрет* (изображение человека), *видео* (подвижное изображение). Стоит ли включать все слова подобного типа в категорию зрения — это также нерешённый вопрос.

Ещё один пример — в список прилагательных визуального восприятия [Zhao 2020] вошли слова, в переводе с китайского означающие *beautiful* и *elegant*⁴⁵. Если включить слово *красивый* в категорию зрения, то словосочетание *красивая песня* можно считать синестетическим (зрение + слух). Насколько это может быть корректно — вопрос, связанный с определением понятия языковой синестезии в рамках конкретного исследования.

Таким образом, распределение слов по пяти модальностям может происходить различными способами, всё зависит от целей, задач и методологии исследования. Тем не менее, важно определить каждую категорию и не допускать непоследовательности, чтобы получить из корпуса достаточно репрезентативные данные.

Далее рассмотрим, что в рамках настоящей работы включается в понятие сенсорной лексики (с примерами из исследуемых корпусов⁴⁶). Отметим, что в данном случае нас не интересует частеречная принадлежность слова, мы ориентируемся прежде всего на словообразовательные гнезда, не ограничиваясь только прилагательными и существительными⁴⁷.

⁴⁵ Этот перевод на английский предлагают сами авторы исследования [Zhao 2020].

⁴⁶ Приведены лишь некоторые примеры из корпусов, а не исчерпывающим перечень.

⁴⁷ Как правило, именно такую структуру (прилагательное + существительное) имеют исследуемые синестетические метафоры (см. S. Day, R. Nordquist). Кроме того, достаточно часто исследования фокусируются исключительно на прилагательных (J. Williams, Q. Zhao).

Отметим, что каждый канал восприятия имеет свои функциональные особенности, по этой причине добиться полного единообразия групп слов, входящих в каждую рассматриваемую категорию, затруднительно⁴⁸.

Категория зрения в работе понимается достаточно широко. Тем не менее, задать чёткие границы в данном случае особенно важно.

Ниже перечислены группы слов, относящихся к категории зрения, с примерами из корпусов.

Зрение:

- 1) цвет: *green, чёрный, bleu*;
- 2) характеристики цвета: *vivid, красочный, pâleur*;
- 3) аналоговые цветообозначения: *smagardine, изумрудный, doré*;
- 4) свет и характеристики света: *radiance, мерцающий, lumière*;
- 5) иные зрительно воспринимаемые свойства предметов окружающей действительности: *big, округлость, étroit*;
- б) процесс зрительного восприятия: *to see, смотреть, regard, voir*.

На примере категории зрения рассмотрим некоторые требующие отдельного пояснения принципы описания групп сенсорной лексики. Эти принципы были применены и к прочим сенсорным модальностям по аналогии, в том случае, когда это было возможно.

Характеристики ощущений. В нашей работе для категории зрения выделяется группа «характеристики цвета». В классификации [Масевич, Захаров 2019] для таких слов используется термин *квазицвета*. Под квазицветами понимаются слова, связанные с характеристиками свойств цвета (насыщенность, количество цветов и др.). Аналогичные группы были сформированы для слуха (характеристики звука) и обоняния (характеристики запаха). Для осязания и вкуса в нашем материале подобных обнаружено не было. Возможно, вводить подобные группы в принципе нецелесообразно, поскольку характеристика вкусовых или осязательных ощущений происходит

⁴⁸ В работе [Апресян 1995: 358] также отмечается невозможность единообразия при описании лексики, обслуживающей системы восприятия.

зачастую уже через межсенсорный перенос: ср. *яркий* для цвета (зрение — зрение) VS *яркий* для вкуса (зрение — вкус, словосочетание *яркий вкус* может служить примером лексикализованной синестетической метафоры в классическом её понимании).

Аналоговые группы. Для категории зрения введена группа «аналоговые цветообозначения», куда были включены слова, характеризующие цвет посредством аналогии с тем или иным объектом окружающей действительности (*золото* — *золотой*, *золотистый*). Аналоговая группа была сформирована и для всех остальных модальностей. Для категорий вкуса и обоняния аналоговые группы могут достаточно сильно пересекаться, поскольку характеристика запахов через вкусовую модальность — частотная модель⁴⁹. Отметим, что аналоговые группы являются, вероятно, одним из наиболее проблемных для изучения классом сенсорной лексики, поскольку, как было сказано выше, сенсорный компонент в данном случае является одним из множества. Сравним *красный* и *вишнёвый* — первое прилагательное является цветообозначением, а второе может входить сразу в несколько категорий — аналоговое цветообозначение (имеет цвет вишни), аналоговое обозначение вкуса (имеет вкус вишни), аналоговое обозначение запаха (имеет аромат вишни).

Вхождение лексической единицы в несколько категорий может свидетельствовать о неверном выборе основания классификации, однако в случае с аналоговыми обозначениями такая ситуация объясняется скорее спецификой анализируемой единицы. Аналоговое обозначение подразумевает сравнение объекта по тому или иному признаку (в нашем случае, речь о сенсорных характеристиках) с другим объектом. Объект может обладать одной или целым рядом выраженных сенсорных характеристик. Прилагательное *вишнёвый* потенциально может войти в несколько аналогов групп, так как оно отсылает нас к вишне — вишня обладает вкусом, цветом и запахом. В то же

⁴⁹ Подробнее о близости обоняния и вкуса с лингвистической точки зрения см.: [Winter 2019: 12], а также работы M. Auvrey, C. Spence.

время прилагательное *рубиновый* может по аналогии обозначать цвет (определённый оттенок красного)⁵⁰, но не обонятельные или осязательные свойства, поскольку эти свойства не характерны для предмета, к которому оно отсылает (рубин). Таким образом, аналоговые группы представляют с одной стороны серьёзную проблему и трудно поддаются классификации, с другой стороны — они представляют большой интерес для дальнейших исследований семантики сенсорной лексики.

Тернарный характер процесса восприятия. Под пунктом «процесс визуального восприятия» мы понимаем как непосредственно восприятие субъектом объекта (активное и пассивное — *видеть, смотреть*), так и возможность объекта *быть увиденным* субъектом. Аналогичными принципами мы будем руководствоваться в отношении остальных сенсорных модальностей — процессы слухового, тактильного, ольфакторного, вкусового восприятия подразумевают все перечисленные выше аспекты.

В данном случае мы ориентируемся на [Апресян 1995: 355–356], где именно такая тернарная система предлагается как модель для описания глаголов восприятия, и на [Падучева 2004], где особо отмечается роль воспринимающего субъекта в процессе восприятия. Чтобы момент восприятия состоялся, необходима та или иная форма контакта органа восприятия субъекта с внешним объектом, выступающим в качестве стимула для возникновения ощущения. Способ достижения этого контакта может быть различен: субъект может быть активен или пассивен, может иметь намерение войти в контакт со стимулом или сделать это случайно.

Невозможность восприятия. В текстах корпусов были обнаружены примеры слов, которые маркируют затруднённую или невозможную сенсорного восприятия либо отсутствие чувственного воспринимаемого свойства. Такие слова в рамках нашего корпуса встретились только в

⁵⁰ Мы не рассматриваем в данном случае контексты употребления, где слово изумрудный будет использоваться в значении «сделанный из изумруда» (например, изумрудное кольцо), поскольку здесь речь не идёт о сенсорных характеристиках.

зрительной и слуховой модальностях (*слепой, мутный; sourd, глухой, беззвучный*). Тем не менее, потенциально такие слова можно выделить и во всех остальных модальностях: *пресный* (вкус), *неосязаемый* (осязание, обоняние). Подобные слова будут приобщены к материалу. Отметим, что [Падучева 2004] также рассматривала глаголы подобного типа (*ослепить* и др.) в рамках тематического класса глаголов чувственной перцепции.

Ниже перечислены группы слов, относящихся к категории **слуха**, с примерами из корпусов.

Слух:

- 1) звук: *echo, звук, mélodie*;
- 2) характеристики звука: *loud, громкий*;
- 3) аналоговые звукообозначения: *roaring, жужжащий, mugissant*;
- 4) процесс слухового восприятия: *hear, слух*.

Ниже перечислены группы слов, относящихся к категории **осязания**, с примерами из корпусов.

Осязание:

- 1) температура: *sharp, warm, холодный, горячо, froideur, tiède*;
- 2) консистенция: *sticky*;
- 3) вес: *light, тяжёлый, pesant*;
- 4) аналоговые обозначения тактильных свойств: *furry, ледяной*;
- 5) иные тактильно воспринимаемые свойства предметов окружающей действительности: *wet, soft, влажный, lisse*;
- 6) процесс тактильного восприятия: *to touch, касаться, toucher*.

Отметим, что категория **осязания** также определяется достаточно широко. Под осязанием понимаются как механические, так и температурные стимуляции кожи. Дополнительным аргументом для включения температуры в модальность осязания может послужить факт, что такие слова как *warm* и *hot* (то есть температурные характеристики) носители языка в эксперименте [Lynott, Connell 2009] также определяли именно в категорию осязания. Отметим, что в модальность осязания в нашем исследовании не были вписаны

слова, обозначающие болевые ощущения: *боль, pain, aching, douleur* и пр., в то время как в работе [Winter 2019: 14–15] этот семантический класс вошёл в категорию осязания.

Сенсорные модальности **вкуса** и **обоняния**⁵¹ также заслуживают особого внимания из-за их тесной связи как на физиологическом, так и на лингвистическом уровне. Можно было бы рассматривать их как единую категорию. Тем не менее, более целесообразным кажется всё же разделить их, оставаясь в пределах модели пяти ощущений. В дальнейшем предстоит более подробно исследовать, насколько вкус и обоняние могут быть дифференцированы в языке.

Вкус:

- 1) вкус: *sour, сладкий, amer*;
- 2) характеристики вкуса: *вкусный, пресный*;
- 3) аналоговые обозначения вкуса: *honey, медовый, amande*;
- 4) процесс вкусового восприятия: *to taste*.

Обоняние:

- 1) запах: *perfume, душок, parfum*;
- 2) характеристики запаха: *smelly, fragrant*;
- 3) аналоговые обозначения запаха: *musk*;
- 4) процесс ольфакторного восприятия: *to smell, чують*.

Представленные в этом разделе описания групп сенсорной лексики не носят абсолютного характера. В дальнейшем понимание каждой модальности может быть уточнено. Тем не менее, обозначить границы сенсорной лексики в рамках исследования было необходимо, поскольку именно на основе описанных выше категорий будут отбираться словосочетания для последующего анализа.

⁵¹ По мнению [Апресян 1995: 364] именно для обоняния мы можем констатировать наименьшее число обслуживающих подсистему лексем, и это объясняется антропоцентричностью языка (у человека наиболее развитыми являются зрение и слух, а наименее развито обоняние).

3.1.5. Монокомпонентные и поликомпонентные слова

В предыдущем пункте была определена семантическая составляющая для каждой сенсорной модальности. В этом пункте рассмотрим слова, содержащие ССК, с формальной точки зрения.

Для характеристики слов по их компонентному составу были выделены два значимых параметра:

1) количественный: в зависимости от количества ССК в слове оно может быть **монокомпонентным** или **поликомпонентным**;

2) модальный: ССК относится к одной из пяти сенсорных модальностей. В случае, если слово является **поликомпонентным**, ССК могут относиться к одной модальности (тогда слово можно охарактеризовать как **моносенсорное**) или к разным (**полисенсорное** слово).

подавляющее число слов в корпусе являются **монокомпонентными**, то есть содержат один ССК: *amer* (ССК вкуса), *parfum* (ССК обоняния), *блеск* (ССК зрения), *жар* (ССК осязания). Монокомпонентные слова могут иметь как простую (см. примеры выше), так и сложную морфологическую структуру (*зеленохвостый, среброкрылое, меднолицые, золотопёрые*⁵²).

В зависимости от модальной однородности или неоднородности ССК в слове, можно выделить два типа поликомпонентных слов⁵³. Рассмотрим их подробнее.

Поликомпонентное моносенсорное слово — это сложное слово сочинительного типа, включающее в себя две равноправные составные части. Каждая из частей слова содержит ССК, оба ССК относятся к одной

⁵² Все примеры данной категории слов потенциально могут разворачиваться в словосочетания, где одно из слов является цветообозначением: зелёный хвост, серебряные крылья, медные лица, золотые перья.

⁵³ Поликомпонентными обозначаются слова, где ССК выражены синхронно и эксплицитно. Слова, обладающие сенсорной полисемией, о которых говорилось ранее, не следует причислять к поликомпонентным, поскольку ССК разных модальностей присутствуют в слове как бы имплицитно, потенциально, на уровне различных его значений, актуализируются в определённом контексте.

модальности. Примеры: *багряно-золотой*, *жёлто-синий*, *чёрно-синий*, *кисло-сладкий*. Отметим, что эти слова потенциально разложимы на словосочетания (*багряный и золотой*, *чёрный и синий*, *жёлтый и синий*, *кислый и сладкий*).

Поликомпонентное полисенсорное слово — это сложное слово сочинительного или подчинительного типа, где обе части слова содержат ССК. ССК относятся к разным модальностям. Примеры: *красно-раскалённый* (зрение + осязание), *золотисто-певучий* (зрение + слух), *сладкозвонный* (вкус + слух), *sweet-moaning* (вкус + слух). Эти слова также разложимы на словосочетания (*золотистый и певучий*, *сладко звонящий*, *to moan sweetly* и проч.).

Поликомпонентное полисенсорное слово имеет структуру, в полной мере соответствующую традиционному пониманию синестезии. В рамках одного сложного слова сочетаются компоненты двух различных модальностей. Если рассмотреть классический пример синестетической фигуры *синева звенящая* (пер. Кроткова) и сопоставить со словом *золотисто-певучий* (пер. Головина), то схемы компонентного состава будут идентичны: ССК (зрение) + ССК (слух). Кроме того, «синестетичность» поликомпонентных полисенсорных слов не зависит от контекста. Возможно ли в данном случае говорить о проявлении синестетических свойств слова — спорный вопрос. Нельзя не отметить, что речь идёт исключительно о сложных словах, которые потенциально разворачиваются в полноценные словосочетания.

Вышесказанное можно представить в виде схемы (рис. 5).

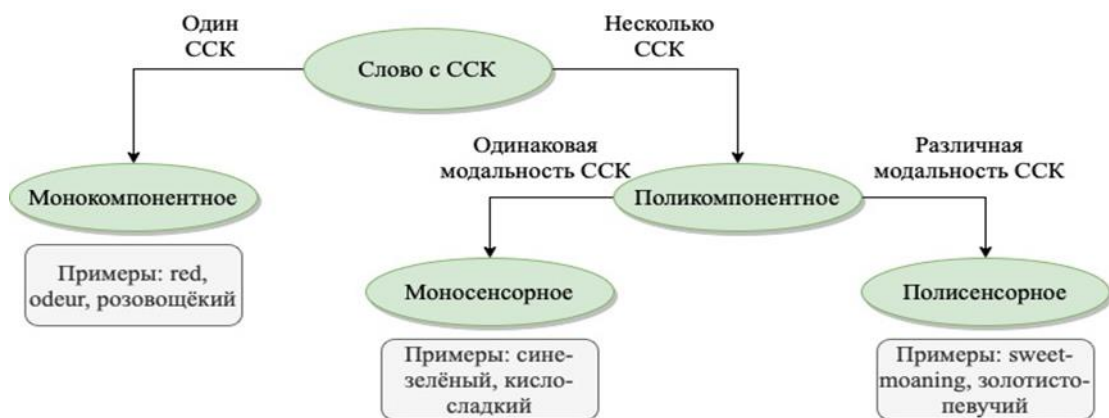

Рис. 5

3.1.6. Сенсорная полисемия

Говоря о месте сенсорного семантического компонента в семантике слова, нельзя не упомянуть о феномене, который можно условно обозначить термином **сенсорная полисемия**. Ранее в главе 2 были представлены исследования (в частности, [Williams 1976]), где языковая синестезия определяется как универсальная модель семантического перехода.

Слово, включающее сенсорный компонент одной модальности, может развивать дополнительные значения, характеризующие другую модальность. Например, прилагательное *сладкий* (ССК вкуса) в современном русском языке может характеризовать и звуки, и запахи (Малый академический словарь: *сладкие звуки* — приятные для слуха, *сладкий аромат* — приятный или же сильный, приторный).

Ещё более ярким примером может служить французское прилагательное *doux*. В словаре TLF маркируется принадлежность *doux* к области в первую очередь вкуса, но далее следуют значения, где это прилагательное относится к обонянию, зрению, осязанию и слуху. Чаще всего во всех сенсорных модальностях это слово имеет положительную коннотацию, то есть в соответствии с определением TLF⁵⁴ *doux* используется для характеристики предмета, воспринимаемого посредством той или иной модальности, обозначает некое приятное впечатление для определённого органа чувств.

Слово *doux* и другая лексика, относящаяся к этому словообразовательному гнезду, примечательны, поскольку охватывают все основные сенсорные каналы: зрение, вкус, слух, осязание, обоняние.

Достаточно сложно определить, какое значение является первичным или доминантным. Так, например, в словарях Le Robert, TLF, Littré, Dictionnaire de l'Académie française, 9e édition первое значение, относящегося к сенсорному восприятию, — это значение, связанное с модальностью вкуса (*goût*), в то время как в Larousse — это осязание (*toucher*).

⁵⁴ «En parlant d'une réalité perceptible par tel ou tel sens. Qui n'est ni rude ni âpre, (par ce qu'il fait sur les sens une impression agréable)».

Учитывая специфику материала (параллельные тексты), можно обратиться к переводным соответствиям⁵⁵. Однако то, что соответствует французскому слову *doux* в оригинальном английском тексте романа «Лолита» и в русском переводе, не помогает прояснить ситуацию. Например, в английском оригинале мы обнаруживаем лексические единицы, относящиеся к различным сенсорным модальностям: *sweet, sweetness, sweetish* (вкус); *warm, soft* (осязание); *quiet* (слух). Переводные соответствия в русском тексте также относятся к различным модальностям — *сладкая* (вкус); *нежный, шелковистая, мягкость* (осязание); *бесцветный* (зрение). Во французских переводах находим *doux/douce/douceur*.

Обращение к диахронической лексикологии, этимологии или лексикографии не входит в задачи работы, поэтому кажется целесообразным прибегнуть к вынужденному упрощению: то есть распределить слова подобного типа в одну из сенсорных категорий. По этой причине слова группы *doux*⁵⁶ будут включены в категорию вкуса.

В пользу этого решения говорит и то, что подобный тип семантического перехода встречается достаточно часто в различных языках [Williams 1976], [Zhao 2020]. Если при работе с нашим материалом мы будем учитывать все зафиксированные в словаре значения, то почти каждое сенсорное слово необходимо будет включать в несколько категорий. Например, для слова *холодный* в русском фиксируется значение «характеристика цвета», аналогично

⁵⁵ Переводные соответствия достаточно часто могут служить дополнительным источником информации в том случае, если мы используем корпус параллельных текстов для решения тех или иных задач. См., напр.: [Johansson 2007].

⁵⁶ Отметим, что в текстах корпуса «Лолиты» достаточно часто встречалось слово *doucette* (так Гумберт во французских переводах романа называет Лолиту), которое также требует определённых пояснений. Слова такого типа в рамках исследования не были включены в сенсорную лексику. Несмотря на то, что это слово является однокоренным для *doux* и др., которые по нашей классификации содержат ССК вкуса, здесь связь с сенсорным компонентом кажется уже совсем утерянной: ни в одном из упомянутых в предыдущем абзаце словарей никакой отсылки к сенсорным свойствам не обнаружено. Исходя из той же логики слова *улада, наслаждение, сладостный, сладострастный* не были включены в группу слов с ССК вкуса.

и для английского *cold*. Для слов *бархатный*, *бархатистый* — наряду с осязанием отмечен и слух.

Словосочетания *холодный цвет*, *тёплый цвет*, *бархатный голос*, *сладкий запах* и др. характеризуются высокой степенью лексикализации⁵⁷. Вместе с тем, такие словосочетания в данной работе рассматриваются как синестетические наряду с окказиональными авторскими фигурами. В соответствии с нашим подходом словосочетание *холодный цвет* будет иметь структуру *ССК (осязание) + ССК (зрение)*. Если же при описании словосочетания использовать схему на основе включения всех возможных значений, то получится не вполне логичная структура *ССК (осязание/зрение) + ССК (зрение)*. Учитывая, что основной единицей анализа в работе является словосочетание, предпочтительнее кажется первый вариант.

Таким образом, явление сенсорной полисемии, описанное в данном разделе, представляет интерес для семантики и диахронической лексикологии, требует дальнейшего исследования. Тем не менее, сенсорная полисемия — феномен, существующий на уровне словарной статьи, в то время как нас интересует в первую очередь работа с корпусом текстов.

3.1.7. Выводы

Определение понятия «сенсорная лексика» — необходимый шаг на пути к исследованию синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний на корпусном материале. Основным вспомогательным конструктом выступает понятие **сенсорного семантического компонента (ССК)** — семы, относящейся к области перцепции. Таким образом, **сенсорная лексика** — это слова, включающие один или более ССК.

⁵⁷ В работе рассматриваются как конвенциональные, так и креативные фигуры. Вслед за [Кобозева 2002] и рядом исследователей мы полагаем, что граница между «стёртыми» и «живыми» фигурами не стабильна, узус может меняться. По этой причине представляется более правильным фиксировать словосочетания с сенсорными семантическими компонентами вне зависимости от того, насколько они интегрированы в обыденную речь.

Существует несколько подходов к классификации сенсорной лексики. В нашей работе основанием классификации служит **модель пяти ощущений**, то есть разделение слов на группы в зависимости от того, какой из сенсорных модальностей оно принадлежит: зрение, слух, вкус, осязание или обоняние. Были описаны группы слов, которые в настоящем исследовании относятся к каждой модальности. Списки характеризуются некоторой неоднородностью ввиду функциональных особенностей каналов восприятия.

Были выделены дополнительные критерии для описания сенсорной лексики. С точки зрения структуры к сенсорной лексике можно отнести как сложные, так и простые слова. Сложные слова, в свою очередь, могут включать один или несколько ССК. По параметру количества сложные сенсорные слова можно разделить на **монокомпонентные** (слово включает один ССК) и **поликомпонентные** (слово включает несколько ССК). По критерию сенсорной модальности поликомпонентные слова, в свою очередь, можно разделить на **моносенсорные** (слово включает два или более компонентов одинаковой модальности) и **полисенсорные** (слово включает два и более компонентов различной модальности).

С точки зрения роли ССК в семантике слова лексику можно разделить на **слова с ядерным и периферийным ССК**. В первом случае ССК составляет ядро значения слова и занимает главенствующую позицию, во втором — ССК является лишь одним из множества компонентов значения. Тем не менее, вопрос о том, какое место ССК может занимать в значении слова, требует отдельного исследования. Необходимо выработать определённые критерии для того, чтобы можно было классифицировать сенсорную лексику подобным образом. В настоящий момент мы не располагаем подобной системой адекватной оценки места сенсорного компонента в семантике слова. Тем не менее, выделение этой проблематики кажется значимым этапом в дальнейшем изучении семантики сенсорной лексики. Кроме того, именно внедрение понятия сенсорного семантического компонента позволило выявить, что отношение сенсорной семы с другими компонентами значения может быть

различным. В нашей работе мы учитываем как слова с ядерным, так и слова с периферийным ССК.

Данные по ССК, полученные из корпусов, представлены в главе 4.

3.2. Словосочетание с сенсорными семантическими компонентами:

определение и объём понятия

Используемый в лингвистике термин *синестетическая метафора* противопоставляется термину *синестезия*, который соотносится с физиологической стороной феномена ([Strik Lievers 2017: 87–88]). То есть синестетической метафорой принято было называть любое проявление синестезии на уровне языка. Обобщение неоднородной группы феноменов под единым термином не кажется корректным (например, ставить в один ряд синестетическую стилистическую фигуру и описанную нами ранее сенсорную полисемию).

Термин *синестетическая метафора* использовался нами в более ранних работах [Ярошенко 2018]. Тем не менее, на данном этапе оба слова в этом термине можно поставить под вопрос, несмотря на широту его употребления как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях.

3.2.1. Синестетическая метафора и синестезия:

проблема несоответствия

В этом разделе рассмотрим, почему использование определения *синестетический* в рамках понятия синестетической метафоры представляется не вполне оправданным. В основе синестезии как феномена лежит соединение двух или более различных сенсорных модальностей. При этом многие исследователи ([Ramachandran, Hubbard 2011], [Bretones-Callejas 2005], [Geary 2011] и др.) наряду с классическими синестетическими словосочетаниями (где слова содержат сенсорные компоненты различных модальностей — *сладкая мелодия*) рассматривают и такие, где слова содержат сенсорные компоненты одинаковой модальности (*сладкая горечь*), а также где лишь одно из слов

содержит сенсорный компонент, а второе не относится к сенсорной лексике (*сладкая любовь*) — все перечисленные типы словосочетаний, как правило, обозначаются термином *синестетическая метафора* (*synaesthetic metaphor*).

Словосочетания *сладкая горечь* и *сладкая любовь* не подразумевают смешения сенсорных каналов. Обозначение подобных сочетаний как *синестетических* представляется не вполне логичным. Даже если определить этот термин особым образом и дополнительно обозначить, какие словосочетания понимаются под синестетическими, его внутренняя форма в таком случае будет противоречить содержанию понятия: слово *синестезия* имеет греческое происхождение и буквально может пониматься как со-ощущение (др.-греч. «вместе» + «ощущение»).

По этой причине термин *синестетическое словосочетание* в работе применяется лишь к одному из трёх исследуемых типов, где оба слова содержат ССК различных модальностей. Вернёмся к приведённым ранее примерам: словосочетание *сладкая мелодия* (ССК вкуса + ССК слуха) — **синестетическое**, а *сладкая горечь* (ССК вкуса + ССК вкуса) и *сладкая любовь* (ССК вкуса + чувство) — нет.

Далее необходимо было каким-то образом обозначить оставшиеся два типа словосочетаний. Для словосочетаний, где оба слова содержат ССК, но компоненты имеют одинаковую модальность, подходящим кажется термин *моностезия*⁵⁸ (от греч. ‘один’). То есть такие словосочетания, как *сладкая горечь* (ССК вкуса + ССК вкуса) в работе причисляются к **моностетическим**.

Для словосочетаний, где только одно слово содержит ССК, был выбран термин *идеастезия*. То есть такие словосочетания, как *сладкая любовь* (ССК вкуса + чувство) в работе причисляются к **идеастетическим**.

Термин «идеастезия» возникает за пределами лингвистической науки: он был заимствован из исследований Д. Николича [Jürgens, Nikolić 2012], [Mroczo-Wąsowicz, Nikolić 2014], который рассматривает идеастезию прежде

⁵⁸ Термин «monostesia» в несколько другом значении встречается в работах итальянской исследовательницы [Catricalà 2008].

всего как когнитивный механизм. Особенность идеастезии в том, что к области сенсорного относится лишь возникающая у человека ассоциация, но не сам стимул (напр., цветовые ассоциации с днями недели — цвет относится к модальности зрения, а дни недели непосредственного отношения к сенсорной перцепции не имеют).

Конечно, нельзя поставить знак равенства между описываемым Николичем феноменом и словосочетаниями, рассматриваемыми в работе. В ассоциативных экспериментах известно, что явилось стимулом, а что реакцией на него. В случае словосочетаний — это далеко не всегда столь однозначно, поскольку схема «стимул — реакция» не воспроизводится буквально, имеется лишь фиксированное сочетание слов. Если рассмотреть расхожую модель, когда приятный человек ласково обозначается прилагательным «сладкий», напр., *сладкая Лолита*, то можно предположить, что стимулом будет являться человек. Показательно, что транспозиция не будет существенно менять смысл словосочетания, опорным элементом всё равно останется Лолита: *Лолитина сладость*. Однако есть более противоречивые примеры: *тихая радость* и *радостная тишина* — в данном контексте смысл словосочетаний меняется достаточно серьёзно. Проблему следует изучить более подробно в дальнейших исследованиях.

Тем не менее, использование термина *идеастезия* для обозначения этого типа словосочетаний представляется оправданным. Приравнивать монокомпонентные словосочетания как к «полноценно» синестетическим полисенсорным, так и к моностетическим, кажется не вполне правильным с методологической точки зрения. Применение термина *идеастезия* в лингвистическом ключе позволяет отделить монокомпонентные словосочетания от двухкомпонентных. Разделение типов принципиально важно, поскольку словосочетания имеют явные различия с точки зрения компонентной структуры. На рис. 6 в виде сжатой схемы представлены три типа словосочетаний.

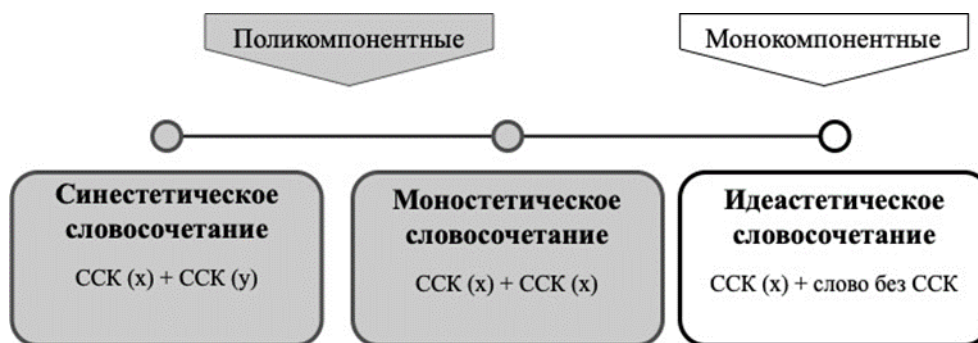

Рис. 6

3.2.2. Словосочетание *versus* метафора⁵⁹

Прокомментируем слово *метафора* в составе термина *синестетическая метафора*. Не всякая фигура, где задействована сенсорная лексика, является метафорой. Более того, нам встречались примеры как синтаксических, так и семантических фигур. Вторые, в свою очередь, могли быть построены как на аналогии, так и на смежности. Ранее в главе 2 был проведён обзор исследований, посвящённых проблеме лингвостилистического статуса синестетических проявлений в языке. Синестезия рассматривалась, прежде всего, как тип метафоры. Были выделены и другие типы фигур: сравнение, катахреза, метонимия, гипаллага, оксюморон. В рамках данного раздела представление о применении аппарата стилистических фигур к словосочетаниям с сенсорными семантическими компонентами будет расширено. Кроме того, будут введены некоторые ранее не рассмотренные фигуры.

Некоторые разновидности фигур с сенсорной лексикой могут встречаться достаточно редко, по этой причине примеры будут взяты не только из исследуемых корпусов, но и из других текстов на русском, английском и французском языках. Примеры, приведённые в данном разделе, призваны наиболее адекватно иллюстрировать теоретические положения предлагаемой концепции.

⁵⁹ При подготовке раздела использовались материалы статьи Е. Э. Разлоговой и П. В. Ярошенко «Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур» [Разлогова, Ярошенко 2022].

Как было сказано ранее в главе 2, наиболее типичным проявлением синестезии и смежных явлений (моностезии и идеастезии) в тексте является **метафора**. Как правило, под синестетической метафорой подразумевается сочетание из двух слов, по меньшей мере, одно из которых содержит сенсорный семантический компонент. Примеры из корпусов: *тёплая зелень* (осязание + зрение), *полированный звук* (осязание + слух), *солнечная звонкость* (зрение + слух), *холодок наслаждения* (осязание + физическое состояние), *перламутровое утро* (зрение + временной период).

Однако подобные метафоры могут иметь и более сложную структуру. Так, одним из текстов нашего корпуса — в романе В. Набокова «Лолита» — крайне важная роль отведена воспоминаниям повествователя. В тексте достаточно часто встречаются **развёрнутые метафоры**, насыщенные сенсорными компонентами. Рассмотрим фрагмент: [...] *мне же было тогда всего три года, и кроме какого-то тёплого тупика в темнейшем прошлом у меня ничего от неё не осталось в котловинах и впадинах памяти* [...]. В этом отрывке выделяется ряд компонентов визуального восприятия (*темнейшее, тупик, котловины, впадины*) и компонент осязания (*тёплый*), что в целом соответствует классической схеме синестетической метафоры, но в более сложной структурной вариации.

Память представлена в форме пространства, характеризующегося неровностью рельефа — *котловины и впадины*.

Детские воспоминания описаны как:

1) *тёмный* (вероятно, из-за давности событий, они как бы скрыты темнотой, их сложно различить);

2) *тёплый* (период, воспринимаемый автором как нечто положительное, что подтверждается ещё одним примером из текста, где автор называет воспоминания о детстве *глянцеви́то-голубыми открытками*, ассоциируя их с чем-то ярким, красивым);

3) *тупик* (здесь аналогия не очевидна, однако кажется, что это слово в данном случае не имеет негативной коннотации. В оригинальном английском

тексте используется выражение *pocket of warmth*. В обоих текстах «пространство» памяти о детстве представлено как маленькое и замкнутое — воспоминаний мало и перспектива вспомнить более ранние события не подразумевается).

Несмотря на то, что отрывок можно разделить на ряд простых словосочетаний, эта метафора является комплексом компонентов визуального и тактильного восприятия, которые в совокупности поддерживают друг друга и делают фигуру более объёмной и значимой.

Отметим, что метафоры с сенсорными компонентами, связанные с памятью, регулярно встречаются в тексте романа, представляя собой целую сеть. Воспоминания уподобляются помещениям, предметам и др. при активном использовании автором слов с компонентами перцептивных модальностей: *в кисейно-серой келье воспоминания; этот период, я вижу его аккуратно разделённым на просторный свет и узкую тень* и др.

Достаточно часто среди метафор с сенсорными компонентами можно найти **олицетворения (антропоморфные метафоры)**. Например, словосочетание *зеленоокая ночь* (А. Рембо «Пьяный корабль» в пер. В. Набокова) содержит цветообозначение и, одновременно с этим, «очеловечивает» ночь, делая её зеленоглазой. Отметим, что здесь имеет место неполная метафора, так называемая **метафора in absentia**, когда то, с чем производится сравнение, не называется. Эксплицитно выражено только характерное действие или свойство, по которому восстанавливается второй член сравнения.

Можно усмотреть ещё один вид метафор, близких к синестетическим, в словосочетаниях, где ни одно из слов не содержит ярко выраженного перцептивного компонента — он может появляться только в самой имплицитной аналогии. Так, например, во фразе *Он шёл по хрустальному снегу* (пример наш) слова *хрустальный* и *снег* в целом перцептивно нейтральны, однако их сближение может индуцировать как зрительную (отсвечивающую), так и звуковую («скрип снега, как битого стекла») аналогию.

Сами эти аналогии образуют синестетическую пару (зрение + слух). Такие словосочетания можно было бы назвать **метафорами с имплицитной синестезией**.

Отдельного комментария требует также вопрос о том, каким образом следует расценивать **метонимию**, содержащую лексику с сенсорными компонентами. С формальной точки зрения такие словосочетания схожи с классическими примерами синестетических словосочетаний.

Рассмотрим сконструированную нами фразу: *С берега открывался прекрасный вид: солёная синева расстилалась до самого горизонта*. В этом предложении внимание привлекает сочетание *солёная синева*, формально полностью соответствующее прототипическим примерам синестезии, поскольку включает два сенсорных компонента разных модальностей (вкус + зрение). Однако в этом контексте ясно, что *синева* метонимически замещает *море*, вода в море действительно синего цвета и солёная, то есть сенсорные компоненты характеризуют объективные качества предмета. Метонимия, сближает вещи, которые сами по себе являются близкими и относятся к одному понятийному полю. В отличие от метафоры, метонимия не нарушает выстроенную языком систему. С другой стороны, присутствие в тесной синтаксической связи двух компонентов восприятия, относящихся к различным сенсорным каналам, — синестетический механизм.

Достаточно легко сконструировать аналогичные примеры по той же модели: *Грейпфрут был его любимым фруктом. Ему нравилась эта красная горечь*. Цветообозначение *красная* описывает реальный цвет мякоти фрукта, а *горечь*, соответственно, его вкусовые характеристики. В контекстах такого рода присутствие синестезии сущностно отличается от того, что можно видеть в метафоре, оно более неоднозначно и зависит во многом от изначально заданных исследователями критериев для выявления синестетических сочетаний.

Можно привести альтернативный пример из нашего корпуса с похожими семантическими компонентами, но более выраженной «синестетичностью»:

багровая горечь любви (А. Рембо «Пьяный корабль» в пер. Е. Головина) так же, как и *красная горечь грейпфрута*, включает компоненты зрительного и вкусового восприятия, однако они имеют метафорический, переносный смысл, а не прямой, как в контексте с грейпфрутом.

Кроме того, метонимия может сочетаться с метафорой, и в этом случае присутствие синестезии также будет более очевидно: [...] *смерть Аннабеллы закрепила неудовлетворённость того бредового лета и сделалась препятствием для всякой другой любви в течение холодных лет моей юности* (В. Набоков «Лолита»). В этом примере выделяется метонимический перенос: временной период отсылает к человеку, который его проживал, поскольку холодность, отсутствие любовного интереса характеризуют именно повествователя. В основе этой метонимии лежит лексикализованная метафора: сочетание *холодный человек* можно рассматривать как идеастетическое словосочетание. В данном случае сенсорный компонент в составе метонимии так же **не** характеризует объективных свойств временного промежутка.

Некоторые словосочетания с сенсорными семантическими компонентами можно интерпретировать в терминах **нарративного эллипсиса**. В отличие от грамматического и риторического эллипсиса нарративный эллипсис определяется как отсутствие в повествовании некоторых элементов, необходимых для понимания (интерпретации) текста, что создаёт определённое «напряжение» у читателя. Такую фигуру можно усмотреть, например, в вербальном воплощении одного из наиболее распространённых типов синестезии — корреляции фонем/графем/слов с определёнными цветами (*linguistic-colour synaesthesia*⁶⁰) [Barnett et al. 2009]. В сонете А. Рембо «Гласные» гласные звуки отождествляются с различными цветами (*A noir, E blanc, I rouge,*

⁶⁰ В русскоязычном научном дискурсе единого терминологического обозначения для синестезии такого типа не существует: некоторые исследователи используют термин «звук-цветовая ассоциативность» (Л. П. Прокофьева, О. В. Определеннова, К. Ю. Герлах), наряду с этим встречаются «звукосимволизм» (С. В. Воронин, Л. П. Прокофьева) и «звук-цветовые соответствия» (Н. В. Ефименко, Г. Р. Кочетова). Термин «звукосимволизм» несколько шире остальных, он включает ассоциацию звуков не только с цветом, но, возможно, и с другими сенсорными категориями.

U vert, O bleu). Невозможность дать этим выражениям стабильную интерпретацию заставляет предположить, что мы имеем дело с нарративным эллипсисом. В таких случаях необходимо погружение в контекст. Что, собственно, и происходит в сонете Рембо: каждая гласная привязывается к конкретным ситуациям, где в той или иной форме фигурирует заявленный цвет. Так *I*, заявленная как красная, отождествляется со сгустком крови, смехом прекрасных губ. Гласная *E*, заявленная как белая, ассоциируется с паром, ледяными вершинами, летними зонтиками от солнца. Цвет таким образом выступает в роли аналогии. Эти аналогии призваны компенсировать нарративную эллиптичность исходных выражений (*E blanc, I rouge*). Сами эти выражения вряд ли можно интерпретировать даже как неполные метафоры (метафоры *in absentia*): по белому цвету не восстанавливается летний зонтик или пар, то есть то, с чем отождествляется гласная — в отличие от сочетаний с олицетворением. В сочетании *зеленоокая ночь* по определению *зеленоокая* восстанавливается одушевлённое существо, с которым сравнивается ночь. Связь гласных с цветами у Рембо интерпретируется некоторыми исследователями совершенно иначе, как, например, детская ассоциация с цветом кубиков с буквами, которыми он играл будучи ребёнком — связь не языковая, имеющая отношение к индивидуальному опыту, который может служить основой для построения метафор. Однако факт наличия нарративного эллипсиса как стилистического приёма в высказываниях типа *E blanc, I rouge* кажется очевидным⁶¹.

В тексте нашего корпуса встретился также пример, где на базе сенсорного компонента создаётся авторский **неологизм**⁶²: *В сосновый кокон мой*⁶³ глазурилась вода (А. Рембо «Пьяный корабль» в пер. Л. Мартынова).

⁶¹ Риторический эллипсис предтекста в меньшей степени препятствует пониманию, он является достаточно частым стилистическим приёмом. Такие примеры мы находим в частности в прозе А. С. Пушкина [Разлогова 2013].

⁶² Примечательно, что некоторые исследователи считают неологизм самостоятельной фигурой [Васгу 1992].

⁶³ Имеется в виду корпус корабля.

Слово *влазурилась* можно интерпретировать не только как неологизм, но также и рассматривать его как телескопное: слово раскладывается на компоненты *влиться* + *лазурь*, причём второе слово «вложено» в первое, которое разделено на две части: *в(л)ЛАЗУР(Б)иться*. Буква *Л* является общей для обоих слов. Телескопное слово (во французской традиции *mot-valise*) — стилистическая фигура, существующая в нескольких разновидностях. В данном случае это так называемое *mot-sandwich* (слово-сэндвич)⁶⁴. Его можно интерпретировать как *лазурно влиться*, цветовая характеристика синтаксически связана с действием, однако по контексту понятно, что компонент визуального восприятия описывает цвет воды, следовательно, *вода влазурилась* можно трактовать как *лазурная вода влилась*.

Возможна и другая интерпретация: слово не является телескопным и построено с помощью циркумфикса *в-...-ся*, куда помещается основа *лазурь*. Аргументом в пользу этой интерпретации может служить тот факт, что по этой модели можно образовать аналогичный неологизм с использованием другой основы (*пурпур*) — *впурпуриться*.

Отдельного пояснения требует и **гипаллага**, несмотря на формальное соответствие критерию полисенсорности, её статус неоднозначен, как и в случае с метонимией. Можно сопоставить примеры, обнаруживающие большую степень сходства:

- 1) *серебряный звон колокольчика*;
- 2) *серебряный звук её голоса* (Н. Гоголь «Тарас Бульба»).

Словосочетания *серебряный звон* и *серебряный звук* с точки зрения сенсорных компонентов имеют аналогичный состав (зрение + слух). Фигура (1) — это пример гипаллагы, где определение перенесено с колокольчика на издаваемый им звон, а в фигуре (2) перенос уже метафорический. Присутствие синестезии гораздо более однозначно в фигуре (2), тогда как фигура (1) представляет собой сложный контекст.

⁶⁴ Разновидность телескопного слова, когда одно слово полностью вложено в другое. В нашем случае существительное «лазурь» вложено в глагол «влиться».

В основе словосочетаний могут лежать различные стилистические фигуры. Кроме того, эти словосочетания сами могут входить в более крупные синтаксические образования, соответствующие схемам синтаксических фигур — то есть словосочетания с сенсорными компонентами могут выступать в качестве **встроенных фигур**. Например, они могут являться составной частью **антитезы**:

Hot little Haze informed big cold Haze that, if so, she would not go with her to church ('Горячая маленькая Гейз сообщила большой холодной Гейз, что, если так, то в церковь с ней она не пойдёт') (V. Nabokov).

В метафорах с сенсорными компонентами, которые входят в антитезу, тактильные (температурные) характеристики используются для описания человека. Маленькая Гейз и большая Гейз — это соответственно Лолита, являющаяся объектом страсти повествователя Гумберта, и Шарлотта, её мать. На базе этой антитезы выстраивается следующая семантическая ось: *дочь — молодая — маленькая — горячая vs. мать — старая — большая — холодная*. Антитеза интенсифицирует смыслы обеих метафор: горячая привлекательность Лолиты подчёркивается через противопоставление нарочито отталкивающему описанию её холодной матери. Сопоставление Лолиты и Шарлотты приобретает несколько гиперболический характер, усиливаются все компоненты семантической оси: на этом контрасте дочь словно становится ещё *моложе, меньше, горячее*, а мать *старше, больше, холоднее*.

В следующем примере из стихотворения Ш. Бодлера «Toute entière» метафоры с сенсорными компонентами приобретают форму **хиазма**, то есть фигуры, для которой характерно крестообразное расположение элементов, соответствующее схеме АВВА:

*Son haleine (A) fait la musique (B),/Comme sa voix (A) fait le parfum (B)*⁶⁵!

⁶⁵ 'Аромат её дыхания источает музыку, а её голос источает аромат'.

Слова *haleine* и *parfum* относятся к модальности обоняния, в то время как *musique* и *voix* — к слуху. То есть, это **семантический хиазм**, построенный на основе четырёх семантических компонентов сенсорного восприятия.

Вероятно, в дальнейшем будут найдены и другие примеры, где фигура с сенсорными компонентами является частью другой, внешней структуры. Потенциально это могут быть сочетания с фигурами на базе повтора (анафора, эпифора, анадиплосис), с градацией и с фигурами, которые связаны с намеренными нарушениями синтаксических норм языка (анаколуф, зевгма, гипербатон).

Подведём итог. Словосочетания с сенсорными компонентами могут иметь различную форму, в основе не обязательно будет лежать метафора. В текстах исследуемого корпуса и в других художественных и рекламных текстах были обнаружены примеры, где такие словосочетания принимали форму разных семантических или синтаксических фигур — метафоры (в том числе развёрнутые метафоры, олицетворения и метафоры *in absentia*), сравнения, метонимии, гипаллаги, нарративного эллипсиса. Кроме того, были обнаружены контексты, где подобные словосочетания являются составной частью более крупной покрывающей фигуры. В выявленных примерах словосочетания входили в состав антитезы и семантического хиазма. Вероятно, в дальнейшем будут обнаружены и другие примеры, где словосочетания с сенсорными семантическими компонентами входят в более сложную структуру.

Принимая во внимание сказанное выше, было решено не использовать в нашей системе терминов понятие метафоры.

Термин *словосочетание* кажется более точным и более нейтральным, при этом используется крайне редко. В доступных источниках удалось найти одну работу на русском языке [Баева, Фомин 2018], в англоязычном дискурсе термин *word combination* вовсе не фигурирует в исследованиях синестетических фигур (используется *metaphor*, *verbalized association*, редко — *phrase*).

Термин *словосочетание* удачен и в том отношении, что в работах, посвящённых исследованию синестетических фигур, за основу берутся, как

правило, двухчастные структуры: *harsh sound* [Day 1996], *golden voice* [Strik Lievers, Huang 2016]. Большинство отобранных нами единиц анализа также представляет собой двухчастную структуру. Тем не менее, как было показано в этом разделе ранее, могут встречаться более сложные конструкции (развёрнутые метафоры, два простых словосочетания с сенсорными компонентами в составе антитезы и др.), однако нет однозначного ответа на вопрос о том, каким образом следует рассматривать сложные фигуры. На данном этапе исследования было принято решение разбивать сложные фигуры на словосочетания. Такое решение сложно назвать оптимальным, поскольку наложение трёх и более ССК в рамках фигуры формирует определённое семантическое целое, которое при делении на двучленные структуры свою целостность утрачивает. Эту проблему отмечают и в работе [Zawisławska et al. 2018], при этом там принимается аналогичное решение — делить сложные фигуры на несколько более простых структур. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и доработки, но в настоящее время наиболее операциональной единицей анализа как для простых, так и для сложных фигур остаётся словосочетание.

Так, на определённом этапе нашего исследования термин «синестетическая метафора» был заменён на «синестетическое словосочетание» (в частности именно он используется в статьях [Ярошенко 2020a], [Ярошенко 2020b]). В дальнейшем была введена система разделения словосочетаний, где в качестве гиперонима выступает уже термин «словосочетание с сенсорными семантическими компонентами», а синестетические словосочетания представляют собой лишь одну из трёх категорий. Каждый тип словосочетаний с сенсорными компонентами будет рассмотрен более подробно в следующем разделе.

3.2.3. Типы словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами

Синестетические словосочетания

I тип словосочетаний — **синестезия**⁶⁶, где оба слова содержат сенсорный семантический компонент, при этом компоненты должны относиться к различным модальностям восприятия. Такой тип словосочетаний является наиболее изученным и признанным вариантом проявления синестезии в тексте. Зачастую именно эти словосочетания соотносят с понятием синестетической метафоры ([Ullmann 1957], [Day 1996] и др.), как было сказано выше.

Можно представить тип I в виде формулы: $ССК(x) + ССК(y)$, где переменные x и y обозначают отношение ССК к разным каналам восприятия. Рассмотрим примеры в таблице 1.

Корпус	Словосочетание	Компонентная формула
NAVOKOV	velvety voice	ССК (осязание) + ССК (слух)
NAVOKOV	бархатистый голос	ССК (осязание) + ССК (слух)
NAVOKOV	la voix veloutée	ССК (осязание) + ССК (слух)
NAVOKOV	to echo greenly	ССК (слух) + ССК (зрение)
NAVOKOV	зелёным эхом	ССК (осязание) + ССК (слух)
NAVOKOV	son écho verdoyant	ССК (осязание) + ССК (слух)
RIMBAUD	среброкрылое пенье	ССК (зрение) + ССК (слух)
RIMBAUD	горчайшей рыжиной	ССК (зрение) + ССК (вкус)
RIMBAUD	rousseurs amères	ССК (зрение) + ССК (вкус)
RIMBAUD	noirs parfums	ССК (зрение) + ССК (обоняние)

Таблица 1

Отметим, что предлагаемая формула с ССК актуальна для исследований, где основной акцент делается на сочетаемости сенсорных модальностей вне зависимости от частеречной принадлежности слов⁶⁷. Так, словосочетания *to*

⁶⁶ Термин употребляется в работе сугубо в отношении лингвистических проявлений синестезии (сочетание слов с ССК различных модальностей) и не имеет отношения к нейрофизиологии.

⁶⁷ В англоязычном научном дискурсе для обозначения этого достаточно актуального направления исследований используется термин «directionality of linguistic synesthesia» (см., напр.: [Zhao, Huang, Ahrens 2019]).

echo greenly, *зелёное эхо*, *écho verdoyant* можно охарактеризовать как идентичные в аспекте компонентного состава, несмотря на значительные различия между оригинальным английским словосочетанием, имеющим структуру «глагол + наречие», и русским и французскими вариантами перевода со структурой «прилагательное + существительное».

Моностетические словосочетания

II тип — **моностезия**. В словосочетаниях типа II также оба слова содержат ССК, однако модальность ССК одинакова: $ССК(x) + ССК(x)$, где переменная x может обозначать зрение, осязание, обоняние, вкус или слух. Рассмотрим примеры в таблице 2.

Корпус	Словосочетание	Компонентная формула
NAVOKOV	red shadow	ССК (зрение) + ССК (зрение)
NAVOKOV	красной тенью	ССК (зрение) + ССК (зрение)
NAVOKOV	le vermeil de son ombre	ССК (зрение) + ССК (зрение)
NAVOKOV	ombre rouge	ССК (зрение) + ССК (зрение)
RIMBAUD	солёною горечью	ССК (вкус) + ССК (вкус)
RIMBAUD	зелёной мгле	ССК (зрение) + ССК (зрение)
RIMBAUD	azurs verts	ССК (зрение) + ССК (зрение)

Таблица 2

Об этом типе словосочетаний, которые потенциально можно включать в определение языковой синестезии в широком её понимании, упоминается также в [Bretones-Callejas 2005]. Такие словосочетания, разумеется, невозможно причислить к синестетическим в классическом смысле, поскольку наличие двух ССК одинаковой модальности нарушает критерий полисенсорности, который является ключевым для традиционного определения феномена (наложение ощущений, передаваемых различными каналами восприятия).

Как правило, моностетические словосочетания характеризуются некоторой смысловой парадоксальностью, что сближает их с оксюморонами.

Например, словосочетание *солёная горечь* — в слове *горечь* заложена вкусовая характеристика *горький*, а слово *солёный* указывает на совершенно другое качество вкуса.

Примечательно, что в работе [Rogowska 2011], посвящённой описанию различных типов синестезии, предлагается термин *intramodal synaesthesia*, когда и стимул, и ассоциация относятся к одной и той же сенсорной модальности. В качестве примера приводится *word-colour synaesthesia* (ассоциация написанного слова с тем или иным цветом). Утверждение, что в данной ситуации слово является именно зрительным типом стимула, представляется не вполне убедительным. Тем не менее, в некоторых других работах, в частности [Marks, Mulvenna 2013], также графемно-цветовая синестезия (*grapheme-colour synaesthesia*) тоже определяется как зрительная ассоциация в ответ на зрительный стимул.

Идеастетические словосочетания

Тип III — **идеастезия** имеет формулу $ССК(x) + N$, где N , слово, не содержащее ССК⁶⁸, получает сенсорную характеристику при помощи слова, включающего ССК той или иной модальности (x). Идеастезия является наиболее частотным типом словосочетаний в корпусах, но также и наиболее противоречивым. Несмотря на то, что тема синестезии в лингвистике в настоящее время получила значительное развитие, специальных исследований, посвящённых словосочетаниям, где только одно слово содержит ССК, нами не было обнаружено. Рассмотрим ряд примеров в таблице 3.

Корпус	Словосочетание	Компонентная формула
НАВОКОВ	bitter days	ССК (вкус) + N
НАВОКОВ	прозрачный предлог	ССК (зрение) + N
НАВОКОВ	une extase rosée	ССК (зрение) + N

⁶⁸ Следует отметить, что словосочетания, где сенсорное слово обозначает объективную характеристику, нас не интересуют (белое платье, розовый цветок и пр.).

Корпус	Словосочетание	Компонентная формула
NAVOKOV	la mélodie de la souffrance	ССК (слух) + N
RIMBAUD	любовная горечь	ССК (вкус) + N
RIMBAUD	nuit verte	ССК (зрение) + N
RIMBAUD	сладость архипелагов	ССК (вкус) + N

Таблица 3

В предложенных примерах во взаимодействие с ССК-лексикой вступают слова различных семантических классов: временной отрезок (*nuit, days*), место (*архипелаги*), слово, соотносящееся с лексическим полем текста, языка (*предлог*), аффективная лексика (*extase, souffrance, любовная*).

Ранее похожие на идеастезию явления рассматривались как слабые типы синестезии в работах по нейрофизиологии и неврологии. Хотя в данной работе речь идёт о языковых аспектах феномена, нельзя обойти вниманием эту область исследований: некоторые тенденции из нейрофизиологии и смежных дисциплин впоследствии были переработаны и восприняты в контексте лингвистической науки.

Так, категоризацией, выделением «сильных» и «слабых» типов, занимались многие исследователи, изучающие синестезию, прежде всего, как нейрофизиологический феномен. В настоящее время актуальной является концепция рассмотрения синестезии как спектра, однозначного представления о её границах пока не существует⁶⁹.

Особенность идеастезии (как было сказано выше, термин заимствован из работ Д. Николича) в том, что к области сенсорики относится лишь возникающая у человека ассоциация, но не сам стимул (напр., цветовые ассоциации с днями недели). Руководствуясь этими принципами, вероятно,

⁶⁹ Напр., не вполне понятно, относить ли к «слабой синестезии» такие, казалось бы, далёкие от классического понимания этого механизма феномены, как синдром кувады (англ. «*couvade syndrome*»), иногда это также называют «симпатической беременностью», когда муж начинает испытывать те же симптомы, что и беременная жена) или эмпатия прикосновений [Marks, Mulvenna 2013].

логично было бы и ранее упомянутую графемно-цветовую синестезию, которую [Rogovska 2011], [Marks, Mulvenna 2013] и др., относят к интрамодальному типу (т. е. синестетическая ассоциация, построенная по схеме «зрение + зрение»), определить именно как идеастезию. Был проведён ряд экспериментов, показывающих, что ассоциация возникает не непосредственно с начертанием того или иного графического символа, а с его содержанием, значением, в соотнесении с контекстом. Подробности по методологии и результатам экспериментов см. [Jürgens, Nikolić 2012].

Схожая тенденция прослеживается и в лингвистике. Так, [Wernig et al. 2006] выделяют сильную и слабую синестетические метафоры: «strongly synaesthetic metaphor» (*cold smell*) — тип I в нашей классификации, «weakly synaesthetic metaphor» (*cold heart*) — тип III в нашей классификации.

Примечательно, что упоминания о том, что синестетические метафоры достаточно многочисленны в обыденной речи, встречаются не только в лингвистических исследованиях. [Ramachandran, Hubbard 2011] в качестве примера дают словосочетания *loud shirt* и *hot babe*. Отметим, что слова *shirt* и *babe* напрямую не соотносятся с перцепцией, однако никакого комментария по поводу нарушения критерия полисенсорности за этим не следует. В рамках нашей классификации эти словосочетания следовало бы отнести к типу III.

Схожая точка зрения представлена в работе [Geary 2011: 76–94]: по утверждению автора, синестетические метафоры частотны в речи и, среди прочих, он приводит следующие примеры: *silence is sweet; attractive people are hot; a day at the office is rough*. Если первый пример вполне каноничен и включает два слова, каждое из которых содержит ССК: ССК слуха + ССК вкуса, то второй и третий вызывают вопросы. Можно ли считать, что слова *people, day* имеют непосредственное отношение к сенсорной перцепции? Сложно ответить однозначно, ведь восприятие, как отмечает [Падучева 2004: 217–218], лежит в основе физической и ментальной деятельности человека, следовательно, рамки этого лексического класса размыты. Тем не менее, если говорить о некой градации синестетических проявлений в языке, то первый

пример будет, несомненно, располагаться ближе к центру, а второй и третий — к периферии.

Семантические классы слов, входящих во взаимодействие с сенсорной лексикой в идеастетических словосочетаниях. Особого внимания при изучении идеастетических словосочетаний заслуживает слово, которое не содержит ССК, в формуле обозначенное буквой *N*.

В лингвистических исследованиях синестезии можно найти лишь первые попытки конкретизации сочетаемости слов с сенсорным семантическим компонентом при образовании синестетических фигур⁷⁰: ССК-лексика может вступать во взаимодействие с аффективной лексикой (*emotional synesthesia*) [Zawisławska et al. 2018] или же с абстрактными понятиями (*the associations between abstract notion and a sensorial impression*) [Dombi Erzsébet 1974], [Bretones-Callejas 2005].

Однако на практике сочетаемость слов с сенсорным семантическим компонентом оказывается гораздо шире и подтверждением тому могут служить примеры из наших корпусов: *come darkly near, the wine-sweet event, a toss of the voice, un sourire radieux* — слова *to come near, event, toss, sourire* нельзя отнести ни к аффективной, ни к абстрактной лексике. В целом, следует отметить, что класс «абстрактные понятия» слишком широк, чтобы служить подспорьем в решении задач современных лингвистических исследований, всё чаще базирующихся на данных корпусов текстов значительного объёма. Уточнение статуса словосочетаний подобного рода необходимо для дальнейшего развития лингвистического понимания синестезии и смежных явлений.

На материале наших корпусов было выявлено 16 семантических категорий слов, которые вступают во взаимодействие с сенсорной лексикой, образуя идеастетические словосочетания. Наряду с этим была сформирована

⁷⁰ В рамках нашего подхода такие словосочетания не будут относиться к синестетическим, однако в исследованиях, о которых идёт речь, подобные словосочетания были включены в разряд синестетических метафор.

группа единиц, на данном этапе исследования не поддающихся классификации, — категория *прочее*. Выделенные классы представлены в таблице 4. Подробные количественные данные по каждому корпусу можно увидеть в главе 4.

Семантический класс	Определение	Примеры
лица	имена или иные указания на человека	<i>Lolita, Haze, darling; душка, идиоты, дурочка; papa, dames, gamine, enfant.</i>
части тела, лица и органы человека	названия частей организма	<i>knee, brain, eyes; икра, язык, колено; sein, cerveau, yeux, genoux.</i>
физиологическая сфера	обозначение физиологических процессов	<i>breath, spasm, tears; возбуждение, позыв, оцепенение; larmes; appétit.</i>
ментальная сфера	ментальные действия, состояния, представления	<i>memory, dreams, unconsciousness, recognition; память, сон, мысль, представление, узнавание; souvenir, rêve, arrière-pensée, inconscience, soupçon, pensée, reconnaissance.</i>
эмоции и чувства	обозначения испытываемых переживаний, выражения эмоциональной оценки	<i>adoration, passion, relief, anticipation; счастье, гнев, беспокойство, чувство; attitude, répugnance, rage, joie, amoureuse, soulagement, relations.</i>
физиологическая сфера/эмоции и чувства	сложные понятия, подразумевающие как физиологическую, так и эмоциональную составляющую	<i>pain, delight; муки, наслаждение; endolori, malaise, douleur, souffrance.</i>
свойства человека	характеристики личности, моральные качества	<i>feminine, vanity, atheism, curiosity; обаяние, прыть, чудаковатость, натура; dignité, vanité, langueur, curiosité.</i>
ситуации	определённое положение вещей, совокупность действий участников, определённые обстоятельства	<i>adultery, crime, coincidences; ситуация, грех, игра, измена; adultère, péché, situation, divertissement.</i>

места	указания на конкретные места или на тип местности, как реальные, так и вымышленные	<i>park, Europe, Briceland, hell; город, Париж, Гумбрия; parc, Paris, ville.</i>
время	период, момент, день недели, месяц, время года, возраст	<i>summer, time, years, morning; младенчество, ночь, месяц, день; matin, été, temps, année; passé, automne.</i>
события	происшествия общественной или частной жизни	<i>event, World War; Мировая Война; première, guerre mondiale.</i>
бытийная сфера	существование, начало и прекращение существования, отсутствие и присутствие	<i>death, life, resurrection; смерть, жизнь, появление; mort, apparition, existence, absence.</i>
дискурс	слова, связанные с устной или письменной речью (беседа, текст и др.)	<i>irony, conversation, say, discussing; иносказание, разговор, слова, перебить, обсуждая; rime, revue, interrogatif, récit, conversation, rapport.</i>
физические действия	обозначения движения, физического воздействия, изменения состояния	<i>smile, come near, toss; пульсировать, льнуть, взмахнуть; sursaut, regard, vibrer.</i>
физические свойства	физические характеристики лиц или предметов	<i>beauty, precision; духота, точность; précision, beauté.</i>
природные явления	слова, связанные с погодой, стихиями	<i>drizzle, windy; воздух, морось; air, bruine.</i>
прочее	единицы, в настоящий момент не поддающиеся классификации	<i>shirts, nothings, Common Law; дешёвый, анонимность; stratégie, droit, riens, anonytat.</i>

Таблица 4

Семантика слов, вступающих во взаимодействие с сенсорной лексикой в идеастетических словосочетаниях, достаточно разнообразна. Выделяются категории, касающиеся человека (*лица*), его физиологии (*части тела, лица и органы человека; физиологическая сфера*), психики, речевой и когнитивной деятельности (*эмоции и чувства; ментальная сфера; свойства человека; дискурс*). Есть категории слов, характеризующие окружающую

действительность (*места; время; события; природные явления; бытийная сфера*). Выделяется также ряд более абстрактных категорий (*ситуации; физические действия; физические свойства*).

Имеется также группа слов, которые представляют собой достаточно сложные понятия и объединяют смысловые компоненты сразу нескольких категорий. Была введена смешанная категория *физиологическая сфера/эмоции и чувства*. Вероятно, в дальнейшем при расширении материала появятся и другие смешанные категории. Создание смешанных категорий целесообразно при работе со сложной лексикой, которой присуща полисемия.

Отметим, что группы качественно различаются степенью своей операциональности. Так, для словосочетаний с сенсорной лексикой и эмоциями и чувствами, частями тела, обозначениями временных периодов, мест, явлений природы уже сейчас можно задавать относительно точные параметры поиска в корпусе (напр., найти все словосочетания по модели «слово со значением «часть тела» + слово, содержащее ССК» представляется выполнимой задачей в рамках автоматической обработки текста). Прочие группы слов нуждаются в конкретизации: напр., категории *физические действия* или *ситуации* слишком обширны. По мере увеличения количества обработанного материала подобные группы должны быть разделены на более конкретные классы.

Категория *прочее*, куда были включены слова, которые невозможно отнести ни к одному из выделенных семантических групп, в дальнейшем при расширении количества исследуемого материала и создании дополнительных лексических групп может быть расформирована или, по крайней мере, количество неклассифицируемых единиц будет сокращено.

3.2.4. Модели перевода слов с сенсорным семантическим компонентом, входящих в состав синестетических, моностетических и идестетических словосочетаний

Работа с параллельными мультязычными корпусами позволяет также рассмотреть, каким образом слова с ССК, входящие в интересующие нас типы

словосочетаний, реализуются в переводе. Были выявлены 4 модели перевода. Далее модели будут описаны с примерами из корпуса N.

Модель 1 характеризуется наивысшей степенью семантической близости слов с ССК в оригинале и в переводе.

Примеры: *sour* [spring] — *кислой* [весны] (N-EN-00 — N-RU-01); *colorless* [mind] — [esprit] *incolore* (N-EN-00 — N-FR-02). Иногда оба слова переводятся по одинаковой модели: *green shadow* — *ombre verte* (N-EN-00 — N-FR-03).

Модель 2 подразумевает, что переводное соответствие слова с ССК относится к той же сенсорной модальности, что и в оригинале, но семантика слова претерпевает более значительные изменения. Это может быть изменение таких характеристик как мера-степень, оттенок цвета или цвет в целом и проч., а могут быть и более значительные семантические сдвиги, тем не менее остающиеся в пределах одной сенсорной области.

Примеры: *roaring* [time] — [temps] *mugissant* (N-EN-00 — N-FR-03); *warm* [Lolita] — [Lolita] *brûlante* (N-EN-00 — N-FR-03), *cold* [anger] — *ледяной* [гнев] (N-EN-00 — N-RU-01). Так, английский глагол *to roar* и французский *mugir* из первой пары примеров включают семантический компонент аудиального восприятия, обозначают эмиссию звука, однако речь идёт о принципиально различных звуках — рычании и мычании.

Модель 3 подразумевает, что при переводе ССК меняет сенсорную модальность.

Пример: *sweetly* [smiling] — [sourire] *caressant* (N-EN-00 — N-FR-02), где выделенное слово с ССК вкуса заменено на слово с ССК осязания.

Модель 4 подразумевает утрату слова с ССК при переводе, отсутствие адекватного переводного соответствия.

Примеры: *bitter* [end] — *misérable* [terme] (N-EN-00 — N-FR-03), *sweetest* [relief] — [soulagement] *enchanté* (N-EN-00 — N-FR-02).

Необходимо пояснить, по какой причине формирование моделей перевода происходит на базе слова с ССК, а не целого словосочетания. Во-первых, в фокусе внимания в исследовании находятся именно слова с

сенсорным семантическим компонентом. В случае с идеастетическими словосочетаниями (которых в корпусе подавляющее большинство) семантические изменения слова без ССК никоим образом не учитываются при формировании моделей перевода. Во-вторых, в двухкомпонентных словосочетаниях реализация ССК в переводе может быть различна. Например, словосочетания *sunny voices* — *солнечная звонкость* (N-EN-00 — N-RU-01), где пара слов *sunny-солнечная* содержат ССК зрения и являются иллюстрацией модели 1, а *voices-звонкость* содержат ССК слуха, однако семантика слов различна, следовательно, эту пару следует отнести к модели 2. Таким образом, если термин модели перевода применить к целому словосочетанию, то возникнет необходимость усложнить систему, вводя смешанные модели. Если же за единицу берётся слово с ССК, то такой способ анализа потенциально может быть использован не только при изучении синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний, но и сенсорной лексики в целом.

3.2.5. Выводы

Термин «словосочетание с сенсорными семантическими компонентами» позволяет точнее определить исследуемое явление, нежели общепринятый — «синестетическая метафора». Во-первых, таким образом мы избегаем несоответствия реально рассматриваемых единиц анализа определению синестезии, которое онтологически подразумевает наличие смешения ощущений из различных сенсорных каналов. Во-вторых, как было показано в этом разделе, в основе исследуемых словосочетаний могут лежать различные стилистические фигуры (как синтаксические, так и семантические), а не исключительно метафора.

Словосочетание с ССК — словосочетание, где как минимум одно из слов содержит сенсорный семантический компонент, при этом сенсорное слово не служит для обозначения объективно присущих предмету характеристик (исключаются такие сочетания как *вкусное яблоко* или *чёрное платье*).

Выделены три типа словосочетаний в зависимости от количества ССК и их сенсорной модальности. Словосочетания, где оба слова содержат ССК, при этом ССК относятся к разным сенсорным каналам, обозначены как **синестетические**.

Для словосочетаний, где оба слова содержат ССК, при этом ССК относятся к одному сенсорному каналу, предложен термин **моностетические словосочетания**. Ранее словосочетания, обозначенные в нашей классификации как моностетические, либо рассматривались наряду с синестетическими метафорами, либо не включались в выборки исследуемого материала.

Словосочетания, где только одно из слов содержит ССК, обозначены как **идеастетические**. Термин был заимствован из работ Д. Николича и впервые применён к лингвистическому материалу. Подобные словосочетания встречаются в работах лингвистов и нейрофизиологов и по умолчанию, как и моностетические сочетания, приравниваются к синестетическим метафорам, несмотря на то, что имеют иную структуру.

При анализе идеастетических словосочетаний были выделены семантические классы лексики, которые вступают во взаимодействие с сенсорной лексикой в подобного типа словосочетаниях: *лица; части тела, лица и органы человека; физиологическая сфера; эмоции и чувства; ментальная сфера; свойства человека; дискурс; места; время; события; природные явления; бытийная сфера; ситуации; физические действия; физические свойства; прочее*. В более ранних исследованиях выделялись лишь такие синестетические метафоры, где сенсорная характеристика применялась к аффективной лексике, а также к абстрактным понятиям. Как было сказано выше, такой подход не вполне целесообразен в контексте современных корпусных исследований, поскольку не позволяет составить достаточно конкретное представление о структуре искомым словосочетаний.

Обнаруженные семантические классы наглядно демонстрируют тот факт, что сочетаемость сенсорной лексики гораздо шире, чем было принято предполагать ранее в рамках изучения синестетических метафор.

Вопрос о том, стоит ли включать в понятие языковой синестезии наряду с типом I также типы II и III остаётся не решённым. Вероятно, следует исходить из целей и задач отдельного исследования. Тем не менее, словосочетания, где оба слова содержат сенсорный семантический компонент различной модальности, будут ближе к эталону синестетического проявления в языке, в то время как моностетические и идестетические — к периферии. В нашей работе рассматриваются все три выделенные типа.

Наряду со всем выше перечисленным, специфика исследуемого материала (параллельный корпус) позволяет использовать в качестве источника дополнительной информации переводные соответствия. Было выявлено **четыре модели перевода слов с ССК** в составе исследуемых словосочетаний: **модель 1** (совпадение) — ССК в оригинале и переводе относится к одной и той же модальности и характеризуется максимальной семантической близостью; **модель 2** — ССК в оригинале и переводе относится к одной и той же модальности, однако семантика слова претерпевает некоторые изменения; **модель 3** — ССК в оригинале и переводе относится к различным сенсорным модальностям, что закономерно влечёт за собой серьёзные изменения семантики; **модель 4** (опущение) — ССК присутствует в оригинале и отсутствует в переводе.

Комплексный подход, используемый в работе, позволит полнее раскрыть суть явления и более детально охарактеризовать синестетические, моностетические и идестетические словосочетания с лингвистической точки зрения. Кроме того, в доступных нам работах, связанных с исследованием языковой синестезии или синестетической метафоры, такой метод классификации и описания словосочетаний с привлечением сопоставительного метода не применялся ранее.

ГЛАВА 4. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СЕНСОРНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В КОРПУСАХ

4.1. Вводные замечания

Понятие словосочетания с сенсорными семантическими компонентами было введено в рамках настоящего исследования, а разделение подобных словосочетаний на синестетические, моностетические и идеастетические является новым подходом, который ранее не применялся к лингвистическому материалу. Обратившись к опыту зарубежных исследователей, можно обнаружить исключительно работы, где внимание уделяется собственно синестетическим словосочетаниям (тип I в нашей классификации). В англоязычном дискурсе, как правило, используются следующие термины: «synaesthetic metaphor»⁷¹, «linguistic synaesthesia», «intrafield metaphor», «cross-modal metaphor».

Чаще всего работы по исследованию лингвистической синестезии их авторы относят к разряду «основанных на корпусе», т.е. речь идёт о подходе, который называется «corpus-based»⁷². Наше исследование можно отнести скорее к **гибридному типу** (направление работы менялось в зависимости от этапа исследования). В процессе анализа материала первого корпуса были заложены основные понятия используемого в работе подхода. Мы уже располагали неким теоретическим аппаратом, который был применён к текстам второго корпуса. Вместе с тем, дальнейший анализ привёл к исправлению и дополнению положений предлагаемого нами подхода.

Как правило, исследователи предпочитают использовать корпуса общего назначения (general-purpose corpora): английский и итальянский языки в [Strik Lievers, Huang 2016] на материале UKWaC, ItWaC, корейский язык в [Jo 2019] на материале Korean National Corpus, китайский язык в [Zhao, Huang, Ahrens 2019] на материале Sinica Corpus, турецкий язык в [Kumcu 2021] на материале

⁷¹ Подробно об этом термине мы писали ранее в главе 3.

⁷² Подробнее о понятиях corpus-based и corpus-driven см. [Tognini-Bonelli 2001].

Turkish National Corpus. В некоторых случаях создаются специальные корпуса. В частности корпус [Paradis, Eeg-Olofsson 2013] состоит из текстов винных обзоров на английском языке из журнала «Wine Advocate» (84 864 обзора, опубликованные в период с 1989 по 2006). В [Zawisławska et al. 2018] представлен корпус синестетических метафор «Synamet», созданный на базе текстов онлайн-блогов, посвящённых парфюмерии, кулинарии, массажу и арт-критике на польском языке.

В рамках нашего исследования будут использованы два авторских корпуса⁷³ параллельных текстов. Выбор параллельных текстов в качестве материала исследования можно обосновать рядом факторов.

О высокой эффективности использования параллельных текстов для изучения семантики различных языковых единиц высказывались многие исследователи: [Derwing 1980], [Dyvik 1998], [Salkie 2002], [Dan Melamed 2001], [Noël 2003], [Johansson 2007], [Bonola 2017], [Добровольский, Шмелев 2018], [Шмелев 2020], [Добровольский, Зализняк 2020] и др.

Само по себе использование корпусного метода не обеспечивает доказательный характер исследования (*empiricalness*). Так, моноязычный корпус полезен прежде всего для подсчёта частотности тех или иных форм, однако семантика слова в них не поддаётся непосредственному наблюдению, представляет собой неявное знание [Noël 2003]. При этом зачастую семантические исследования остаются традиционно моноязычны.

Большой интерес для изучения семантики могут представлять параллельные тексты. Перевод текста на другой язык может рассматриваться как его детальное аннотирование, описание значений слов оригинала [Dyvik 1998: 51], [Dan Melamed 2001: 1]. Процесс перевода может рассматриваться в контексте нормальной лингвистической активности, это действие не подразумевает метаязыкового, философского, теоретического построения, и,

⁷³ Отметим, что в нашем исследовании понятие «корпус» используется в широком смысле, когда под термином «корпус» рассматриваются в том числе и DIY-corpus (do-it-yourself corpus), во франкоязычной терминологии — corpus «maison». Подробнее об этом см., напр.: [Loock 2016b].

таким образом, можно избежать эффекта наблюдателя (observer's paradox) [Dyvik 1998: 51], [Noël 2003].

Результатом экспертизы переводчика становятся наблюдаемые отношения между текстами. Переводчики в данном случае рассматриваются прежде всего как информанты (language users). То есть тексты, созданные переводчиками, представляют собой коллекцию мнений информантов о значениях лингвистических форм исходного текста [Dyvik 1998: 51], [Noël 2003].

Поскольку наше исследование посвящено семантике сенсорной лексики, все перечисленные выше аргументы можно считать в высшей степени актуальными. Изучение словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами может быть более комплексным именно благодаря использованию параллельных текстов и возможности прибегнуть к рассмотрению переводных соответствий. Кроме того, в описанных выше корпусных исследованиях синестетических метафор параллельные тексты ранее не использовались.

Авторские корпуса, послужившие материалом для работы, обладают ещё одной отличительной особенностью, они включают нескольких переводов на один язык, следовательно, их можно рассматривать в контексте **переводной множественности** (англ. retranslation theory) и **корпусной традуктологии** (англ. corpus-based translation studies, фр. la traductologie de corpus)⁷⁴. Если рассматривать корпуса множественных переводов в рамках описанного выше подхода [Derwing 1980], [Dyvik 1998], [Salkie 2002], [Dan Melamed 2001], [Noël 2003] и др., то именно такие корпуса представляют наибольшую ценность для исследования семантики, поскольку наличие нескольких переводов на один язык позволяет получить доступ к коллекции мнений нескольких информантов.

⁷⁴ Подробнее см. [Baker 1993], [Véronis 2000], [Loock 2016a, 2016b]. Такие корпуса можно также обозначить как «поливариантные параллельные корпуса» (см., напр.: [Сичинава 2015]).

Для характеристики отношений между оригинальными и переводными текстами в данной главе мы будем использовать понятие **изоморфизма**. Термин «изоморфизм» в отношении перевода применяется в работах Е. Э. Разлоговой (см., например, [Разлогова 2017]) и характеризует степень подобия оригинального и переводного текстов по различным параметрам.

4.2. Описание материала исследования

В качестве материала для нашего исследования послужили два авторских корпуса.

В **первый корпус** вошли оригинальный текст стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» на французском языке и 15 его переводов на русский язык: переводы В. Эльснера (1909), С. Боброва (1910), В. Набокова (1928), Д. Бродского (1929), Б. Лившица (1935), П. Антокольского (после 1945), Л. Мартынова (1974), М. Кудинова (1982), Д. Самойлова (1984), Е. Витковского (1986), А. Голембы (1988), Е. Головина (дата неизвестна), М. Анищенко (2003–2004), А. Кроткова (2005), А. Чернова (2011). Общий объём корпуса составил 9 685 словоупотреблений.

Во **второй корпус** вошли оригинальный текст романа «Лолита» на английском языке (1955), русский автоперевод (1967) и два французских перевода — Éric N. Kahane (1959) и Maurice Couturier (2001). Общий объём корпуса составил 475 732 словоупотребления.

Далее введём некоторые краткие условные обозначения для корпусов и входящих в них текстов. Помимо соображений, относящихся к удобству использования, есть и другая причина, обусловившая такое решение. Нейтральные обозначения текстов корпуса в большей степени соответствуют целям и задачам нашего исследования. В частности, данная работа не подразумевает оценки качества выполненных переводов, поэтому нет нужды делать акцент на фамилиях переводчиков. Кроме того, исследуемые корпуса используются, прежде всего, в качестве языкового материала, предлагаемый нами подход к анализу словосочетаний с сенсорными семантическими

компонентами может свободно применяться к текстам вне зависимости от типа текста или автора.

Первый корпус обозначим как **Корпус R** (Rimbaud), а второй как **Корпус N** (Nabokov).

Код каждого текста состоит из следующих параметров: указание на корпус (**R** или **N**); язык (английский — **EN**, русский — **RU**, французский — **FR**); порядковый номер текста (от **0** до **15** в корпусе R и от **0** до **3** в корпусе N, при этом обозначение 0 всегда указывает на оригинальный текст).

Указание на язык может показаться избыточным. Действительно, зачастую принадлежность примеров к одному из перечисленных языков очевидна для большинства (в том случае, если человек владеет обозначенными языками). Однако некоторые слова могут иметь одинаковый графический облик во французских и английских текстах, в частности — имена персонажей (*Lolita*, *Charlotte*) или же, например, прилагательное *sombre*.

Ниже в таблицах 5, 6 представлена упорядоченная информация о текстах обоих корпусов — автор текста, дата публикации, язык и присвоенный шифр.

Корпус R

Автор текста	Дата публикации	Язык	Обозначение
Rimbaud A.	1871	французский	R-FR-00
Эльснер В.	1909	русский	R-RU-01
Бобров С.	1910	русский	R-RU-02
Набоков В.	1928	русский	R-RU-03
Бродский Д.	1929	русский	R-RU-04
Лившиц Б.	1935	русский	R-RU-05
Антокольский П.	после 1945	русский	R-RU-06
Мартынов Л.	1974	русский	R-RU-07
Кудинов М.	1982	русский	R-RU-08
Самойлов Д.	1984	русский	R-RU-09
Витковский Е.	1986	русский	R-RU-10
Големба А.	1988	русский	R-RU-11

Автор текста	Дата публикации	Язык	Обозначение
Головин Е.	дата неизвестна	русский	R-RU-12
Анищенко М.	2003-2004	русский	R-RU-13
Кротков А.	2005	русский	R-RU-14
Чернов А.	2011	русский	R-RU-15

Таблица 5

Корпус N

Автор текста	Дата публикации	Язык	Обозначение
Nabokov V.	1955	английский	N-EN-00
Набоков В.	1967	русский	N-RU-01
Kahane É.	1959	французский	N-FR-02
Couturier M.	2001	французский	N-FR-03

Таблица 6

Корпус R представляет собой в некотором отношении уникальный случай, поскольку стихотворение было переведено на русский язык значительное количество раз. При этом корпус R включает два языка — русский и французский.

Корпус N включает три языка (русский, французский и английский), и его можно отнести к разряду мультязычных корпусов (*multilingual corpus* по определению [Zanettin, 2014: 10–11]). Кроме того, в корпусе N один из текстов является автопереводом: В. Набоков самостоятельно перевёл на русский язык роман «Лолита», ранее написанный им на английском. Автопереводы представляют большой интерес для лингвистического исследования, однако в рамках данной работы этот аспект рассматриваться не будет.

Далее рассмотрим **основные этапы работы по созданию корпусов R и N.**

Первостепенный вопрос при создании параллельного корпуса — **выравнивание**. В таблице 7 представлена информация об объёмах корпусов, единицах и методе выравнивания.

Корпус	Общий объём корпуса (словоупотреблений)	Единица выравнивания	Метод выравнивания
R	9 685	строфа	выравнивание вручную
N	475 732	предложение	полу-автоматическое выравнивание

Таблица 7

Поскольку корпус R обладает относительно малым объёмом, произвести выравнивание вручную не представляло проблемы, в особенности принимая во внимание тот факт, что за единицу выравнивания была выбрана строфа стихотворения (их всего 25). Дополнительным аргументом в пользу такого выбора может послужить и то, что при переводе стихотворения строки, их последовательность и структура предложений в целом претерпевают зачастую серьёзные изменения.

Выравнивание корпуса N, обладающего гораздо более значительным объёмом, осуществлялось при помощи программы HunAlign через пользовательский интерфейс LF Aligment Editor 1.7 [Varga et al. 2005] (рис. 7).

74 LF Aligment Editor 1.7 - aligned_Lolita En-en-ru-fr-fr.txt

File Edit Help					
8	Clark 's decision may have been influenced by the fact that the editor of his choice had just been awarded the Poling Prize for a modest work ("Do the Senses make Sense?") wherein certain morbid states and perversions had been discussed.	На решение г-на Кларка, быть может, повлиял тот факт, что избранный им редактор как раз только что удостоился премии имени Полинга за скромный труд («Можно ли сочувствовать чувствам?»), в котором подвергались обсуждению некоторые патологические состояния и извращения.	Il n'est pas impossible que la décision de maître Clark ait été influencée par le fait que le correcteur de son choix venait de recevoir le Prix Poling pour un modeste essai (Le Sens des Sens) consacré à l'étude de quelques perversions et états morbides.	Il n'est pas impossible que la décision de Me Clark ait été dictée par le fait que le correcteur de son choix venait de recevoir le prix Poling pour un modeste essai (Do the Senses Make Sense ?) où étaient passés en revue quelques perversions et états morbides.	Lolita En

Рис. 7

По ряду причин полная автоматизация выравнивания четырёх текстов на трёх языках оказалась невозможна. Программа HunAlign изначально

разрабатывалась для создания параллельного корпуса на двух языках — английском и венгерском (то есть была рассчитана на т.н. *bitexts*), в основе работы программы лежит алгоритм Гейла-Чёрча [Gale, Church 1991], где принцип выравнивания заключается, прежде всего, в сравнении длины предложений оригинального и переводного текстов. Корпус N включает тексты на трёх языках, различия в синтаксисе зачастую были довольно существенны (например, то, что в английском и русском тексте было разбито на несколько предложений, во французском могло быть объединено в одно крупное предложение). Кроме того, в некоторых случаях в переводных текстах могли быть пропущены предложения⁷⁵, и это также негативно сказывалось на выравнивании, провоцируя сбои в соотношении предложений. Тем не менее, все перечисленные проблемы являются достаточно типичными и часто возникают при работе с выравниванием параллельных текстов⁷⁶.

После того, как выравнивание текстов корпусов было завершено, для последующей работы они были перенесены в текстовый редактор в виде таблицы (рис. 8).

Vladimir Nabokov	Владимир Владимирович Набоков	VLADIMIR NABOKOV	Vladimir Nabokov
Lolita	Лолита	LOLITA	Lolita
"Lolita, or the Confession of a White Widowed Male," such were the two titles under which the writer of the present note received the strange pages it preambulates.	Лолита или Исповедь Светлокожего Вдовца: таково было двойное название, под которым автор настоящей заметки получил странный текст, возглавляемый ею.	Lolita ou la Confession d'un veuf de race blanche, tel était le double titre de l'étrange document que reçut le signataire de cette note préliminaire.	Lolita, ou La confession d'un veuf de race blanche, tel était le double titre sous lequel l'auteur de la présente note reçut les pages étranges auxquelles celle-ci sert de préambule.

Рис. 8

Далее последовал процесс обработки корпусов. Компактность корпуса R позволила работать не только с интересующими нас типами словосочетаний, но рассмотреть всю сенсорную лексику, которая встречается в текстах корпуса. Корпус N характеризуется более значительным объёмом текстов, поэтому были проанализированы только те словосочетания с сенсорными компонентами,

⁷⁵ Об этой проблеме и способах её решения, см., например, [Dan Melamed 2001: 41–53].

⁷⁶ Подробнее о специфике работы с параллельными текстами, в том числе о выравнивании трёх и более текстов на разных языках [Véronis 2000].

которые входят в сферу нашего интереса в рамках исследования. В дальнейшей перспективе возможно создание тезауруса сенсорной лексики и (полу)автоматическое извлечение слов с ССК из корпуса N.

С корпусом **R** были выполнены следующие действия:

- 1) методом сплошной выборки были выделены все слова, содержащие сенсорный семантический компонент;
- 2) слова, содержащие сенсорные семантические компоненты, были распределены по группам в зависимости от того, к какой сенсорной модальности они принадлежат;
- 3) было определено общее количество сенсорной лексики как для каждого текста в отдельности, так и для всего корпуса в целом;
- 4) был выявлен показатель статистического изоморфизма переводов с точки зрения количества и модальной соотнесённости сенсорной лексики;
- 5) методом сплошной выборки были выделены синестетические, моностетические и идеастетические словосочетания;
- 6) словосочетания были описаны с помощью компонентных формул (рис. 9);
- 7) было определено общее количество словосочетаний трёх типов для каждого текста в отдельности и для корпуса в целом;
- 8) был выявлен показатель статистического изоморфизма с точки зрения количества и типов словосочетаний в оригинале и переводах;
- 9) с помощью сопоставительного метода были выявлены четыре модели перевода, характеризующиеся разной степенью изоморфизма, для трёх типов словосочетаний.

Словосочетание	Формула	Тип	Источник	Семантический класс слова без ССК (для идеастезии)
сиреневая мгла	vision + vision	моностезия	R-RU-12	
багровую высь	vision + vision	моностезия	R-RU-12	
crépuscule embaumé	vision + smell	синестезия	R-FR-00	
rhythmes teignant	vision + hearing	синестезия	R-FR-00	
rousseurs amères	vision + taste	синестезия	R-FR-00	
noirs parfums	vision + smell	синестезия	R-FR-00	

Рис. 9

С корпусом N были выполнены следующие действия:

- 1) методом сплошной выборки были выделены синестетические, моностетические и идеастетические словосочетания;
- 2) словосочетания были описаны с помощью компонентных формул (рис. 10);
- 3) было определено общее количество словосочетаний трёх типов для каждого текста в отдельности и для корпуса в целом;
- 4) с помощью сопоставительного метода были выявлены четыре модели перевода для трёх типов словосочетаний.

Словосочетание	Формула	Тип	Источник	Семантический класс слова без ССК (для идеастезии)
изумрудной жизнью	vision + word	идеастезия	N-RU-01	бытийная сфера
изумрудным воскресением	vision + word	идеастезия	N-RU-01	бытийная сфера
roaring time	hearing + word	идеастезия	N-EN-00	время

Рис. 10

4.3. Корпус R

4.3.1. Сенсорные семантические компоненты в корпусе R

Сенсорные семантические компоненты в корпусе R: модальный критерий

Ранее в главе 3 было дано определение понятию сенсорный семантический компонент (ССК) и подробно описаны классы слов, которые включаются в разряд сенсорной лексики в данной работе. В этом разделе рассмотрим количественные данные по сенсорной лексике для корпуса R.

В таблице 8 представлена сенсорная характеристика словоупотреблений с ССК для R-FR-00. Всего было обнаружено 63 словоупотребления.

Сенсорная модальность	Количество словоупотреблений	Процент
Зрение	45	72 %
Слух	7	11 %
Вкус	6	9 %
Осязание	3	5 %
Обоняние	2	3 %

Таблица 8

В R-FR-00 представлена лексика всех сенсорных категорий. Наиболее частотными оказываются слова с ССК зрения, они составляют 72 % от общего количества словоупотреблений. Реже всего встречаются слова, связанные с областью обоняния (всего 3 %).

Далее рассмотрим показатели для пятнадцати переводных текстов R-RU. Прежде всего представим данные для русскоязычной части корпуса в целом, а затем остановимся на некоторых наиболее показательных моментах для каждого текста в частности. Общее количество словоупотреблений сенсорной лексики в русскоязычной части корпуса составляет **649**. В таблице 9 представлены данные для текстов с R-RU-01 по R-RU-15.

Сенсорная модальность	Количество словоупотреблений	Процент
Зрение	424	65 %
Слух	102	16 %
Вкус	63	10 %
Осязание	40	6 %
Обоняние	20	3 %

Таблица 9

Итак, исходя из данных, представленных выше, можно сделать вывод, что в целом тексты русскоязычной части корпуса достаточно близки к франкоязычной с точки зрения частотности слов с компонентами той или иной модальности.

Примечательно, что зрение является доминирующей модальностью в 100 %, во всех 15 переводных текстах. Таким образом, тенденция к преобладанию слов с ССК зрения характерна для всех переводов. Слух занимает вторую позицию по частотности в 11 переводах из 15, что составляет 73 % случаев.

Однако только в 2 переводах из 15 представлены все 5 сенсорных модальностей (тексты R-RU-5, R-RU-14). Зрение и слух представлены в текстах переводов в 100 %. Слова с ССК вкуса присутствуют в 14 из 15 переводов. Слова с ССК осязания присутствуют в 13 из 15 переводов. Слова с ССК обоняния, которые оказались наименее представлены в корпусе, присутствуют только в 8 переводных текстах.

Примечательно, что в тексте R-RU-13 представлены только 2 сенсорные модальности из 5. Именно этот текст характеризуется минимальной степенью изоморфизма по этому параметру.

Рассмотрим два текста, где представлены все сенсорные модальности, как и в оригинале, (R-RU-5, R-RU-14) и текст, где представлены только две сенсорные модальности (R-RU-13) более подробно (таблица 10). В данном случае нас интересует именно процентное соотношение репрезентации

сенсорных модальностей в текстах. Количественные показатели будут рассмотрены позднее.

Сенсорная модальность	R-FR-00	R-RU-14	R-RU-05	R-RU-13
Зрение	72 %	42 %	58 %	90 %
Слух	11 %	25 %	23 %	10 %
Вкус	9 %	14 %	11 %	-
Осязание	5 %	11 %	5 %	-
Обоняние	3 %	8 %	3 %	-

Таблица 10

В R-RU-5, R-RU-14 по частотности ССК ранжируются также аналогичным образом — зрение, слух, вкус, осязание и, наконец, обоняние. Тем не менее, доминанта ССК зрения в оригинале более выражена.

Примечательно, что самый большой процентный показатель для ССК зрения характеризует наименее изоморфный текст — R-RU-13, компоненты зрения составляют 90 %, в то время как в оригинале — 72 %, а в среднем по русскоязычной части корпуса — 65 %.

Далее рассмотрим частеречную принадлежность сенсорной лексики в корпусе R (таблица 11).

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Прилагательное	34	55 %
Существительное	11	17 %
Глагол	6	9 %
Предлог de + существительное	6	9 %
Причастие настоящего времени	3	5 %
Причастие прошедшего времени	3	5 %

Таблица 11

Доминирует имя прилагательное, на эту часть речи приходится 55 % словоупотреблений. Наряду с прочими частями речи выделена также категория *de + существительное*, которая составляет 9 % от общего количества словоупотреблений. Данная конструкция во французском языке близка по функции к имени прилагательному (например, *d'or, d'argent* — можно перевести на русский язык как *золотой, серебряный*).

На этом этапе работы становится очевидно, что в процессе формирования перцептивного тезауруса в перспективе необходимо учитывать все части речи, брать в расчёт словообразовательные гнёзда в целом, а не ограничиваться только прилагательными и существительными. Эта проблема на примере тезаурусов, предложенных зарубежными исследователями, освещалась в главе 3.

Рассмотрим частеречную принадлежность сенсорной лексики в русскоязычной части корпуса (таблица 12).

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Прилагательное	282	45 %
Существительное	204	32 %
Глагол	95	15 %
Причастие настоящего времени	23	3 %
Причастие прошедшего времени	12	2 %
Деепричастие	10	2 %
Наречие	6	1 %

Таблица 12

Русскоязычная часть корпуса также характеризуется выраженной тенденцией к доминированию прилагательного и существительного над прочими частями речи. В переводах представлено больше частей речи, в частности, речь идёт о деепричастиях и наречиях. Кроме того, отметим, что достаточно активно используются глаголы. Тем не менее, стоит учитывать и

тот факт, что русскоязычная часть корпуса намного обширнее французской, и этим может объясняться частеречное разнообразие.

В 100 % случаев для всех текстов корпуса R имя прилагательное занимает лидирующую по частотности позицию. Несмотря эту тенденцию, следует принимать во внимание все части речи для наиболее полного охвата материала.

Сенсорные семантические компоненты в корпусе R: количественный критерий

В предыдущем пункте тексты корпуса R рассматривались по критерию репрезентации сенсорных модальностей. В данном разделе мы сфокусируемся сугубо на количественных показателях. Сравним насыщенность текстов с точки зрения количества слов, содержащих сенсорные семантические компоненты. Рассмотрим данные в таблице 13.

Текст	Количество ССК (словоупотребления)	Статистический изоморфизм (процентное соотношение)
R-FR-00	63	-
R-RU-01	28	44 %
R-RU-02	32	51 %
R-RU-03	43	68 %
R-RU-04	33	52 %
R-RU-05	34	54 %
R-RU-06	32	51 %
R-RU-07	43	68 %
R-RU-08	41	65 %
R-RU-09	61	97 %
R-RU-10	39	62 %
R-RU-11	51	81 %
R-RU-12	65	103 %
R-RU-13	29	46 %

R-RU-14	64	102 %
R-RU-15	38	60 %

Таблица 13

Из данных корпуса следует, что переводные тексты в среднем менее насыщены словами с сенсорными семантическими компонентами. Среднее значение показателя изоморфизма по этому параметру составляет **67 %**.

Снижение насыщенности текстов словами с ССК в переводе вполне ожидаемо. Анализируя полученные результаты, следует также подчеркнуть, что высокий процент утраты ССК при переводе — статистическое подтверждение гипотезы, согласно которой перевод всегда оказывается менее насыщенным по тому или иному параметру, нежели исходный текст. Эта гипотеза возведена в ранг переводческой универсалии, к которой обращаются в своих работах многие исследователи (напр.: [Baker 1993], [Berman 1999], [Loock 2016a], [Разлогова 2017]).

Примечательно, что два текста оказались немного более насыщены сенсорной лексикой, нежели оригинал — это R-RU-12 и R-RU-14 (103 и 102 % соответственно). Эти тексты наряду с R-RU-09 можно считать наиболее изоморфными по данному критерию. Наименее изоморфным является R-RU-01 и R-RU-13 с показателями в 44 и 46 % соответственно.

Далее рассмотрим, каким образом количество сенсорной лексики будет соотноситься с количеством синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний. Несмотря на то, что сенсорная лексика — база для формирования исследуемых словосочетаний, само по себе наличие её в тексте является лишь потенциальной возможностью для их возникновения.

4.3.2. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами в корпусе R

Описание исследуемых типов словосочетаний приводилось ранее в главе 3. В этом пункте будут представлены статистические данные по корпусу R.

Прежде всего, определим общее количество словосочетаний в каждом тексте, а также сопоставим, в какой мере коррелирует количество сенсорной лексики в тексте и количество синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний, образованных на базе выявленных сенсорных слов.

Общее количество словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами в корпусе — 168. Из них 20 относятся к франкоязычному оригиналу, а 148 — к переводным русскоязычным текстам.

Если сопоставить 20 словосочетаний в оригинальном тексте со средним арифметическим для пятнадцати переводов, то получим коэффициент — **9,8**, что составляет примерно **50 %**. Словосочетания, таким образом, характеризуются меньшей степенью статистического изоморфизма, нежели сенсорные слова (напомним, что для них показатель составил 67 %).

Текст	Количество ССК (словоупотребления)	Количество словосочетаний I, II, III типов	Отношение кол-ва ССК к кол-ву словосочетаний
R-FR-00	63	20	3,2
R-RU-01	28	8	3,5
R-RU-02	32	10	3,2
R-RU-03	43	4	10,8
R-RU-04	33	5	6,6
R-RU-05	34	11	3,1
R-RU-06	32	6	5,3
R-RU-07	43	12	3,6
R-RU-08	41	7	5,9
R-RU-09	61	15	4,1
R-RU-10	39	12	3,3
R-RU-11	51	9	5,7
R-RU-12	65	21	3,1
R-RU-13	29	2	14,5
R-RU-14	64	19	3,4
R-RU-15	38	7	5,4

Таблица 14

В таблице 14 представлено соотношение количества сенсорной лексики и количества исследуемых словосочетаний в каждом тексте.

Для большей наглядности представим числа в порядке убывания, то есть от наименее выраженной корреляции между количеством ССК и количеством словосочетаний к наиболее выраженной (таблица 15).

Текст	Количество ССК (словоупотребления)	Количество словосочетаний I, II, III типов	Отношение кол-ва ССК к кол-ву словосочетаний
R-RU-13	29	2	14,5
R-RU-03	43	4	10,8
R-RU-04	33	5	6,6
R-RU-08	41	7	5,9
R-RU-11	51	9	5,7
R-RU-15	38	7	5,4
R-RU-06	32	6	5,3
R-RU-09	61	15	4,1
R-RU-07	43	12	3,6
R-RU-01	28	8	3,5
R-RU-14	64	19	3,4
R-RU-10	39	12	3,3
R-RU-02	32	10	3,2
R-FR-00	63	20	3,2
R-RU-12	65	21	3,1
R-RU-05	34	11	3,1

Таблица 15

R-FR-00 имеет показатель 3, 2. Два переводных текста немного обогнали оригинал по этому критерию — R-RU-05 и R-RU-12 с показателем 3, 1. Текст R-RU-12 и по количеству сенсорной лексики опередил оригинал, в то время как R-RU-05 значительно менее насыщен словами с ССК. Текст R-RU-14, хотя и обогнал оригинал по количественному показателю сенсорной лексики, незначительно отстал по параметру количества словосочетаний — 3, 4.

Минимальный показатель у текста R-RU-13, где на 29 ССК приходится всего лишь 2 словосочетания. Представим данные на графике (рис. 11).

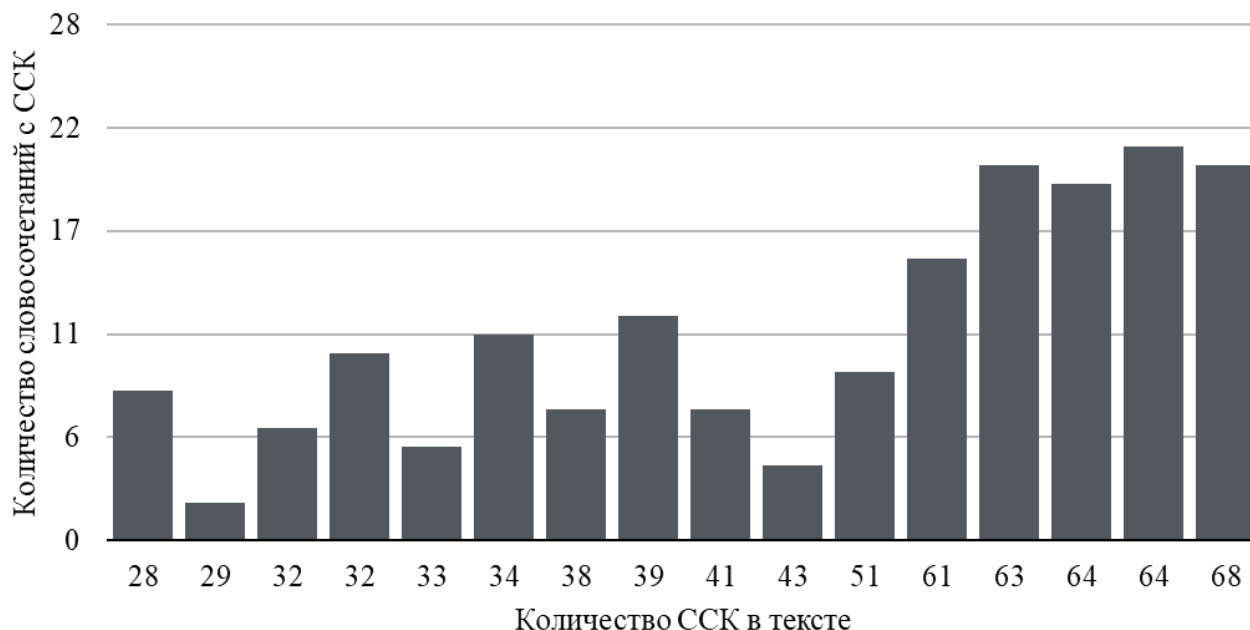

Рис. 11

На графике показатели текстов расположены от наименьшего количества ССК по возрастанию. Некоторая корреляция между количеством ССК и словосочетаний I, II, III типа присутствует, что, само по себе, достаточно легко предсказуемо. Большее количество ССК может обеспечить большее количество словосочетаний. Однако эта тенденция не абсолютная. Отсутствие линейной зависимости наглядно отражено в визуальном представлении данных.

Далее рассмотрим показатели по каждому типу словосочетаний.

4.3.3. Синестетические словосочетания в корпусе R

Напомним, что под синтетическими словосочетаниями в работе понимается такой тип словосочетания, где оба слова включают сенсорные семантические компоненты, при этом компоненты относятся к различным сенсорным модальностям. Примеры из корпуса: *жаркие стоны* (R-RU-14): ССК осязания + ССК слуха; *рыжие горечи* (R-RU-11): ССК зрения + ССК вкуса.

Из 168 словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами, обнаруженных в корпусе, 43 являются синестетическими. Это составляет около

26 % от общего числа словосочетаний. Рассмотрим количественные показатели для каждого текста в отдельности (таблица 16).

Текст	Количество синестетических словосочетаний	Процент в соотношении с другими типами словосочетаний для каждого текста
R-FR-00	5	25 %
R-RU-01	1	13 %
R-RU-02	1	10 %
R-RU-03	1	25 %
R-RU-04	5	100 %
R-RU-05	3	26 %
R-RU-06	1	17 %
R-RU-07	4	33 %
R-RU-08	1	14 %
R-RU-09	2	13 %
R-RU-10	2	16,5 %
R-RU-11	2	22 %
R-RU-12	5	24 %
R-RU-13	0	-
R-RU-14	10	53 %
R-RU-15	0	-

Таблица 16

Средний процент синестетических словосочетаний в переводных текстах относительного общего количества составил около 24,5 %, это значение очень близко к соотношению, которое мы видим в оригинале — 25 %. Примечательно, что в R-RU-13 и R-RU-15 синестетические словосочетания вообще не представлены, в R-RU-14 синестетические словосочетание составили 53 %, а в R-RU-04 — 100 %.

Таким образом, несмотря на некоторые отклонения, общая тенденция переводных текстов аналогична той, что можно наблюдать в оригинале.

Далее рассмотрим, какие сенсорные модальности наиболее характерны для синестетических словосочетаний в корпусе и какие комбинации сенсорных

модальностей для слов с ССК являются наиболее распространёнными в текстах корпуса. Прежде всего сравним частотность ССК той или иной модальности в синестетических словосочетаниях в оригинале и переводах (таблица 17).

Сенсорная модальность	R-FR-00	R-RU-01 — R-RU-15
Зрение	40 %	40 %
Вкус	20 %	16 %
Слух	10 %	24 %
Обоняние	10 %	10 %
Осязание	0 %	10 %

Таблица 17

Доминантной модальностью для синестетических словосочетаний в корпусе является зрение. В оригинальном тексте далее следует вкус с показателем в 20 %, в то время как в переводах вторую позицию занимает слух. В оригинальном тексте в синестетических словосочетаниях не представлено осязание. Ранжирование ССК по модальностям в этом типе словосочетаний различается для французской и русской частей корпуса.

Далее рассмотрим, какие комбинации сенсорных модальностей для слов с ССК являются наиболее распространёнными в текстах корпуса. Вновь отметим тот факт, что частеречная структура и синтаксические характеристики (в частности порядок слов) в данном случае не учитываются. То есть словосочетания *noirs parfums* (R-FR-00) и *смердя до черноты* (R-RU-10) будут расцениваться как одинаковые с точки зрения их структуры (ССК зрения + ССК обоняния) и попадут в категорию *зрение-обоняние*. Таким образом, возможны оказались 10 различных комбинаций слов с ССК, однако не все они представлены в текстах корпуса (таблицы 18, 19).

Для оригинального текста наиболее частотными оказываются сочетания *зрение-вкус*, а также *зрение-обоняние*. Для переводных текстов — пары *зрение-вкус* и *зрение-слух* делят лидирующую позицию. В переводной части корпуса встречается больше типов сочетаний ССК различных модальностей,

однако и общее количество словосочетаний в 15 текстах значительно превосходит оригинал.

Комбинации слов с ССК	R-FR-00
зрение-вкус	40 %
зрение-обоняние	40 %
зрение-слух	20 %
зрение-осязание	-
слух-осязание	-
слух-обоняние	-
слух-вкус	-
вкус-осязание	-
вкус-обоняние	-
обоняние-осязание	-

Таблица 18

Комбинации слов с ССК	R-RU-01 — R-RU-15
зрение-вкус	32 %
зрение-слух	32 %
зрение-обоняние	10 %
зрение-осязание	8 %
слух-вкус	8 %
слух-осязание	5 %
обоняние-осязание	5 %
слух-обоняние	-
вкус-осязание	-
вкус-обоняние	-

Таблица 19

4.3.4. Моностетические словосочетания в корпусе R

Напомним, что под моностетическими словосочетаниями в работе понимается такой тип словосочетаний, где оба слова содержат сенсорные

семантические компоненты, которые при этом относятся к одной сенсорной модальности. Примеры из корпуса: *azurs verts* (R-FR-00): ССК зрения + ССК зрения; *солёная горечь* (R-RU-01): ССК вкуса + ССК вкуса.

Моностетические словосочетания мало представлены в корпусе. Из 168 словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами, обнаруженных в корпусе, 17 являются моностетическими. Это составляет около 10 % от общего числа словосочетаний. Примечательно, что моностетические словосочетания присутствуют только в 9 текстах корпуса из 16, что время как синестетические словосочетания были обнаружены в 14, а идеастетические в 15 текстах. Рассмотрим количественные показатели для каждого текста в отдельности (таблица 20).

Текст	Количество моностетических словосочетаний	Процент в соотношении с другими типами словосочетаний для каждого текста
R-FR-00	2	10 %
R-RU-01	2	25 %
R-RU-02	0	-
R-RU-03	2	50 %
R-RU-04	0	-
R-RU-05	1	10 %
R-RU-06	0	-
R-RU-07	0	-
R-RU-08	2	29 %
R-RU-09	3	20 %
R-RU-10	2	16,5 %
R-RU-11	1	11 %
R-RU-12	2	9 %
R-RU-13	0	-
R-RU-14	0	-
R-RU-15	0	-

Таблица 20

Если сравнить средний процент монотетических словосочетаний переводной части корпуса с показателем оригинала, то для переводов процент будет очень мал. В оригинале монотетические словосочетания составили 10 %, средний показатель по переводам — 0,1 %. Связано это с тем, что в 7 переводах из 15 этот тип словосочетаний просто отсутствует. Высокий показатель в 50 % мы видим в тексте R-RU-03, однако это объясняется незначительностью общего количества исследуемых словосочетаний в этом тексте (всего 4, из которых 2 монотетических, 1 синестетическое и 1 монотетических).

Далее рассмотрим, какие сенсорные модальности наиболее характерны для монотетических словосочетаний в корпусе. Сопоставим частотность ССК той или иной модальности в монотетических словосочетания в оригинале и переводах (таблица 21).

Сенсорная модальность	R-FR-00	R-RU-01 — R-RU-15
Зрение	100 %	93 %
Вкус	-	7 %
Слух	-	-
Обоняние	-	-
Осязание	-	-

Таблица 21

В корпусе R монотетические словосочетания формируются на базе ССК зрения и вкуса. Никакие другие модальности не представлены⁷⁷. В оригинальном тексте все обнаруженные монотетические словосочетания построены на основе ССК зрения. В переводной части корпуса подавляющее большинство также относится к зрительной модальности (93 %), однако присутствует и вкусовая (7 %).

⁷⁷ Этот результат можно сопоставить с данными по корпусу N, где монотетические словосочетания формируются на основе ССК трёх модальностей — зрение, осязание и слух. См. далее в главе 4.

Таким образом, ранжирование ССК по модальностям в этом типе словосочетаний различается для французской и русской частей корпуса.

4.3.5. Идеастетические словосочетания в корпусе R

Напомним, что под идеастетическими словосочетаниями в работе понимается такой тип словосочетаний, где только одно из слов содержит сенсорный семантический компонент. При этом сенсорная характеристика не указывает на объективные свойства предмета. Тематические классы слов, которые могут формировать идеастетические словосочетания с сенсорной лексикой, перечислены и охарактеризованы в главе 3.

Примеры из корпуса: *rousseurs de l'amour* (R-FR-00): ССК зрения + эмоции и чувства; *голубая боль* (R-RU-12): ССК зрения + физиологическая сфера/эмоции и чувства; *синева безумья* (R-RU-12): ССК зрения + ментальная сфера.

Идеастетические словосочетания — наиболее частотный тип для корпуса R. Из 168 словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами, обнаруженных в корпусе R, 108 являются моностетическими. Это составляет примерно **64 %** от общего числа словосочетаний. Рассмотрим количественные показатели для каждого текста в отдельности (таблица 22).

Текст	Количество идеастетических словосочетаний	Процент в соотношении с другими типами словосочетаний для каждого текста
R-FR-00	13	65 %
R-RU-01	5	62 %
R-RU-02	9	90 %
R-RU-03	1	25 %
R-RU-04	0	-
R-RU-05	7	64 %
R-RU-06	5	83 %
R-RU-07	8	67 %
R-RU-08	4	57 %

R-RU-09	10	67 %
R-RU-10	8	67 %
R-RU-11	6	67 %
R-RU-12	14	67 %
R-RU-13	2	100 %
R-RU-14	9	47 %
R-RU-15	7	100 %

Таблица 22

В оригинале процент идеастетических словосочетаний относительно других типов составил 65 %, средний процент для переводов части корпуса — 69 %. В текстах R-RU-13, R-RU-15 присутствуют исключительно идеастетические словосочетания, никакие другие типы там не представлены. Достаточно высокий показатель идеастезии и в тексте R-RU-02 (90 %). Лишь в R-RU-04 идеастетические словосочетания отсутствуют, следовательно процентный показатель равен нулю.

Сопоставим частотность ССК той или иной модальности в идеастетических словосочетания в оригинале и переводах (таблица 23).

Сенсорная модальность	R-FR-00	R-RU-01 — R-RU-15
Зрение	77 %	53 %
Вкус	23 %	32 %
Осязание	-	8 %
Слух	-	5 %
Обоняние	-	2 %

Таблица 23

В оригинале текста идеастетические словосочетания формируются на основе модальностей зрения и вкуса по формулам: ССК зрения + N; ССК вкуса + N. В переводной части корпуса представлены словосочетания с компонентами всех сенсорных модальностей. Доминантную позицию занимает зрение, следом идёт модальность вкуса, как и в оригинале. Осязание, слух и

обоняние представлены менее широко, тем не менее, составляют 8, 5 и 2 % соответственно.

4.3.6. Семантические классы слов, входящих во взаимодействие с сенсорной лексикой, в идеастетических словосочетаниях корпуса R

Далее рассмотрим, какие классы слов без ССК представлены в идеастетических словосочетаниях корпуса R. В таблице 24 представлены данные по французской части корпуса, а в таблице 25 — по русской. Слова без ССК в примерах представлены без квадратных скобок.

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний (R-FR-00)	Примеры
эмоции и чувства	4	[âcre] <i>amour</i>
ментальная сфера	3	<i>éveil</i> [jaune]
физические действия	3	<i>flottaison</i> [blême]
время	1	<i>nuit</i> [verte]
дискурс	1	<i>poème</i> [lactescent]
физические свойства	1	<i>immobilités</i> [bleues]

Таблица 24

В оригинальном тексте представлено 6 категорий слов без ССК, которые формируют идеастетические словосочетания во взаимодействии с сенсорной лексикой. Наиболее частотными оказались словосочетания, где сенсорные слова вступают в контакт с аффективной лексикой (категория *эмоции и чувства*). С небольшим отставанием следуют категории *ментальной сферы* и *физических действий*. По одному примеру обнаружено в категориях *время*, *дискурс* и *физические свойства*.

Рассмотрим переводную часть корпуса. Поскольку количество материала на русском языке в корпусе R более значительно, то и категорий также представлено больше.

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний (R-RU-01 — R-RU-15)	Примеры
физические действия	28	[ароматы] <i>пил, дышал</i> [сладостью]
эмоции и чувства	22	[горек] <i>страх</i> , [горчайшая] <i>любовь</i>
ментальная сфера	13	[лазурным] <i>снам</i> , [зелени] <i>видений</i>
время	9	[грохотали] <i>июли, юность</i> [горька]
природные явления	6	[солона] <i>луна</i>
дискурс	5	[разноцветных] <i>загадок,</i> <i>поэма</i> [дымно-белая]
физиологическая сфера/эмоции и чувства	4	[голубой] <i>боли</i> , [медвяной] <i>неги</i>
физические свойства	4	<i>брожение</i> [рыжины], [синевой] <i>недвижной</i>
места	1	[сладостью] <i>архипелагов</i>
бытийная сфера	1	[перламутровой] <i>яви</i>

Таблица 25

В переводной части корпуса представлено 11 категорий слов. Лидирующую позицию занимает категория *физические действия*, неизменно активно представлены словосочетания с сенсорной и аффективной лексикой (*эмоции и чувства*). Третью позицию с достаточно высоким показателем занимает *ментальная сфера*. Минимальные показатели — по одному примеру — в категориях *места* и *бытийная сфера*. В разряд неклассифицируемых единиц попал 1 пример ([горька] *мездра*).

Как было сказано ранее, в теоретической части, количество категорий, сочетаемых с сенсорной лексикой в рамках идеастетических словосочетаний, может быть сужено или расширено в зависимости от материала. Так, далее, в корпусе N, будет представлен более широкий спектр категорий. Тем не менее,

даже на материале корпуса небольшого объёма, можно сделать вывод: сочетаемость слов с ССК в исследуемых словосочетаниях значительно шире, чем было принято считать ранее⁷⁸.

4.3.7. Модели перевода слов с сенсорными компонентами в словосочетаниях корпуса R

В предыдущих разделах были проанализированы три типа словосочетаний, представленные в корпусе R. В этом разделе рассмотрим основные модели перевода сенсорной лексики в трёх типах словосочетаний с французского на русский на материале текстов корпуса. Подробное описание моделей перевода представлено в главе 3.

Отметим, что при анализе моделей перевода для корпуса R была рассмотрена вся совокупность переводов и все типы словосочетаний ввиду относительного малого количества таких словосочетаний⁷⁹.

Проанализируем возможные варианты перевода слов с сенсорными семантическими компонентами (таблица 26). Напомним, что в R-FR-00 были выделены 20 словосочетаний с сенсорными компонентами. Были выявлены четыре основных модели, по которым осуществлялся перевод словосочетаний с ССК из оригинального текста. В корпусе R, в отличие от корпуса N, оба слова в рамках словосочетания зачастую одинаковой модели перевода. В том случае, когда в примерах слова в словосочетании следуют разным моделям, то рассматриваемое в данном контексте слово идёт без квадратных скобок.

Модель	Примеры	Процент
1 (полное соответствие)	<ul style="list-style-type: none"> • <i>parfums noirs</i> — смердя до черноты (R-RU-10): ССК обоняние + ССК зрение; • <i>azurs verts</i> — зелёные лазури (R-RU-10): ССК зрение + ССК зрение; 	21 %

⁷⁸ Эта проблема подробно обсуждалась в главе 3.

⁷⁹ Каждый перевод в отдельности и каждый тип словосочетаний в отдельности рассмотрены с точки зрения устойчивости в переводе в разделах, посвящённых корпусу N, поскольку этот корпус предоставляет возможность работать с более серьёзным количеством исходных данных.

Модель	Примеры	Процент
	<ul style="list-style-type: none"> • <i>crépuscule embaumé</i> — в пахучем сумраке (R-RU-05), в пахучих сумерках (R-RU-09): ССК зрение + ССК обоняние; • <i>immobilités bleues</i> — синеве недвижимой (R-RU-10): ССК зрения + физическое свойство 	
2 (модификация в пределах модальности)	<ul style="list-style-type: none"> • <i>rousseurs amères</i> — багровая горечь (R-RU-12): ССК зрение + ССК вкус; • <i>nuit verte</i> — слепительно-снежная ночь (R-RU-01): ССК зрение + время. 	2 %
3 (смена модальности)	<ul style="list-style-type: none"> • <i>noirs [parfums]</i> — зуд [благовоний] (R-RU-07): ССК зрения заменяется на ССК осязания. 	1 %
4 (опущение)	-	76 %

Таблица 26

Самой частотной оказывается наименее изоморфная модель 4 (76 % случаев), то есть отсутствие сенсорного слова в переводе. Второе по частотности место занимает противоположная тенденция — модель 1 (21 %), наиболее изоморфная модель. С большим отставанием идут модели 2 (2 %) и 3 (1 %). Полученные данные визуализированы на рис. 12.

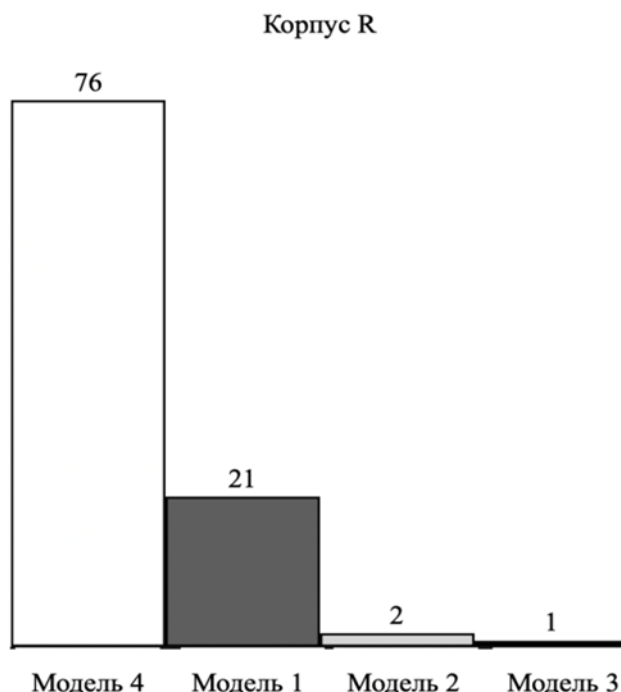

Рис. 12

Минимальный процент опущения составил 50 % (10 из 20 в R-RU-07). Самый высокий процент опущения — это 100 % (R-RU-13, где не представлено ни одно из словосочетаний оригинала).

Компенсаторная мера:

добавленные словосочетания с сенсорными компонентами

Отдельно следует отметить тот факт, что переводчики достаточно активно прибегают к компенсаторной мере, то есть к введению дополнительных авторских словосочетаний с сенсорными компонентами, которых нет в оригинале, таким образом поддерживая относительный баланс. Из 148 словосочетаний с сенсорными компонентами в русских переводах 47 — это авторские словосочетания, отсутствующие в оригинальном тексте. То есть частотность введения дополнительных фигур составляет около **30 %** от общего числа словосочетаний, зафиксированных для всех пятнадцати переводов. Наибольшее количество авторских фигур наблюдается в R-RU-12 и R-RU-14.

Примечательно, что количественный изоморфизм по параметру словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами не коррелирует с близостью перевода к оригиналу: наиболее насыщенными оказались переводы, авторы которых активно вводили новые словосочетания, опуская при этом оригинальные. Таким образом, в данном случае имеет место характерная для нашего подхода ситуация: соблюдение изоморфизма по одному критерию приводит к его нарушению по-другому.

Рассмотрим примеры введения дополнительных словосочетаний (таблица 27):

R-FR-00	R-RU-14	Комментарий
[...] les serpents géants dévorés des punaises Choient, des arbres tordus, avec de noirs parfums !	[...] Как липка похоть змей по свилеватым сучьям От душных ласк клопов, что их дотла грызут.	Синестетическое словосочетание оригинала <i>noirs parfums</i> опущено. Добавлено идеастетическое словосочетание <i>липка похоть</i> .
R-FR-00	R-RU-02	Комментарий
Glaciers , soleils d'argent, flots nacreux, cieux de	[...]И солнц серебряных под ледником печали	В оригинале слово <i>glaciers</i> не образует идеастетического

braises ! Échouages hideux au fond des golfes bruns [...]!	Сполохи долги в покинутых водах[...]	словосочетания. В переводе идеастетическое словосочетание образовано с помощью добавления аффективного слова <i>печаль</i> .
--	---	--

Таблица 27

В первом примере в тексте оригинала мы видим словосочетание *poirs parfums* (синестетическое). В переводе R-RU-14 это словосочетание опущено, однако появляется другое, авторское *липка похоть* (идеастетическое). Во втором примере в R-RU-02 слово *glaciers*, означающее в оригинале лишь элемент пейзажа, переведено с добавлением — *ледник печали* (идеастетическое словосочетание). Слово из категории «чувства и эмоции» характеризуется в данном случае через температуру (холод).

На диаграмме (рис. 13) сопоставляется общее количество словосочетаний с ССК в переводе и количество тех из них, что соответствуют оригинальному тексту. Особенно выделяются переводы R-RU-12 и R-RU-14, которые имеют самый высокий показатель для общего количества словосочетаний, однако их уровень соответствия оригиналу при этом достаточно низок. Следовательно, самыми насыщенными оказываются переводы R-RU-12 и R-RU-14, а самые близкие к оригиналу — R-RU-05 и R-RU-07.

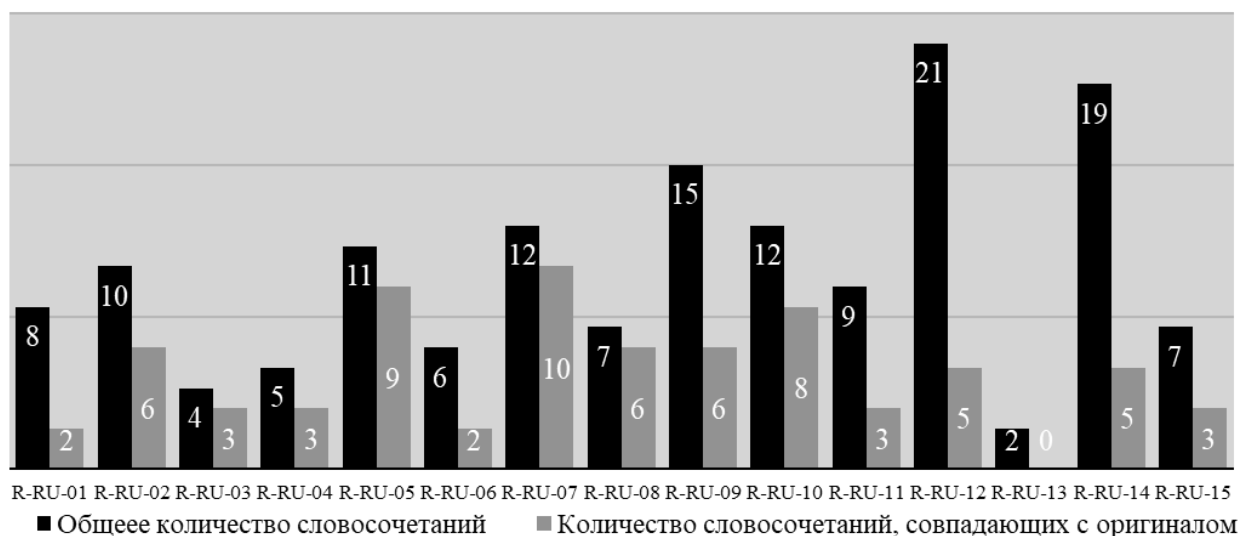

Рис. 13

4.3.8. Выводы

Для корпуса R⁸⁰ были рассмотрены следующие количественные показатели: общее количество слов с ССК для каждого текста; количество сенсорной лексики каждой модальности; количество синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний; устойчивость сенсорной лексики в составе исследуемых типов словосочетаний в переводе (процентные показатели); частотность слов той или иной части речи для французского и русских текстов.

В корпусе R было обнаружено и проанализировано 712 вхождений слов, содержащих сенсорные семантические компоненты (63 в оригинале, 649 в переводах).

При сравнении количественных показателей сенсорной лексики в текстах корпуса R можно сделать вывод, что в целом переводные тексты менее насыщены словами с ССК, нежели оригинал. Средний показатель по переводам составляет 67 %. Тем не менее, два перевода оказались более насыщены сенсорной лексикой (R-RU-12, перевод Головина — 103 %; R-RU-14, перевод Кроткова — 102 %), нежели оригинальный французский текст.

Примечательно, что не было выявлено линейной зависимости между количеством слов с ССК в тексте и количеством словосочетаний интересующих нас типов. Разумеется, некоторая корреляция присутствует и, как правило, чем больше в тексте сенсорных слов, тем больше будет синестетических, моностетических, идеастетических словосочетаний. Тем не менее, эту тенденцию нельзя назвать абсолютной. Хорошим примером может служить R-RU-13 (перевод Анищенко), где было обнаружено 29 слов с ССК и только два словосочетания, оба идеастетические: *рассекать пространство*

⁸⁰ В корпус R вошли оригинальный текст стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» на французском языке и 15 его переводов на русский язык: переводы В. Эльснера (1909), С. Боброва (1910), В. Набокова (1928), Д. Бродского (1929), Б. Лившица (1935), П. Антокольского (после 1945), Л. Мартынова (1974), М. Кудинова (1982), Д. Самойлова (1984), Е. Витковского (1986), А. Голембы (1988), Е. Головина (дата неизвестна), М. Анищенко (2003-2004), А. Кроткова (2005), А. Чернова (2011).

(физическое действие + ССК зрения), *сон перламутра* (ментальная сфера + ССК зрения).

Наиболее частотной сенсорной модальностью в корпусе R является зрение: количество слов с ССК зрения составило 72 % от общего количества сенсорной лексики в корпусе. Все три типа словосочетаний также чаще всего формируются на основе слов с ССК зрения. Наименее частотной сенсорной модальностью оказалось обоняние (3 % от общего количества сенсорной лексики в корпусе). В исследуемых словосочетаниях ССК обоняния также представлены скудно, в моностетических словосочетаниях всего корпуса и идеастетических словосочетаниях французской части корпуса слова с ССК обоняние не представлены вовсе.

Частеречная принадлежность слов с ССК в корпусе достаточно разнообразна, несмотря на то, что наиболее частотными как для оригинала, так и для переводов оказались прилагательные (55 и 45 % в оригинале и переводах соответственно) и существительные (17 и 32 % в оригинале и переводах соответственно). Тем не менее, полученные результаты свидетельствуют о том, что при составлении перцептивного тезауруса необходимо отталкиваться от словообразовательного гнезда, а не изолированных лексических единиц (если в исследовании не ставится цель изучить именно наиболее распространённый тип словосочетаний прилагательное + существительное).

В корпусе R было обнаружено и проанализировано 168 словосочетаний, содержащих сенсорные семантические компоненты (20 в оригинале, 148 в переводах).

Доминирующим типом словосочетаний в корпусе является идеастезия (64 %). Идеастетические словосочетания представлены в 15 текстах корпуса из 16. Далее следуют синестетические словосочетания (26 %), они представлены в 14 текстах корпуса из 16. Мало представлены в корпусе моностетические словосочетания — всего 10 % по корпусу в целом, при этом 10 % частотность в оригинальном тексте и лишь приходится 0,1 % на переводную часть корпуса. В 7 переводах из 15 моностезия не представлена.

Наиболее частотным сочетанием слов с ССК в рамках синестетического словосочетания как в оригинале, так и в переводах оказалась формула ССК зрения + ССК вкуса.

Моностетические словосочетания в оригинале на 100 % строятся на базе слов с ССК зрения, в переводах есть также примеры с ССК вкуса.

Идеастезия в оригинале представлена сочетаниями с сенсорной лексикой, относящейся к зрению (77 %) и вкусу (23 %). В русскоязычной части корпуса представлены все пять модальностей (зрение — 53 %, вкус — 32 %, осязание — 8 %, слух 5 %, обоняние — 2 %).

Лексика без ССК в составе идеастетических словосочетаний в оригинале была распределена по следующим 5 классам (перечисление идёт в порядке убывания): *эмоции и чувства, ментальная сфера, физические действия, время, дискурс*. В русскоязычной части корпуса были выявлены 11 классов (перечисление идёт в порядке убывания): *физические действия, эмоции и чувства, ментальная сфера, время, природные явления, дискурс, физиологическая сфера/эмоции и чувства, физические свойства, места, бытийная сфера*. Одна лексическая единица ([горька] *мездра*) оказалась неклассифицируемой и попала в группу *прочее*.

В корпусе R лидирует наименее изоморфная модель перевода слов с ССК в составе исследуемых словосочетаний — модель 4 (76 % случаев), то есть полное опущение словосочетания с ССК в переводе. Далее следует противоположная тенденция — модель 1 (21 %), наиболее изоморфная модель. С серьёзным отставанием идут модели 2 (2 %) и 3 (1 %).

Минимальный процент опущения оригинальных словосочетаний с сенсорными компонентами составил 50 % (10 из 20 в R-RU-07, перевод Мартынова). Самый высокий процент опущения — это 100 % (R-RU-13, перевод Анищенко, где не представлено ни одно из словосочетаний оригинала).

Около 30 % словосочетаний переводной части корпуса — это авторские словосочетания, введённые переводчиками в качестве компенсаторной меры. Наибольшее количество авторских словосочетаний наблюдается в R-RU-12

(перевод Головина) и R-RU-14 (перевод Кроткова). Высокий процент добавления новых словосочетаний с одной стороны может объясняться тем, что речь идёт в данном случае о поэтическом переводе, а с другой может свидетельствовать о том, что русский язык может являться более продуктивной средой для формирования словосочетаний с ССК, нежели французский. Однако отметим, что данный вывод носит характер предположения и требует дополнительных исследований на более обширном материале.

Примечательно, что общее количество словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами в переводе не коррелирует с близостью перевода к оригиналу: наиболее насыщенными оказались переводы, авторы которых активно вводили новые словосочетания, опуская при этом оригинальные. Таким образом, в данном случае имеет место характерная для нашего подхода ситуация: соблюдение изоморфизма по одному критерию приводит к его нарушению по-другому.

4.4. Корпус N

Ввиду значительных объёмов корпуса N, для него не рассматриваются показатели общего количества сенсорной лексики в текстах, речь идёт исключительно о словах с ССК в составе интересующих нас типов словосочетаний. При этом возможность анализа всей сенсорной лексики, содержащейся в корпусе, и её сопоставление с той частью, что задействована в словосочетаниях, — это одна из перспектив дальнейшего развития работы. Для этого необходимо создание перцептивного тезауруса для обеспечения по крайней мере частичной автоматизации извлечения искомой лексики.

Одновременно с этим, объём материала позволяет более наглядно представить показатели по каждому тексту и типу словосочетаний отдельно (в то время как для корпуса R были рассмотрены французская и русская части в совокупности, поскольку общее количество словосочетаний в корпусе R примерно в 7 раз уступает тому количеству, что было найдено в корпусе N).

4.4.1. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами в корпусе N

Описание исследуемых типов словосочетаний приводилось ранее в главе 3. В этом пункте будут представлены количественные данные по корпусу N. Прежде всего, определим общее количество словосочетаний в каждом тексте.

Общее количество словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами в корпусе — 1185. Из них 317 относятся к оригинальному тексту N-EN-00; 307 к N-RU-01; 282 к N-FR-02; 279 к N-FR-03.

Если сопоставить общее количество словосочетаний в оригинальном тексте (317) со средним арифметическим по трём переводам, то получим — 289, что составляет примерно 91 %. Таким образом, по количественным показателям оригинал и переводы достаточно близки.

Прослеживается тенденция к сохранению типа словосочетаний при переводе. Например, *cold anger* (N-EN-00) и *rage froide* (N-FR-02) имеют аналогичное строение, оба являются идеастетическими: ССК осязания + слово без ССК (эмоции и чувства). Идеастетическое словосочетание обладает самым высоким показателем стабильности и переводится сочетанием аналогичного типа в 82 % случаев, синестетическое — в 73 %, а моностетическое — в 76 %.

В текстах переводов встречаются авторские словосочетания, которых нет в оригинале. Например, пара *dreadful sins* (N-EN-00) — *вкусные грехи* (N-RU-01), где в русском варианте добавляется ССК вкуса, формируя тем самым дополнительное словосочетание идеастетического типа. Для перевода N-RU-01 насчитывается 45 добавленных словосочетаний, для N-FR-02 — 20, для N-FR-03 — 17. В 89 % случаев добавленное словосочетание является идеастетическим, синестетические и моностетические встречаются гораздо реже (6 и 5 % соответственно).

Рассмотрим количество словосочетаний каждого типа в корпусе (таблица 28).

Тип словосочетания	Компонентная формула	Примеры	Количество в корпусе	Процент
I. Синестетические словосочетания	слово с ССК (x) + слово с ССК (y)	зудящая розовость (N-RU-01) hot sweetness (N-EN-00) froideur de silence (N-FR-03)	209	18 %
II. Моностетические словосочетания	слово с ССК (x) + слово с ССК (x)	humming hush (N-EN-00) ombre rouge (N-FR-02)	34	3 %
III. Идеастетические словосочетания	слово с ССК (x) + слово без ССК	ледяной гнев (N-RU-01) said coldly (N-EN-00) terne Paris (N-FR-03)	942	79 %

Таблица 28

Ранжирование типов словосочетаний по частотности аналогично тому, что мы наблюдаем в корпусе R. Наиболее распространёнными оказываются идеастетические словосочетания, наименее — моностетические, в то время как синестетические занимают промежуточную позицию.

Определим, какая модель перевода слов с ССК в составе исследуемых словосочетаний наиболее характерна для всех переводных текстов корпуса (таблица 29), а в следующих разделах каждый тип словосочетаний будет рассмотрен уже в отдельности.

Модель	Общий процент
1 (полное соответствие)	62 %
2 (модификация в пределах модальности)	17 %
3 (смена модальности)	5 %
4 (опущение)	16 %

Таблица 29

Наиболее частотной оказалась модель 1, большинство переводов было произведено с сохранением семантики сенсорного слова в составе словосочетания (62 %), второе по частотности место заняла модель 2, также обладающая достаточно высокой степенью изоморфизма. Наименее частотной оказалась модель 3.

4.4.2. Синестетические словосочетания в корпусе N

Обнаруженные в корпусе словосочетания можно охарактеризовать в двух аспектах: во-первых, определить частотность семантических компонентов той или иной модальности; во-вторых, выявить типичные паттерны сочетания слов с компонентами различных сенсорных модальностей.

В таблице 30 в порядке убывания указано количество слов с ССК различных модальностей для каждого текста и общий процент по корпусу.

Сенсорная модальность ССК	N-EN-00	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
Зрение	36	36	31	32	35 %
Осязание	26	30	24	26	27 %
Слух	24	28	20	22	24 %
Вкус	10	8	5	8	8 %
Обоняние	3	6	4	7	5 %

Таблица 30

Ранжирование ССК по модальностям одинаково для английской, русской и французской частей корпуса. Наиболее частотными являются слова с ССК зрения, затем с небольшим отставанием следуют осязание и слух. Наименее частотными оказываются ССК вкуса и обоняния.

Чтобы определить степень изоморфизма при переводе слов с ССК в синестетических словосочетаниях, следует выявить, какие модели перевода будут доминантными для этого типа словосочетаний (таблица 31).

Модель	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
1 (полное соответствие)	72 %	53 %	64 %	63 %
2 (модификация в пределах модальности)	8 %	14 %	15 %	13 %
3 (смена модальности)	5 %	11 %	2 %	6 %
4 (опущение)	15 %	22 %	19 %	18 %

Таблица 31

Согласно результатам, уровень изоморфизма достаточно высокий, поскольку доминантной является модель 1, кроме того, относительно часто встречается модель 2, которая в целом также подразумевает сохранение изоморфизма по критерию соотнесённости ССК с сенсорным каналом. Второй по частотности оказалась наименее изоморфная модель 4. Самый редкий паттерн — модель 3, показатель на порядок ниже для всех переводных текстов.

Далее рассмотрим, какие комбинации сенсорных модальностей для слов с ССК являются наиболее распространёнными в текстах корпуса. Напомним, что частеречная структура и синтаксические характеристики в данном случае не учитывались. То есть словосочетания *to echo greenly* (N-EN-00), *зелёное эхо* (N-RU-01), *écho verdoyant* (N-FR-03) будут расцениваться как одинаковые с точки зрения их структуры (ССК зрение + ССК слух) и попадут в категорию зрение-слух. Таким образом, возможны оказались 10 различных комбинаций слов с ССК. Все они в той или иной мере представлены в текстах корпуса (таблица 32).

Комбинации слов с ССК	N-EN-00	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
зрение-осязание	32 %	33 %	38 %	36 %	34 %
зрение-слух	34 %	29 %	28 %	24 %	29 %
зрение-вкус	6 %	2 %	3 %	4 %	4 %
зрение-обоняние	-	2 %	-	2 %	1 %
осязание-слух	13 %	17 %	18 %	13 %	15 %
вкус-осязание	4 %	2 %	-	2 %	2 %
вкус-обоняние	4 %	4 %	5 %	4 %	4 %
вкус-слух	4 %	6 %	3 %	4 %	4 %
обоняние-осязание	2 %	6 %	5 %	4 %	4 %
обоняние-слух	-	-	3 %	4 %	2 %

Таблица 32

Примечательно, что для оригинала наиболее распространённым является сочетание зрение-слух (34 %), в то время как для переводов — зрение-осязание.

Реже всего в корпусе встречались комбинации зрение-обоняние (пример из N-RU-01 — *душистая тень*) и обоняние-слух (такие словосочетания встречаются только во французских текстах, пример из N-FR-02 — *parfum avec des harmoniques*).

Вопрос о том, какие паттерны синестетического переноса являются доминантными, достаточно актуален. Наши результаты отличаются от количественных данных, полученных в ходе работы с английским, немецким [Day 1996], китайским [Yu 2003] и японским [Shinohara, Nakayama 2011] языками. Общей для всех работ является лишь одна тенденция: как правило, стабильно высокие показатели имеет категория зрения в различных комбинациях с другими модальностями, это подтверждается и в обзоре [Strik Lievers, Huang, Xiong 2021]. Однако сравнивать результаты перечисленных работ было бы не вполне корректно, ведь методология исследований отличается. Day и Yu работали с художественным текстом, а Shinohara и Nakayama проводили эксперимент совсем иного рода (questionnaire-based comprehensibility test), кроме того, единица анализа (синестетическая метафора), используемая в этих исследованиях, не вполне соответствует нашему синестетическому словосочетанию.

4.4.3. Моностетические словосочетания в корпусе N

Моностетические словосочетания мало представлены в корпусе, их количество составляет лишь 3 % от общего числа единиц. Рассмотрим, какие ССК являются наиболее частотными для такого типа словосочетаний (таблица 33).

Сенсорная модальность ССК	N-EN-00	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
Зрение	8	14	6	10	56 %
Осязание	4	4	10	2	29 %
Слух	2	2	2	4	15 %

Таблица 33

Ранжирование ССК по трём первым позициям совпадает с тем, что было характерно и для синестетических словосочетаний: доминирует зрение, далее следуют осязание и слух. Вкус и обоняние оказались не представлены в этом типе словосочетаний.

Моностетические словосочетания характеризуются высокой степенью изоморфизма (таблица 34), как и синестетические. Однако количественное распределение моделей перевода происходит несколько иначе: доминантной оказывается модель 1 (59 %), затем с достаточно высоким показателем в 22 % следует модель 2. Процент отсутствия переводного соответствия для моностетических словосочетаний оказался ниже, чем для синестетических и составил лишь 15 %. примечательно, что в переводе на русский не зафиксировано ни одного случая применения модели 4. Модель 3, как и в случае с синестетическими словосочетаниями, оказалась наименее частотной и совсем не использовалась в переводах на французский (4 %).

Модель	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
1 (полное соответствие)	67 %	56 %	56 %	59 %
2 (модификация в пределах модальности)	22 %	22 %	22 %	22 %
3 (смена модальности)	11 %	-	-	4 %
4 (опущение)	-	22 %	22 %	15 %

Таблица 34

В моностетических словосочетаниях слова включают семантические компоненты одинаковой сенсорной модальности, поэтому в данном случае параметр комбинаций слов с различными ССК в рамках словосочетания не релевантен.

4.4.4. Идеастетические словосочетания в корпусе N

Идеастетические словосочетания наиболее широко представлены в корпусе и составляют около 79 % от общего количества единиц анализа.

Рассмотрим в таблице 35 ранжирование частотности ССК для этого типа словосочетаний.

Сенсорная модальность ССК	N-EN-00	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
Зрение	57 %	59 %	59 %	57 %	54 %
Осязание	26 %	25 %	26 %	28 %	26 %
Слух	9 %	7 %	7 %	7 %	8 %
Вкус	6 %	6 %	6 %	5 %	6 %
Обоняние	2 %	2 %	3 %	3 %	2 %

Таблица 35

Зрение и осязание оказываются самыми частотными и для идеастетических словосочетаний. Далее с серьёзным отставанием следуют вкус и слух. Неизменно малым процентом, как и для предыдущих типов, характеризуются слова с ССК обоняния.

Идеастетические словосочетания обладают самой высокой степенью изоморфизма (таблица 36), частотность модели 1 достигает 65 %, что превышает, хотя и не значительно, показатели этой модели для других типов словосочетаний. Особенно высок показатель для русского перевода (74 %). Далее следует относительно изоморфная модель 2 и с небольшим отставанием модель 4, подразумевающая отсутствие переводного соответствия. Стабильно низкие показатели имеет модель 3.

Модель	N-RU-01	N-FR-02	N-FR-03	Общий процент
1 (полное соответствие)	74 %	56 %	67 %	65 %
2 (модификация в пределах модальности)	16 %	20 %	12 %	16 %
3 (смена модальности)	2 %	5 %	3 %	4 %
4 (опущение)	8 %	19 %	18 %	15 %

Таблица 36

4.4.5. Семантические классы слов, входящих во взаимодействие с сенсорной лексикой, в идеастетических словосочетаниях корпуса N

Достаточно сложным является вопрос о сочетаемости сенсорной лексики и слов, не имеющих отношения к перцепции. Как было сказано выше, словосочетания, где слово с ССК используется для объективных характеристик, не представляют интереса в рамках нашего исследования (*белая юбка, громкая музыка*). Следовательно, необходимо обозначить некий набор семантических классов, которые вступают во взаимодействие с ССК. Подробно выделенные семантические классы были описаны в главе 3. В этом разделе будут рассмотрены количественные данные по идеастетическим словосочетаниям корпуса N.

В таблице 37 — общие количественные данные по корпусу N. Категории расположены в порядке убывания, т.е. от наиболее к наименее частотным.

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний
лица	166
время	111
эмоции и чувства	109
ментальная сфера	77
свойства человека	69
дискурс	57
части тела, лица и органы человека	48
места	46
ситуации	40
бытийная сфера	31
физиологическая сфера/эмоции и чувства	29
физические свойства	23
природные явления	23
физиологическая сфера	22
физические действия	11
события	9

Таблица 37

Самой характерной структурой для идеастетического словосочетания оказалась формула *слово с ССК + лицо*. Достаточно высокие показатели имеют также категории *времени* и *эмоций и чувств*. Реже всего встречались словосочетания с сенсорной характеристикой для *физических действий* и *событий*.

Ряд единиц (71 пример) не удалось классифицировать, они не были причислены ни к одной из выделенных групп и требуют дальнейшего рассмотрения на расширенном материале (возможно, будут сформированы новые семантические классы). Однако следует подчеркнуть, что от общего количества единиц неклассифицируемые составляют лишь 8 %. Примеры таких единиц: [sharp] *unity*, [нежная] *анонимность*, [tendre] *anonymat* и др.

Рассмотрим данные и примеры по каждому тексту в отдельности (таблицы 38–41). Во всех таблицах для наглядности категории расположены в порядке убывания, т.е. от наиболее к наименее частотным.

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний N-EN-00	Примеры
лица	46	[cold] <i>female</i> , [warm] <i>Lolita</i> , [sweet] <i>fool</i>
время	31	[glitter of] <i>summer</i> , [bitter] <i>days</i>
эмоции и чувства	31	[melody of] <i>relief</i> , [radiance of] <i>adoration</i>
ментальная сфера	21	[fragrant] <i>thoughts</i> , [colorless] <i>mind</i>
дискурс	16	[sparkle of] <i>conversation</i> , [bitter] <i>end of the letter</i>
свойства человека	14	[titillation of] <i>vanity</i> , [aglow with] <i>curiosity</i>
места	14	[sweet] <i>Europe</i> , [bright] <i>world</i>
части тела, лица и органы человека	13	[cold] <i>lap</i>
ситуации	11	[blackness of the] <i>crime</i>
бытийная сфера	9	[burning] <i>life</i> , [fragrant] <i>presence</i>
физические свойства	7	[silvery] <i>precision</i>
физиологическая сфера	7	[hot] <i>tears</i>
физиологическая сфера/эмоции и чувства	6	[music of] <i>pain</i>
природные явления	6	<i>windy</i> [grayness]
события	2	[wine-sweet] <i>event</i>
физические действия	0	-

Таблица 38

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний N-RU-01	Примеры
лица	38	[медовая] <i>дурочка</i> , [холодная] <i>Гейзиха</i>
время	26	[тусклый] <i>день</i> , [темнейшее] <i>прошлое</i>
эмоции и чувства	24	[сладкое] <i>облегчение</i> , [сияние] <i>счастья</i>
свойства человека	20	[свечение] <i>невинности</i> , <i>чудаковатость</i> [тяжеловата]
ментальная сфера	19	[тусклый] <i>сон</i> , [позвякивала] <i>мысль</i>
дискурс	19	[благоуханные] <i>бредни</i> , [отполированные] <i>слова</i>
места	12	[чёрная] <i>Гумбрия</i> , [серый] <i>Париж</i>
ситуации	12	<i>ситуации</i> [обесцвечены], [тьень] <i>измены</i>
физические действия	11	[сумрачно] <i>льнула</i> , [сладко] <i>улыбаясь</i>
части тела, лица и органы человека	10	[гулкий] <i>мозг</i> , [нежный] <i>глаз</i>
физиологическая сфера	10	[липкий] <i>озноб</i> , [жар] <i>позыва</i>
физиологическая сфера/эмоции и чувства	7	[музыка] <i>мук</i> , [проблеск] <i>блаженства</i>
бытийная сфера	6	[увесистая] <i>смерть</i> , [душистое] <i>появление</i>
физические свойства	6	[серебряная] <i>точность</i>
природные явления	5	<i>воздух</i> [зелен]
события	2	[мрак] <i>Мировой Войны</i>

Таблица 39

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний N-FR-02	Примеры
лица	41	<i>victime</i> [veloutée], <i>Miss Fabian</i> [étiolée]
эмоции и чувства	30	<i>extase</i> [rosée], <i>allégresse</i> [se ternissait]
время	27	[ombre du] <i>passé</i> , <i>printemps</i> [aigret]
ментальная сфера	21	<i>arrière-pensée</i> [tinta], <i>rêves</i> [amers]
свойства человека	18	[terne] <i>athéisme</i> , [pesante] <i>dignité</i>
дискурс	12	[lueur d'] <i>ironie</i>
части тела, лица и органы человека	11	[caressa de ses] <i>yeux</i>
физиологическая сфера/эмоции и чувства	11	[sourd] <i>malaise</i>
места	9	[douce] <i>cit� de Briceland</i>
бытийная сфера	7	[sombre] <i>existence</i>
ситуации	6	<i>situations</i> [obscures]
физические свойства	6	<i>beaut�</i> [diaphane]
природные явления	5	<i>air</i> [lumineux]
физиологическая сфера	2	<i>larmes</i> [br�lantes]
события	2	<i>guerre mondiale</i> [pesait]
физические действия	0	-

Таблица 40

Семантический класс слова без ССК	Количество идеастетических словосочетаний N-FR-03	Примеры
лица	41	<i>nymphette</i> [limpide], <i>Lolita</i> [amande]
время	27	<i>nuit</i> [de velours], <i>temps</i> [noir]
эмоции и чувства	24	<i>soulagement</i> [mélodieux], <i>rage</i> [froide]
свойства человека	17	<i>amabilité</i> [chaleureuse], <i>grâce</i> [âpre]
ментальная сфера	16	<i>souçons</i> [obscurs], <i>esprit</i> [terne]
части тела, лица и органы человека	14	<i>yeux</i> [veloutés]
места	11	<i>Paris</i> [terne]
ситуации	11	[éblouissant] <i>adultère</i>
дискурс	10	<i>rapport</i> [corsé]
бытийная сфера	9	<i>mort</i> [compacte], <i>résurrection</i> [smaragdine]
физиологическая сфера/эмоции и чувства	7	[mélodie de la] <i>souffrance</i>
природные явления	7	<i>air</i> [limpide]
физические свойства	4	[argentine] <i>précision</i>
физиологическая сфера	3	[feu de] <i>l'appétit</i>
события	3	<i>première</i> [éblouissante]
физические действия	0	-

Таблица 41

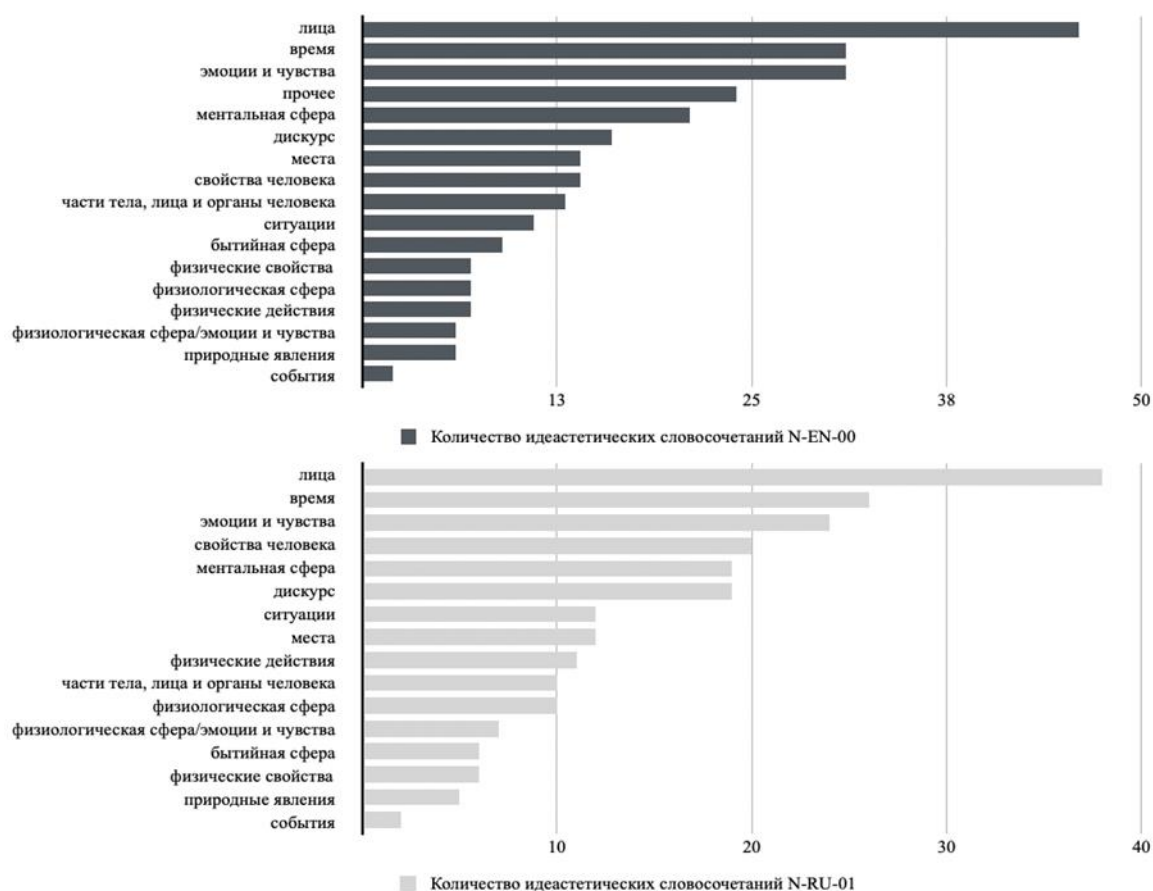
Категория *лица* сохраняет первое место по частотности во всех текстах. Модель ССК + *лицо* оказалась наиболее продуктивной в корпусе. Вероятно, что в данном случае результаты нашего исследования могут служить подтверждением определённой тенденции. Сенсорные ассоциации, возникающие по отношению к человеку, описаны в исследованиях нейрофизиологов (напр., [Novich et al. 2011]). Этот паттерн прослеживается и

на уровне языка: не только на материале нашего корпуса, но и в обыденной речи — любимых и приятных нам людей мы называем *сладкими*, скупых на эмоции — *холодными*, привлекательных, страстных — *горячими* и др. Схожие примеры приводились также в описанных ранее исследованиях (глава 3).

Наряду с категорией *лица* достаточно частотными оказались категории *времени* и *эмоции и чувств*. С некоторым отставанием следуют *ментальная сфера* и *свойства человека*, тем не менее эти категории также широко представлены в словосочетаниях корпуса N.

Категория *физические действия* представлена лишь в одном тексте из четырёх. Стабильно низкие показатели имеют также категории *события*, *физиологическая сфера* и *природные явления*.

Представим полученные данные в виде сводного графика частотности категорий во всех текстах корпуса N для большей наглядности (рис. 14).

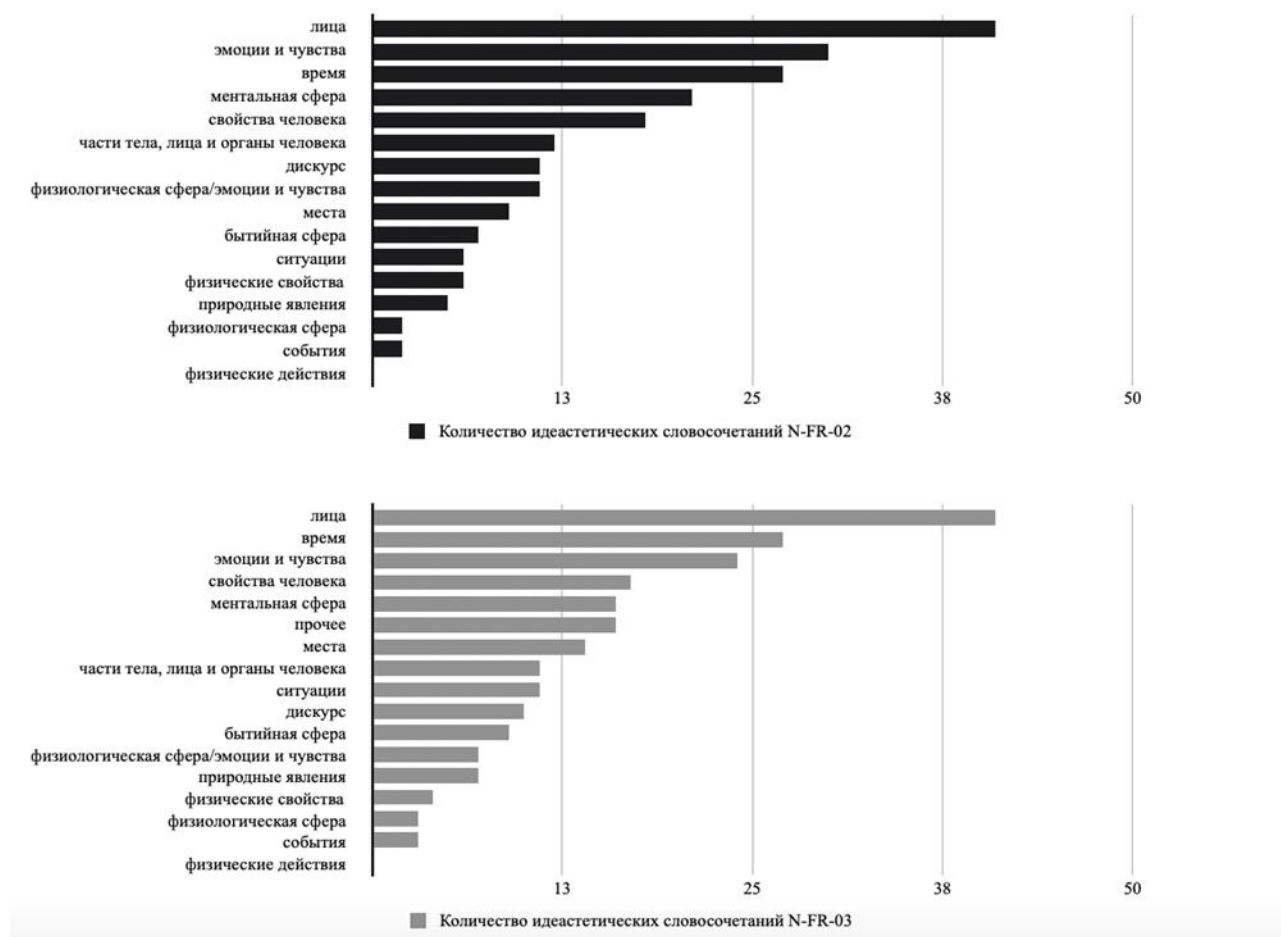

Рис. 14

4.4.6. Выводы

Для корпуса N⁸¹ были рассмотрены следующие количественные показатели: количество синестетических, моностетических и идеастетических словосочетаний; количество сенсорных компонентов той или иной модальности в составе исследуемых словосочетаний; устойчивость сенсорной лексики в составе исследуемых типов словосочетаний в переводе (процентные показатели).

В корпусе N было обнаружено и проанализировано 1185 словосочетаний, содержащих сенсорные семантические компоненты: 317 в N-EN-00; 307 в N-RU-01; 282 в N-FR-02; 279 в N-FR-03. С точки зрения количества словосочетаний все переводы достаточно близки к оригиналу. Средний

⁸¹ В корпус N вошли оригинальный текст романа «Лолита» В. Набокова на английском языке (1955), русский автоперевод (1967) и два французских перевода — Эрик Каан (1959) и Морис Кутюрье (2001).

процент количественного соответствия по этому параметру в переводной части корпуса — 91 %. Однако не все словосочетания являются переводными соответствиями оригинальному тексту, выявлено также некоторое количество добавленных словосочетаний. Ввиду объёма текстов было бы не вполне корректно обозначать добавление словосочетаний как компенсаторную меру (как было сделано при характеристике корпуса R). В случае с франкоязычными текстами можно говорить о стремлении переводчиков сохранить насыщенность текста фигурами, характерными для стиля автора оригинала. В случае с русским переводом следует принять во внимание тот факт, что перевод является авторским. Именно автоперевод на русский язык оказался наиболее насыщен добавлениями — обнаружено 45 добавленных словосочетаний (15 % от общего количества), в то время как во французских — 20 и 17 соответственно (8 и 7 % от общего количества).

Слова с ССК в составе словосочетаний обладают высокой степенью устойчивости семантики при переводе: лидирует модель 1, то есть наиболее изоморфная (62 % в среднем по всем переводам). Модель 2 (модификация семантики в пределах одной сенсорной модальности) имеет показатель 17 %, а наименее изоморфная модель 4 — 16 %. Наименее представлена в переводной части корпуса модель 3 (модификация семантики со сменой сенсорной модальности) — 5 %.

Стоит отметить, что во французской части корпуса показатели для модели 4 (полное опущение) были стабильно более высокими, нежели в русском переводе. Например, при переводе сенсорных слов в идеастетических словосочетаниях в русском тексте показатель для модели 4 составил 8 %, а во французских текстах — 19 % и 18 % соответственно. Для сенсорной лексики в моностетических словосочетаниях модель 4 совсем не была использована при переводе на русский (0 %), однако достаточно активно использовалась при переводе на французский — для обоих французских текстов показатель составил 22 %. Частотность моделей перевода в корпусе N визуализировала на рис. 15.

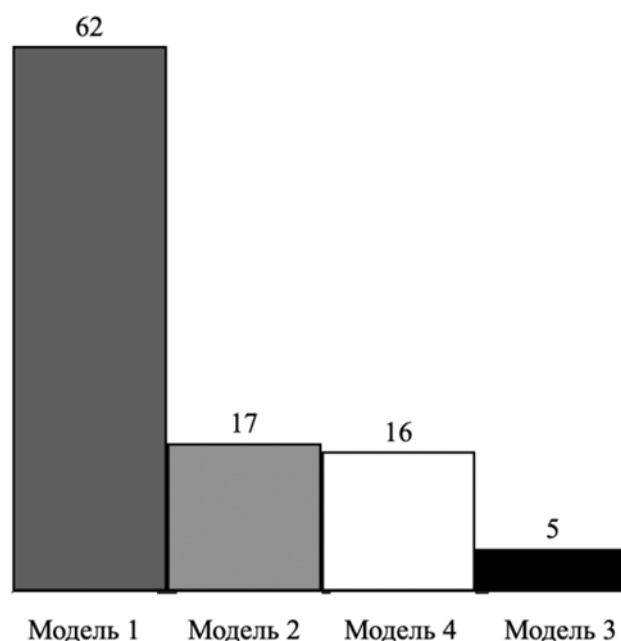

Рис. 15

Примечательно, что устойчивостью обладают не только сенсорные слова в составе словосочетаний, но и сами словосочетания по параметру сохранения типа. Идеастетическое словосочетание переводится как идеастетическое, без смены типа в 82 % случаев, моностетезия сохраняет структуру в переводе в 76 %, синстетезия в 73 %. Для всех трёх словосочетаний сохранность структуры высока.

Наиболее частотными в корпусе оказались идеастетические словосочетания (79 % от общего количества словосочетаний). В идеастетических словосочетаниях доминирует форма ССК зрения + N (54 %). Далее по частотности идут словосочетания с лексикой, относящейся к области осязания (26 %), слуха, (8 %) вкуса (6 %), обоняния (2 %). В идеастетических словосочетаниях корпуса R сенсорная лексика входит во взаимодействия с 16 классами слов без ССК (расположение в порядке убывания): *лица; время; эмоции и чувства; ментальная сфера; свойства человека; дискурс; части тела, лица и органы человека; места; ситуации; бытийная сфера; физиологическая сфера/эмоции и чувства; физические свойства; природные явления; физиологическая сфера; физические действия; события*. Кроме того, были

выявлены не поддающиеся классификации на данном этапе исследования единицы (8 % от общего количества, были включены в категорию *прочее*). Наиболее представленными оказались следующие семантические классы: *лица* (166 примеров), *время* (111 примеров), *эмоции и чувства* (109 примеров). Реже всего встречались словосочетания, где сенсорное слово характеризовало *события* (9 примеров).

Следующую по частотности позицию в корпусе заняли синестетические словосочетания (18 %). Наиболее характерные сочетания сенсорных модальностей слов с ССК в рамках синестетических словосочетаний в корпусе N — зрение-осязание (34 %); зрение-слух (29 %); осязание-слух (15 %). Реже всего встречались сочетания зрение-обоняние (1 %, такой тип словосочетаний представлен лишь в текстах N-RU-01, N-FR-03); обоняние-слух (2 %, встречались только во франкоязычной части корпуса); осязание-вкус (2 %, не представлены в тексте N-FR-02).

Моностетические словосочетания мало представлены в текстах корпуса N, общий показатель составляет лишь 3 % от общего количества исследуемых словосочетаний. В текстах корпуса N такие словосочетания строятся на базе слов с ССК зрения (56 %), осязания (29 %) или слуха (15 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общие выводы

В работе был проанализирован опыт изучения сенсорного восприятия в целом и синестезии в частности, особое внимание в обзоре уделялось лингвистическим исследованиям, посвящённым сенсорной лексике и синестетическим метафорам.

Интерес к перцепции прослеживается в истории науки с античной эпохи, при этом концепции восприятия вписаны в контекст философских течений (атомизм Демокрита, дуализм Платона и др.). Ключевым для становления научного понимания перцепции оказывается период с XVII-го в. до первой половины XX-го в. Именно тогда наиболее активно исследуются устройство и функциональные особенности органов чувств (И. Кеплер, Г. Т. Фехнер, Г. Гельмгольц и др.). В настоящее время сенсорное восприятие является предметом интереса множества дисциплин, в том числе и лингвистики. Вопросы, связанные с отображением сенсорного восприятия в языке, рассматривались среди прочих в рамках семантики и лексикологии. Сенсорная лингвистика как отдельная дисциплина начинает становление в XXI в., в настоящее время вырабатываются методологические основы и терминологический аппарат для этой области языкознания.

Первые упоминания о синестезии в понимании, приближенном к современному, прослеживаются, начиная с XIX в. (Л. Сакс, Т. Флурнуа и др.). Франкоязычные исследователи уделяли особое внимание изучению феномена с медицинской точки зрения (Л.-М.-А. Педрона, Ф. С. Де Мендоза и др.). Изначально подобная особенность восприятия квалифицировалась как патология. Интерес к феномену с точки зрения лингвистики возникает во второй половине XX-го века. В современной лингвистике синестезия изучается в различных аспектах: исследование сенсорных ассоциаций с языковыми единицами различного порядка (Д. Симнер, Д. Манкин, Р. Роу и др.); языковая

синестезия как модель семантического перехода (С. Ульманн, Д. Уильямс, Ж. Цао и др.); языковая синестезия как особый тип метафоры и др.

Проблематика нашей работы связана как с сенсорной лингвистикой, так и с языковыми проявлениями синестезии. В работе рассматривается понятие **словосочетания с сенсорными семантическими компонентами** (где как минимум одно из слов содержит сенсорный семантический компонент, при этом сенсорное слово не служит для обозначения объективно присущих предмету характеристик, исключаются такие словосочетания, как *вкусное яблоко* или *чёрное платье*), предлагается новый подход к анализу таких словосочетаний.

В отечественной и зарубежной лингвистике для обозначения словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами, как правило, используется термин «синестетическая метафора». В работе показано, что такое решение представляется не вполне корректным: во-первых, не все исследуемые словосочетания можно охарактеризовать как полисенсорные (именно это свойство является определяющим для синестезии); во-вторых, не все исследуемые словосочетания можно отнести к метафоре, в материале встречаются другие типы фигур (как семантические, так и синтаксические)⁸².

Основой для формирования исследуемых словосочетаний служит **сенсорная лексика** — это лексические единицы, включающие один или более **сенсорный семантический компонент** (сема, относящейся к области перцепции, далее ССК). В обобщённом виде описанные категории сенсорной лексики представлены в таблице 42 с примерами из корпусов.

⁸² Более подробно обоснование выбранной терминологии изложено в главе 3.

Основание классификации	Категории	Примеры
I. Сенсорная модальность	Лексика с ССК зрения	<i>green, light, lumière, светлый, пятнистый</i>
	Лексика с ССК слуха	<i>sound, music, mélodie, bruit, топот, голос</i>
	Лексика с ССК вкуса	<i>sweet, sour, doux, amertume, медовый, кислый</i>
	Лексика с ССК осязания	<i>touch, toucher, lisse, froideur, горячий, жар</i>
	Лексика с ССК обоняния	<i>perfume, odeur, пахучий</i>
II. Количество ССК	Монокомпонентные лексические единицы	<i>pink, зеленохвостый</i> (ССК зрения)
	Поликомпонентные лексические единицы	моносенсорные слова — <i>bittersweet</i> (ССК вкуса + ССК вкуса), <i>сине-жёлтый, чёрно-белый</i> (ССК зрения + ССК зрения)
		полисенсорные слова — <i>золотисто-невучий</i> (ССК зрение + ССК слуха), <i>sweet-toasting</i> (ССК вкуса + ССК слуха)
III. Позиция ССК в семантике слова	Лексика с ядерным ССК	<i>black, густой, шершавость</i>
	Лексика с периферийным ССК	<i>emerald, golden, ледяной, яблочный</i>

Таблица 42

Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами, в свою очередь, разделены на три типа в зависимости от количества и сенсорной модальности включённых ССК. Краткая характеристика каждого типа словосочетаний дана в таблице 43 с примерами из корпусов⁸³.

	Тип словосочетания	Компонентная формула	Примеры	Частотность в корпусе R	Частотность в корпусе N
I	Синестетическое словосочетание	слово с ССК (x) + слово с ССК (y)	<i>зудящая розовость, hot sweetness, froideur de silence</i>	26 %	18 %

⁸³ Подробное описание каждого типа словосочетаний представлено в главе 3.

II	Моностетическое словосочетание	слово с ССК (x) + слово с ССК (x)	<i>humming hush, ombre rouge, солёная горечь</i>	10 %	3 %
III	Идеастетическое словосочетание	слово с ССК (x) + слово без ССК	<i>ледяной гнев, said coldly, terne Paris</i>	64 %	79 %

Таблица 43

Было расширено представление о сочетаемости сенсорной лексики в идеастетических словосочетаниях. Ранее отмечалось, что сенсорная лексика может вступать во взаимодействие с аффективной или же с абстрактными понятиями. В ходе анализа идеастетических словосочетаний в корпусах было выделено значительно больше семантических классов: *лица; части тела, лица и органы человека; физиологическая сфера; эмоции и чувства; ментальная сфера; свойства человека; дискурс; места; время; события; природные явления; бытийная сфера; ситуации; физические действия; физические свойства.*

Были определены основные закономерности, характерные для перевода слов с ССК в составе исследуемых типов словосочетаний и сформированы четыре модели перевода, которые в обобщённом виде представлены в таблице 44.

	Модель перевода	Характеристика	Типовой пример	Частотность в корпусе R	Частотность в корпусе N
1	Совпадение	ССК в оригинале и переводе относится к одной и той же модальности и характеризуется максимальной семантической близостью	<i>rouge — красный; sour — кислый</i>	21 %	62 %
2	Модификация семантики в пределах одной модальности	ССК в оригинале и переводе относится к одной и той же модальности, однако семантика слова претерпевает некоторые изменения	<i>rouge — багровый; sour — кисло-сладкий</i>	2 %	17 %

3	Модификация семантики со сменой модальности	ССК в оригинале и переводе относится к различным сенсорным модальностям, что закономерно влечёт за собой серьёзные изменения семантики	<i>rouge</i> — <i>горький</i> ; <i>sour</i> — <i>громкий</i>	1 %	5 %
4	Опущение	ССК присутствует в оригинале и отсутствует в переводе	<i>rouge</i> — ∅; <i>sour</i> — ∅	76 %	16 %

Таблица 44

При сопоставлении количественных данных, полученных из корпусов, были обнаружены как общие тенденции, так и расхождения.

Лексические единицы с ССК зрения оказались наиболее частотными в обоих корпусах и во всех трёх типах словосочетаний. Есть и некоторое различие: синестетические словосочетания в корпусе R чаще всего строились по формуле *ССК зрения + ССК вкуса*, а в корпусе N — *ССК зрения + ССК осязания*. При этом, в обоих корпусах наименее частотной оказались слова с ССК обоняния.

Количественное распределение между тремя типами словосочетаний в обоих корпусах также совпадает. Как в корпусе R, так и в корпусе N идеастетические словосочетания встречаются значительно чаще остальных типов, моностетические словосочетания крайне малочисленны, а синестетические занимают промежуточную позицию.

Основные расхождения наблюдаются в том, что касается соответствия переводной части корпусов оригиналам. Вероятно, такое различие связано с тем, что в корпусе R собраны поэтические тексты. Как известно, поэтический перевод может характеризоваться гораздо меньшим уровнем изоморфизма. Доминантной моделью перевода в корпусе R оказалась модель 4, то есть наименее изоморфная модель. При этом, корпус R характеризуется значительным количеством авторских словосочетаний с ССК, которые не имеют соответствия в оригинальном тексте и были добавлены при переводе. Процент добавленных словосочетаний в корпусе R составил 30 %, в то время

как корпусе N добавления составляют лишь 10 % от общего количества. В корпусе R доминирует модель 1, то есть наиболее изоморфная. Вместе с тем, неизменно низкие показатели в обоих корпусах получила модель 3 (модификация семантики со сменой модальности).

Итоги и перспективы

Обзор существующих исследований показал, что сенсорная лингвистика в настоящее время — область языкознания, которая находится в процессе становления. Было выявлено, что методология и терминологический аппарат сенсорной лингвистики не были окончательно сформированы. Исследования, связанные с проблемами сенсорной лингвистики, характеризуются большим разнообразием, поскольку речь идёт об отображении процесса восприятия на различных уровнях языковой системы.

Для создания более формального лингвистического описания предмета исследования был очерчен класс лексических единиц, которые были включены в понятие сенсорной лексики, которое было дано в работе. В дальнейшем предложенная классификация может послужить для создания тезауруса сенсорной лексики, который мог бы дополнить существующие в настоящее время ресурсы. Создание тезауруса позволило бы частично автоматизировать процесс извлечения этого класса лексики из корпусов и работать с более значительными объёмами данных.

Предложенная в работе система деления словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами на синестетические, моностетические и идеастетические в зависимости от количества и модальности задействованных сенсорных компонентов позволяет разграничить собственно синестетические словосочетания и явления, близкие к синестезии, однако не тождественные ей.

Классификация словосочетаний по трём типам позволила также значительно расширить представление о сочетаемости сенсорной лексики в составе исследуемых словосочетаний. Полученное знание может способствовать развитию корпусных исследований, в частности может быть

использовано для автоматического распознавания метафоры при изучении метафор, связанных с сенсорной лексикой.

Описание словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами, предложенное в работе, становится более полным благодаря сопоставительному аспекту исследования, обусловленному спецификой материала. На материале корпусов параллельных текстов были выявлены модели перевода сенсорной лексики в составе исследуемых словосочетаний. Модели перевода позволяют сделать предварительные выводы о степени устойчивости словосочетаний подобного типа при переводе.

Переводные соответствия, выявленные в ходе анализа материала, могут быть использованы для сопоставления семантики отдельных лексических единиц с сенсорными компонентами в оригинале и переводе.

Предложенные инструменты анализа могут быть использованы на материале других языков. В дальнейшем, при условии доработки, система может быть применена и для анализа корпусов общего назначения, что позволило бы получить более информативные результаты для характеристики предмета исследования. Тем не менее, проведение пилотных исследований на специальных корпусах небольшого объёма — необходимый этап на пути к работе с большими данными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б. Г.* Теория ощущений. — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1961. — 458 с.
2. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды: в 2 т. — Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.
3. *Аристотель.* Риторика, Поэтика. — М.: Лабиринт, 2000. — 224 с.
4. *Аристотель.* Сочинения: в 4-х т. — Т. I. — М.: Мысль, 1976. — 623 с.
5. *Арутюнова Н. Д.* Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики / Под ред. В. П. Григорьева. — М.: Наука, 1981. — С. 3–22.
6. *Асмус В. Ф.* Платон. Избранные диалоги. — М.: Художественная литература, 1965. — 422 с.
7. *Асмус В. Ф.* Античная философия. — М.: Высшая школа, 1976. — 544 с.
8. *Баева Н. А., Фомин А. А.* Модели синестетических сочетаний слов и их маркированность (на материале романов Терри Пратчетта) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20, № 3 (178). — С. 110–124.
9. *Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р.* Психология восприятия. — М.: Изд-во Московского Университета, 1973. — 247 с.
10. *Гаспаров М. Л.* Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. — СПб.: Азбука, 2000. — 477 с.
11. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика. Поиск метода. — М.: Академический Проект, 2004. — 368 с.
12. *Гёте И. В.* Учение о цвете. Теория познания. — М.: Эдиториал УРСС, 2011. — 200 с.
13. *Дидро Д.* Сочинения: в 2-х т. — Т. 1 — Ленинград: Художественная литература, 1951. — 592 с.
14. *Добровольский Д. О., Зализняк Анна А.* Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов //

- Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2020. — Т. 25, № 3. — С. 37–50.
15. *Добровольский Д. О., Шмелев А. Д.* Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция что ни говори // Вопросы языкознания. — 2018. — № 5. — С. 34–48.
 16. *Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А.* Общая риторика. — М.: Прогресс, 1986. — 385 с.
 17. *Заиченко А. А., Картавенко М. В.* Синестезия — феноменология, виды, классификации // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. — 2011 — № 3 (5). — С. 1–13. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19112682_54821145.pdf (дата обращения: 06.09.2023).
 18. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
 19. *Зализняк Анна А.* О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог–2009». — 2009. — С. 107–111.
 20. *Зализняк Анна А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. — 2013. — № 2. — С. 32–51.
 21. *Кант И.* Сочинения: в 6-ти т. — Т. VI. — М.: Мысль, 1966. — 743 с.
 22. *Кобозева И. М.* К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара «Диалог–2002» (Протвино, 6–11 июня 2002 г.). Ред. А. С. Нариньяни. — М.: Наука, 2002. — С. 188–196. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (дата обращения: 06.09.2023).
 23. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
 24. *Кобозева И. М.* Свет, звук и запах в их языковой интерпретации (по данным русских глаголов эмиссии) // Проблемы интерпретационной

- лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение / Отв. ред. И. П. Матханова. — Новосибирск: НГПУ, 2013. — С. 5–28.
25. *Кравков С. В.* Взаимодействие органов чувств. — М.: АН СССР, 1948. — 128 с.
26. *Лебединский А. В., Франкфурт У. И., Френк А. М.* Гельмгольц. — М.: Наука, 1966. — 319 с.
27. *Локк Дж.* Сочинения: в 3-х т. — Т. II. — М.: Мысль, 1985. — 560 с.
28. *Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии. — СПб.: Питер, 2006. — 320 с.
29. *Лурье С. Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. — Л.: Наука, 1970. — 667 с.
30. *Льоци М.* История физики. — М.: Мир, 1970. — 464 с.
31. *Маковельский А. О.* Досократики, часть третья (Пифагорейцы, Анаксагор и др.). — Казань: Изд-во книжного магазина М. А. Голубева, 1919. — 226 с.
32. *Масевич А. Ц., Захаров В. П.* Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019.— Т. 17, № 1. — С. 21–48.
33. *Нагорная А. В.* Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. — М.: ИНИОН РАН, 2017. — 86 с.
34. *Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. — М.: Институт языкознания РАН, 2005. — 326 с.
35. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.
36. *Прокофьева Л. П.* Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. — Саратов: Изд-во Саратовского медицинского университета, 2007. — 279 с.
37. *Разлогова Е. Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. — 2017. — № 4. — С. 52–73.

38. *Разлогова Е. Э.* К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2013. — № 3. — С. 101–120.
39. *Разлогова Е. Э., Ярошенко П. В.* Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 77. — С. 66–84.
40. *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9–26.
41. *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания — 2013. — № 2. — С. 3–31.
42. *Рябцева Н. К.* Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка // Труды международного семинара «Диалог–2000» по компьютерной лингвистике и её приложениям. Ред. А. С. Нариньяни. — 2000. — URL: <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/ryabtseva/> (дата обращения: 06.09.2023).
43. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. — М.: Academia, 2005. — 640 с.
44. *Сакс О.* Человек, который принял жену за шляпу. — СПб.: Science Press, 2006. — 339 с.
45. *Сидоров-Дорсо А. В.* Современные исследования синестезии естественного развития (аналитический обзор) // Вопросы психологии. — 2013. — № 4. — С. 147–158.
46. *Сичинава Д. В.* Параллельные тексты в составе национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2015. — № 6. — С. 194–235.
47. *Харченко В. К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. — М.: Либроком, 2012. — 216 с.

48. *Шиляев К. С., Шлотгауэр Е. А.* Концептуальная метафора и метонимия в русскоязычных обзорах вин и коньяков // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 61 — С. 113–134.
49. *Шмелев А. Д.* Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: ТОСКА // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17 июня — 20 июня 2020 г.). — 2020. — Вып. 19 (26). — С. 656–669. — URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5117/shmelevad-044.pdf> (дата обращения 06.10.2023).
50. *Якутина О. Л.* Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX–XXI вв.): Автореф. дис. ... к. филол. н. — М., 2007. — 19 с.
51. *Ярошевский М. Г.* История психологии от античности до середины XX в. — М., 1996. — 416 с.
52. *Ярошенко П. В.* Синестезия в художественном тексте и модели её перевода (на примере стихотворения А. Рембо) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2020а. — № 3. — С. 135–143.
53. *Ярошенко П. В.* Сенсорный семантический компонент как основа для формирования синестезии в тексте (на материале стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» и его русских переводов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020б. — Т. 18. — № 1. — С. 144–156.
54. *Ярошенко П. В.* Специфика исследования языковой синестезии на материале мультязычного параллельного корпуса // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2021. — № 5. — С. 122–130.
55. *Ярошенко П. В.* К проблеме лингвистического понимания идеастезии (на материале мультязычного параллельного корпуса) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2023. — Т. 20. — Вып. 1. — С. 156–169.

56. Ярошенко П. В. Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка — 2023. — Т. 82. — № 4. — С. 91–99.
57. Asano M., Takahashi S., Tsushiro T., Yokosawa K. Synaesthetic colour associations for Japanese Kanji characters: from the perspective of grapheme learning // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences / M. Asano et al. — 2019. — URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2018.0349> (дата обращения: 06.09.2023).
58. Asano M., Yokosawa K. Synesthetic colors for Japanese late acquired graphemes // Consciousness and Cognition. — 2012. — Vol. 21 (2) — P. 983–993.
59. Bacry P. Les figures de style et autres procédés stylistiques. — Paris: Belin, 1992. — 335 p.
60. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (eds.) Text and Technology. — Amsterdam: John Benjamins, 1993. — P. 233–250.
61. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. — London; New York: Routledge, 1992. — 316 p.
62. Barnett K. J., Feeney J., Gormley M., Newell F. N. An exploratory study of linguistic—colour associations across languages in multilingual synaesthetes // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. — 2009. — Vol. 62 (7). — P. 1343–1355.
63. Baron-Cohen S., Harrison J., Goldstein L., Wyke M. Coloured Speech Perception: Is Synaesthesia What Happens When Modularity Breaks Down? // Perception. — 1993. — Vol. 22. — P. 419–426.
64. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. — Paris: Seuil, 1999. — 144 p.
65. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. (eds.) Historical Semantics and Cognition. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. — P. 61–99.

66. *Bleuler E., Lehmann K.* Zwangsmässige Lichtempfindungen durch Schall und verwandte Erscheinungen auf dem Gebiete der andern Sinnesempfindungen. — Leipzig: Fues's Verlag, 1881. — 118 p.
67. *Bonhomme M.* Les figures clés du discours. — Paris: Seuil, 1998. — 92 p.
68. *Bonola A.* The parallel Italian-Russian-Italian Corpus as an Instrument for the Contrastive Study of Discourse and Textual Markers: the Case of *comunque* and Its Russian Translations // *Съпоставително езикознание*. — 2017. — No. 4. — P. 89–104.
69. *Bouissou S., Goubault Ch., Bosseur J.-Y.* Histoire de la Notation, de l'époque baroque à nos jours. — Paris: Minerve, 2005. — 102 p.
70. *Bradley M.* (ed.) *Smell and the Ancient Senses*. — New York: Routledge, 2015. — 210 p.
71. *Bretones-Callejas C. M.* What's your Definition of Synesthesia: a Matter of Language or Thought? // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society* — 2005 — No. 27 — P. 337–341.
72. *Butler S., Nooter S.* (eds.) *Sound and the Ancient Senses*. — New York: Routledge, 2019. — 290 p.
73. *Butler S., Purves A.* (eds.) *Synaesthesia and the Ancient Senses*. — New York: Routledge, 2014. — 240 p.
74. *Cacciari C.* Crossing the senses in metaphorical language // *Raymond J., Gibbs W.* (eds.) *The Cambridge Handbook of metaphor and thought*. — New York: Cambridge University Press, 2008. — P. 425–443.
75. *Condillac E. B. de.* *Essai sur l'origine des connaissances humaines*. — Amsterdam: Pierre Mortier, 1746. — 265 p.
76. *Croijmans I., Majid A.* Not all flavor expertise is equal: The language of wine and coffee experts // *PLOS ONE*. — 2016. — Vol. 11. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0155845> (дата обращения: 06.09.2023).
77. *Cuskley Ch., Dingemanse M., Kirby S., Leeuwen T. van.* Cross-modal associations and synesthesia: Categorical perception and structure in vowel —

- color mappings in a large online sample // *Behavior Research Methods*. — 2019. — Vol. 51. — P. 1651–1675.
78. *Cytowic R.* *Synesthesia*. — Cambridge: The MIT Press, 2018. — 186 p.
79. *Dan Melamed I.* *Empirical Methods for Exploiting Parallel Texts*. — Cambridge: The MIT Press, 2001. — 211 p.
80. *Day S.* *A Brief History of Synesthesia in the Arts*. — 2011. — URL: <http://www.daysyn.com/History.html> (дата обращения: 12.01.2022).
81. *Day S. A.* *Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors // Psyche*. — 1996. — Vol. 2. — P. 2–32. URL: <https://journalpsyche.org/files/Oxaa40.pdf> (дата обращения: 06.09.2023).
82. *Day S. A.* *Synaesthetic metaphors: Doctoral dissertation in Linguistics, Purdue University*. — 1995. — URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
83. *Derwing B. L.* *Against autonomous linguistics. Evidence and Argumentation in Linguistics*. — Berlin: Walter de Gruyter, 1980. — P. 163–189.
84. *Dennett D. C.* *Intuition pumps and other tools for thinking*. — London: Penguin Books, 2013. — 512 p.
85. *Dik S. C., Hengeveld K.* *The hierarchical structure of the clause and the typology of perception verb complements // Linguistics*. — 1991. — Vol. 29. — P. 231–259.
86. *Dixon M. J., Smilek D., Duffy P. L., Zanna M. P., Merikle P. M.* *The Role of Meaning in Grapheme-Colour Synaesthesia // Cortex*. — 2006. — Vol. 42. — P. 243–252.
87. *Dombi Erzsébet P.* *Synaesthesia and poetry // Poetics*. — 1974. — Vol. 3 (3). — P. 23–44.
88. *Dyvik H.* *A translational basis for semantics. Corpora and Crosslinguistic Research: Theory, Method and Case Studies / Stig Johansson and Signe Oksefjell (eds.)*. — Amsterdam: Rodopi, 1998. — P. 51–86.

89. *Eagleman D. M., Melvyn A. G.* Why color synesthesia involves more than color // *Trends in Cognitive Sciences*. — 2009. — Vol. 13 (7). — P. 288–292.
90. *Evans N.* Semantic typology // *Song J. J.* (ed.) *The Oxford handbook of linguistics*. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 504–533.
91. *Fechner G. T.* *Elemente der Psychophysik*. — Vol. 2. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1860. — URL: <https://archive.org/details/elementederpsych001fech/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 12.01.2022).
92. *Fillmore Ch. J.* Frame semantics. *The Linguistics Society of Korea* (ed.) // *Linguistics in the Morning Calm*. — Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. — P. 111–137.
93. *Gale W. A., Church K. W.* A program for Aligning Sentences in Bilingual Corpora // *Proceedings of the 29th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. — Berkeley, California: Association for Computational Linguistics, 1991. — P. 177–184.
94. *Gardes Tamine J.* *La stylistique*. — Paris: Armand Colin, 2010. — 298 p.
95. *Geary J.* *I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World*. — New York: Harper Collins Publishings, 2011. — 652 p.
96. *Genette G.* *Figures I*. — Paris: Seuil, 1966. — 265 p.
97. *Genette G.* *Figures III*. — Paris: Seuil, 1972. — 286 p.
98. *Haspelmath M.* The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and crosslinguistic comparison // *Tomasello M.* (ed.) *The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure*. — 2003. — Vol. 2. — P. 211–243.
99. *Hubbard E.* *L'étrange monde de la synesthésie*. — 2010. — URL: http://acces.ens-lyon.fr/acces/ressources/neurosciences/archives-formation/neuros_apprentissage/association_perceptives (дата обращения: 06.09.2023).
100. *Jewanski J., Simner J., Day S., Rothen N., Ward J.* The evolution of the concept of synesthesia in the nineteenth century as revealed through the history of its

- name // *Journal of the History of the Neurosciences*. — 2020. — Vol. 29, No. 3. — P. 259–285.
101. *Jo C.* A corpus-based analysis of synesthetic metaphors in Korean // *Linguistic Research*. — 2019. — Vol. 36, No. 3. — P. 459–483.
102. *Johansson S.* *Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies.* — Amsterdam: John Benjamins, 2007. — 377 p.
103. *Jürgens U. M., Nikolić D.* Ideaesthesia: Conceptual processes assign similar colours to similar shapes // *Translational Neuroscience*. — 2012. — Vol. 3 (1). — P. 22–27.
104. *Kashkin E. V., Reznikova T. I., Pavlova E. K., Luchina E. S.* Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology // В. П. Селегей (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.): в 2-х т.* — Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: РГГУ, 2013. — P. 227–236. URL: <https://ruslang.ru/doc/kashkin/2012/02.pdf> (дата обращения: 06.09.2023).
105. *Kay P., Regier T.* Language, thought and color: recent developments // *Trends in Cognitive Sciences*. — 2006. — Vol. 10 (2). — P. 51–54.
106. *Kerbrat-Orecchioni C.* *L'implicite.* — Paris: Armand Colin, 1986. — 404 p.
107. *Kumcu A.* Linguistic Synesthesia in Turkish: A Corpus-based Study of Crossmodal Directionality // *Metaphor and Symbol*. — 2021 — Vol. 36, No. 4. — P. 241–255.
108. *Köhler W.* *Gestalt psychology.* — New York: Liveright, 1947. — 384 p.
109. *Kühn K. G.* (ed.) *Claudii Galeni opera omnia.* — 20 vols. — Leipzig: Cnobloch, 1821–1833.
110. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live by.* — Chicago: The University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
111. *Le Goff J., Truong N.* *Une histoire du corps au Moyen Âge.* — Paris: Liana Levi, 2003. — 145 p.

112. *Lee A.* The Ugly Renaissance. — New York: Anchor Academic Publishing, 2015. — 448 p.
113. *Loock R.* La traductologie de corpus. — Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 2016a. — 259 p.
114. *Loock R.* L'utilisation des corpus électroniques chez le traducteur professionnel : quand ? comment ? pour quoi faire ? // ILCEA — 2016b. — Vol. 27. URL: <https://doi.org/10.4000/ilcea.3835> (дата обращения: 06.09.2023).
115. *Loukachevitch N., Dobrov B.* The Sociopolitical Thesaurus as a resource for automatic document processing // Terminology — 2015. — Vol. 21 (2). — P. 237–262.
116. *Lynott D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 423 object properties // Behavior Research Methods. — 2009. — Vol. 41. — P. 558–564.
117. *Macpherson F.* The senses: Classic and contemporary philosophical perspectives. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 432 p.
118. *Majid A., Burenhult N., Stensmyr M., Valk J. de, Hansson B. S.* Olfactory language and abstraction across cultures // Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences. — 2018 — Vol. 373. — 20170139. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2017.0139> (дата обращения: 06.09.2023).
119. *Mankin J., Thompson Ch., Branigan H., Simner J.* Processing compound words: Evidence from synaesthesia // Cognition. — 2016. — Vol. 150. — P. 1–9. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26848730/> (дата обращения: 06.09.2023).
120. *Mankin J.* Deepening understanding of language through synaesthesia: a call to reform and expand // Philosophical Transactions of the Royal Society B. — 2019. — Vol. 374. — 20180350. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2018.0350> (дата обращения: 06.09.2023).
121. *Matthen M.* (ed.) The Oxford Handbook of Philosophy of Perception. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 1232 p.

122. *Millet J.* Audition colorée. — Montpellier, France: Imprimerie Central du Midi (Hamelin frères), 1892. — 84 p.
123. *Molinier Ch.* Les termes de couleur en français. Essai de classification sémantico-syntaxique // Cahiers de Grammaire. — 2006. — Vol. 30. — P. 259–275.
124. *Mroczko-Wąsowicz A., Nikolić D.* Semantic mechanisms may be responsible for developing synesthesia // *Frontiers in Human Neuroscience*. — 2014 — Vol. 8 (509). URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2014.00509/full> (дата обращения: 06.09.2023).
125. *Nikolić D.* Is synaesthesia actually ideasthesia? // *Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art, Granada, 2009*. — URL: <http://www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synaesthesia2009-Nikolic-Ideasthesia.pdf> (дата обращения: 06.09.2023).
126. *Noël D.* Translations as evidence for semantics: an illustration // *Linguistics*. — 2003. — Vol. 41 (4). — P. 757–785.
127. *Novich S., Cheng S., Eagleman D. M.* Is synaesthesia one condition or many. A large-scale analysis reveals subgroups // *Journal of Neuropsychology*. — 2011. — Vol. 5 (2). — P. 353–371.
128. *Paissa P.* La sinestesia: Storia e analisi del concetto. — Brescia: La Scuola. 1995. — 125 p.
129. *Paradis C., Eeg-Olofsson M.* Describing sensory experience: The genre of wine reviews // *Metaphor and Symbol*. — 2013. — Vol. 28 (1). — P. 22–40.
130. *Porter J. I.* The Origins of Aesthetic Thought in Ancient Greece: Matter, Sensation and Experience. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 607 p.
131. *Prandi M.* Conceptual Conflicts in Metaphors and Figurative Language. — New York: Routledge, 2017. — 336 p.
132. *Purves A.* (ed.) Touch and the Ancient Senses. — New York: Routledge, 2018. — 226 p.

133. *Ramachandran V., Hubbard E.* Synaesthesia: a window into the hard problem of consciousness // *Robertson L. C., Sagiv N.* (eds.) Synaesthesia: Perspectives from cognitive neuroscience. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 127–189.
134. *Ricoeur P.* La métaphore vive. — Paris: Seuil, 1975. — 414 p.
135. *Rogers A.* Three kinds of physical perception verbs // Chicago Linguistic Society. — 1971. — Vol. 7. — P. 206–223.
136. *Root N. B., Rouw R., Asano M., Kim Ch.-Y., Melero H., Yokosawa K., Ramachandran V. S.* Why is the synesthete's 'A' red? Using a five-language dataset to disentangle the effects of shape, sound, semantics, and ordinality on inducer-concurrent relationships in grapheme-color synesthesia // *Cortex*. — 2018. — Vol. 99. — P. 375–389.
137. *Rosch E.* The nature of mental codes for color categories // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. — 1975. — Vol. 1. — P. 303–322.
138. *Rothen N., Schwartzman D. J., Bor D., Seth A. K.* Coordinated neural, behavioral, and phenomenological changes in perceptual plasticity through overtraining of synesthetic associations // *Neuropsychologia*. — 2018 — No. 111. — P. 151–162.
139. *Rouw R., Case L., Gosavi R., Ramachandran V.* Color associations for days and letters across different languages // *Frontiers in Psychology*. — 2014. — Vol. 5. — P. 1–17. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2014.00369/full> (дата обращения: 06.09.2023).
140. *Rudolph K. C.* (ed.) Taste and the Ancient Senses. — New York: Routledge, 2018. — 286 p.
141. *Sacks O.* Musicophilia: Tales of Music and the Brain. — New York: Alfred A. Knopf, 2007. — 381 p.
142. *Sagiv N., Ward J.* Cross-modal interactions: Lessons from synesthesia // *Progress in Brain Research*. — 2006. — Vol. 155. — P. 263–275.

143. *Salkie R.* How can linguists profit from parallel corpora? Parallel corpora, parallel worlds / L. Borin (ed.). — Amsterdam: Rodopi, 2002. — P. 93–109.
144. *Sapir E.* A study in phonetic symbolism // *Journal of Experimental Psychology.* — 1929. — No. 12. — P. 225–239.
145. *Shinohara K., Nakayama A.* Modalities and directions in synaesthetic metaphors in Japanese // *Cognitive Studies.* — 2011 — Vol. 18 (3). — P. 491–507.
146. *Shlyakhova S. S.* Frequency correlations in grapheme-color synesthesia in komi-permyak language // *XLinguae.* — 2018. — Vol. 11 (2). — P. 518–527.
147. *Simner J., Glover L., Mowat A.* Linguistic Determinants of Word Colouring in Grapheme-Colour Synaesthesia // *Cortex.* — 2006. — Vol. 42 (2). — P. 281–289.
148. *Simner J., Holenstein E.* Ordinal Linguistic Personification as a Variant of Synesthesia // *Massachusetts Institute of Technology Journal of Cognitive Neuroscience.* — 2007. — No. 19 (4). — P. 694–703.
149. *Simner J., Ward J.* Synaesthesia: The taste of words on the tip of the tongue // *Nature.* — 2006. — Vol. 444. — P. 438–438.
150. *Squire M.* (ed.) *Sight and the Ancient Senses.* — New York: Routledge, 2016. — 313 p.
151. *Strik Lievers F.* Figures and the senses Towards a definition of synaesthesia // *Review of Cognitive Linguistics.* — 2017. — No. 15 (1). — P. 83–101.
152. *Strik Lievers F., Huang Ch.* A Lexicon of Perception for the Identification of Synaesthetic Metaphors in Corpora // *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16) / N. Calzolari (ed.).* — Portorož: European Language Resources Association Publ., 2016. — P. 2270–2277. URL: <https://aclanthology.org/L16-1360/> (дата обращения: 06.09.2023).
153. *Strik Lievers F.* Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality // *Functions of language.* — 2015. — No. 22. — P. 69–94.

154. *Strik Lievers F., Huang Ch.-R., Xiong J.* Linguistic Synaesthesia // The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics / X. Wen, J. R. Taylor (eds.). — Routledge: New York, 2021. — P. 372–383.
155. *Suarez De Mendoza F.* L'audition colorée. Étude sur les fausses sensations secondaires physiologiques et particulièrement sur les pseudo-sensations de couleurs associées aux perceptions objectives des sons. — Paris: Octave Doin, 1890. — 164 p.
156. *Tendhal M. A.* Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — 295 p.
157. *Tilot A. K., Vino A., Kucera K. S., Carmichael D. A., Heuvel L. van den, Hoed J. den, Sidoroff-Dorso A. V., Campbell A., Porteous D. J., St Pourcain B., Leeuwen T. M. van, Ward J., Rouw R., Simner J., Fisher S. E.* Investigating genetic links between grapheme—colour synaesthesia and neuropsychiatric traits // Philosophical Transactions of the Royal Society, B. — 2019. — Vol. 374. — № 20190026. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2019.0026> (дата обращения: 06.09.2023).
158. *Tognini-Bonelli E.* Corpus Linguistics at Work. — Amsterdam: John Benjamins, 2001. — 224 p.
159. *Ullmann S.* The Principles of Semantics. — Oxford: Basil Blackwell, 1957. — 352 p.
160. *Vanhove M.* (ed.) From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. — Amsterdam: John Benjamins, 2008. — 404 p.
161. *Varga D., Németh L., Halácsy P., Kornai A., Trón A., Nagy V.* Parallel Corpora for Medium Density Languages // Recent Advances in Natural Language Processing IV / N. Nicolov, K. Bontcheva, G. Angelova, R. Mitkov (eds.). — Amsterdam: John Benjamins, 2007. — P. 247–258. — Series: Current Issues in Linguistic Theory.

162. *Véronis J.* (ed.) *Parallel Text Processing: Alignment and Use of Translation Corpora.* — Dordrecht: Springer, 2000. — 403 p.
163. *Viberg Å.* The verbs of perception: a typological study // *Linguistics.* — 1983. — Vol. 21 (1). — P. 123–162.
164. *Viberg Å.* Sensation, perception and cognition: Swedish in a typological-contrastive perspective // *Functions of Language.* — 2015. — Vol. 22 (1). — P. 96–131.
165. *Viberg Å.* Phenomenon-Based Perception Verbs in Swedish from a Typological and Contrastive Perspective // *Syntaxe et Sémantique.* — 2019. — Vol. 20 (1). — P. 17–48.
166. *Viberg Å.* Contrasting semantic fields across languages // *New Approaches to Contrastive Linguistics. Empirical and Methodological Challenges / R. Enghels, B. Defrancq, M. Jansegers* (eds.). — Berlin; Munich; Boston: Walter de Gruyter, 2020. — P. 17–48. — Series: Trends in Linguistics. Studies and Monographs [TiLSM].
167. *Ward J., Simner J.* Lexical-gustatory synaesthesia: linguistic and conceptual factors // *Cognition.* — 2003. — Vol. 89 (3). — P. 237–261.
168. *Werning M., Fleischhauer J., Beseoglu H.* The Cognitive Accessibility of Synaesthetic Metaphors // *Proceedings of the Twenty-Eighth Annual Conference of the Cognitive Science Society / R. Sun, N. Miyake* (eds.). — New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2006. — P. 2365–2370. URL: https://escholarship.org/content/qt80834044/qt80834044_noSplash_2ab3bad79e76f3c7ec01c1c1804c5498.pdf (дата обращения 06.09.2023).
169. *Wierzbicka A.* Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects // *Cognitive Linguistics.* — 1990. — Vol. 1 (1). — P. 99–150.
170. *Williams J. M.* Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change // *Language.* — 1976. — Vol. 52 (2). — P. 461–478.
171. *Winter B.* *Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor.* — Amsterdam: John Benjamins, 2019. — 305 p.

172. *Yu N.* Synesthetic metaphor: A cognitive perspective // *Journal of Literary Semantics*. — 2003. — Vol. 32 (1). — P. 19–34.
173. *Yu X.* The Cognitive Function of Synesthetic Metaphor // *Journal of Language Teaching and Research*. — 2015. — Vol. 6 (6). — P. 1305–1310.
174. *Zanettin F.* Translation-driven corpora. Corpus resources for descriptive and applied translation studies. — New York: Routledge, 2014. — 258 p.
175. *Zawislawska M., Falkowska M., Ogrodniczuk M.* Verbal synaesthesia in the Polish corpus of synaesthetic metaphors // *LaMiCuS*. — 2018. — Vol. 2. — P. 226–253.
176. *Zhao Q.* Embodied Conceptualization or Neural Realization. A Corpus-Driven Study of Mandarin Synaesthetic Adjectives. — Singapore: Springer, 2020. — 145 p.
177. *Zhao Q., Huang Ch.-R., Ahrens K.* Directionality of linguistic synesthesia in Mandarin: A corpus-based study // *Lingua*. — 2019. — Vol. 232. — P. 1–15. URL: <http://hdl.handle.net/10397/92500> (дата обращения: 06.09.2023).

Словари

178. *Dupriez B.* *Gradus: Les procédés littéraires*. — Paris: Union Générale d'Édition, 2003. — 540 p.
179. *Nordquist R.* Synesthesia (Language and Literature). — *Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms*, 2017. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.thoughtco.com/synesthesia-language-and-literature-1692174> (дата обращения: 06.09.2023).
180. *Малый академический словарь: в 4 т. / Ред.: А. П. Евгеньева.* — М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984).
181. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — М.: АЗЪ, 1994. — 928 с.
182. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. — М.: Альта-Принт, 2008. — 1239 с.

183. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс] — URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 30.08.2023).
184. Larousse. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 30.08.2023).
185. Le Petit Robert, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — Paris, 2014. — 2838 p.
186. Oxford Learner's Dictionary. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 30.08.2023).
187. Trésor de la Langue Française informatisé. [Электронный ресурс] — URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 30.08.2023).

Источники

Корпус R

188. *Rimbaud A.* Le bateau ivre и его переводы на русский язык [Электронный ресурс]. — URL: [https://wikilivres.ru/Пьяный_корабль_\(Рембо\)](https://wikilivres.ru/Пьяный_корабль_(Рембо)) (дата обращения: 30.08.2023).

Корпус N

189. *Набоков В. В.* Лолита. — М.: Прометей, 1991. — 283 с.
190. *Nabokov V.* Lolita. — London: Penguin Classics, 2006. — 216 p.
191. *Nabokov V.* Lolita / Пер. с англ. Э. Каан. — Paris: Gallimard, 1976. — 501 p.
192. *Nabokov V.* Lolita / Пер. с англ. М. Кутюрье. — Paris: Gallimard, 2001. — 470 p.